

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

КРОВНОЕ СЛОВО

Переводы из узбекской поэзии

ТАШКЕНТ

Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1981

Художник А. Багдасарян

Иванов Сергей Николаевич.

Кровное слово: Переводы из узбекской поэзии. — Т.: Изд. лит.
и искусства, 1980. — 608 с.

Ленинградский поэт, переводчик, ученый Сергей Иванов знакомит читателя со своими переводами, из узбекской классической и современной поэзии.

ПОЭТЫ-КЛАССИКИ

Все мысли, в сердце бравшие исток,
Язык облек в одежды мерных строк.

Народ им щедро душу отдавал, —
Как свод небес, вознесся гул похвал.

Вознесшийся над ветхим домом свод
Принес ему и славу и почет:

Речь, стывшая в развалинах без крова,
Пароду стала кровной мерой слова.

Алишер Навои

АМИРИ

ГАЗЕЛИ

* * *

Твой лик смятением сердец для всей вселенной предстает:
Ведь если роза без шипов, то несравненной предстает.

И если горгашей-менял я за достойных что, ну что ж? —
Всегда безумцем на торгах глупец презренный предстает.

А вожделевший по тебе удачлив был в торгах любви:
Он дешево обретшим дар любви бесценной предстает.

А птицу сердца моею бьют стаи воронов твоих, —
Оно все в пятнах, как павлин окровавленный, предстает.

Летучей мысли не дано познать дневного солнца свет:
Не перед каждым верный друг в юдоли брэнной предстает.

Но взору сердца моею открыт моей любимой лик, —
Пусть он соперникам-врагам как сокровенный предстает.

И верность и любовь хранит в чертоге сердца Амири,
И яркий свет ею очам в красе нетленной предстает.

* * *

Вино любовных нег твой лик таким румяным сделало,
Что знак от зависти увячь всем розам рдяным сделало.

Склоненный кипарис не мог поднять главу в смущении,
Когда ему живой упрек ты стройным станом сделала.

Хоть я — Меджнун, а не дружу я со степными ланями:
Меня давно одна из них безумцем рьяным сделала.

Не крылья птицу сердца ввысь вздымают — перья стрел твоих:
Ты, стрелы в. сердце мне вонзив, его колчаном сделала.

Зачем же кубок Джама мне, зеркало Искандерово,
Когда вино мою судьбу разбитым жбаном сделало?

И каждый месяц небеса нам дарят новолуние:
Чтит небо бровь твою, как я, и гостем званым сделало.

О, не пытай же, почему пылает сердце в горестях, —
Его палящая огнем печаль багряным сделала.

Едва припомню локон твой — повержен я в смятение:
Меня гнетет безумьем страсть — как будто пьяным сделала.

Знать, гнев возлюбленной на вас обрушится, влюбленные:
Спесь своенравия ее лихим буяном сделала.

О смерть, не тщись настичь меня: живут уста красавицы,
Лишь слово молвила—и знак зажить всем ранам сделала.

Всем миром признан Амири в делах любви наставником:
Ему за преданность судьба честь этим саном сделала.

АТАИ

ГАЗЕЛИ

* * *

Сердце кровью исходит, в разлуке убого,
А от страсти душа — будто в язвах ожога.

Рать кудрей красоту твою в плен захватила,
От очей твоих им подоспела подмога.

Жала стрел твоих если сравню я с шипами,
Купы роз от смущенья полягут полого.

На пирах от хмельного настоя пьянеют,
Мне ж от чаши красы твоей — хмель и тревога.

Всем желаньям свершение — чаша по кругу.
Для удачи — верней не бывало залога.

Чернокудрым я был — поседел я от страсти, —
На меня не взглянула, увы, недотрога.

А под сводом бровей чудо-очи сверкнули —
Сердце пленником быть приневолили строю.

Мучьте, мучьте влюбленных, да много ль намучишь,
Если к ним навсегда позабыта дорога!

Атаи от красавицы ждет милосердья, —
В горе подданных хану печали немного!

* * *

Я знаю двух красавиц — чисты, как лунный свет:
Одна из них — что сахар, другая — как шербет.

Чело одной — как солнце, взошедшее в зенит,
В очах другой — безверья неистребимый вред.

У этой кудри — сети, и мушки — как зерно,
Как кипарис — другая: стройнее стана нет.

У первой зубки — чудо, блестят, как жемчуга,
Уста другой сверкают, как яркий самоцвет.

У первой лоб и щеки — светлее серебра,
Темны и томны очи второй из непосед.

Одна — султан-властитель в державе красоты,
Другая меж красавиц — владычица побед.

У этой нрав лукавый разит, как острый нож,
У гой — мечи-ресницы язвят большее бед.

У первой чудо-брови — как месяц молодой,
Чело другой сверкает, как праздничный рассвет.

Одной покорно служит смиренный Атаи,
Но он же робко ходит и за другой вослед!

* * *

Хочет сердце твое жизнь отнять у меня —
О, взгляни хоть на миг, грозным взором казня!

А не видит мой взор темень кос, светлый лик —
Не милы мне ни ночь, ни сияние дня.

Не склонюсь головой перед высью небес,
У михраба бровей стан в молитве клоня.

Что плоды райских кущ! По тебе я томлюсь, —
Мне милее стократ пыл румянца-огня.

Разум я потерял от повадок твоих, —
Что за прихоть — манить и скрываться, дразня!

Если рай без тебя посулит мне творец, —
«Что все восемь кругов, — я скажу, — для меня!»

Кто такой Атаи перед этой красотой:
Что за польза — молить, если гонят, кляня!

* * *

Я тебя не понимаю: неверна всегда ты, право,
И для сердца ты — погибель, и душе — беда ты, право.

Сколько душ ты загубила, не насытившись добычей, —
Алчен взор твой ненасытный, и душой тверда ты, право.

Чем ты, сердце, прегрешило, что от гордых красотой
Повидало столько горя, гнета и вреда ты, право?

А поправ меня во прахе, говорит она коварно:
«Что-то мне стоять неловко, — лег зачем сюда ты, право?»

А когда гляжу я долю на нее, она смеется:
«Атаи, ты — жадный нищий и лишен стыда ты, право!»

* * *

Меня красавица гнетет, душой черства всечасно,
Хоть речь ее всегда сладка, горьки слова всечасно.

Встающее светило дня идет-бредет по свету,
В нем сила жара — от тебя, тобой жива всечасно.

Хоть луки выгнутых бровей не мечут стрел желанных,
Сердца, как птиц, сражает вмиг их тетива всечасно...

И от печали по красе изменчивых красавиц
Сердца трепещут, как листва или трава, всечасно.

И почему таков закон, что чаровницам любо
Влюбленных мучить и томить из озорства всечасно?

Стихами славит Атаи уста своей любимой,
А потому и сладость слов его нова всечасно!

* * *

Твоим смутительным очам я в жертву отдан ненароком,
Когда ты пряди темных кос распустишь на челе высоком.

Я твой порог Каабой чтил и жертвой перед ним склонился, —
Зачем же в данника святынь ты метишь нечестивым оком?

Тебя я вспомню — стан, уста и кудри, — силы нету боле, —
Зачем же в боли столько сил, когда я в горе одиноком?

Я все мучения стерплю, на миг тебя не покидая,
Но где ж, любимая, предел твоим укорам и упрекам?

И все те жертвы красоты, что ты заманивала в сети,
Отныне в сеть не завлекай, молю — сдержи себя зарокотом!

Я на скрижаль души нанес все точки родинок любимых,
Когда был создан образ твой рукой творца — предвечным роком.

Спроси хоть раз об Атаи, виденье уст твоих зовущем,
Когда страну небытия он ищет в странствии далеком.

* * *

Душа пылает, — как мне быть: я луноликою забыт,
Я, видно, ею за любовь мою великую забыт!

И если слышат небеса мой стон, вздымающийся ввысь,
О, почему же я моей небесноликою забыт?

Кто порадеет мне в беде, хотя бы вспомнит обо мне:
Навеки преданный бедняк своим владыкою забыт.

А прежде сей смиренный раб немало милостей видал!
Чем стал я хуже, что теперь я горе мыкаю, забыт?

Какое зло я совершил, какой ошибкой прегрешил,
Что я, отвергнутый навек, став горемыкою, забыт?

И в разлучении с тобой стенанья — словно четки мне:
Я их нижу — всё ох да ох, — вот так и хныкаю, забыт!

Я — словно небыль, Атаи, для той владычицы дворца, —
...пай в страну небытия — в пустыню дикую, забыт!

* * *

Под стать извивам кос твоих, вязь мук во мне жива-жива, —
Хоть раз пришла бы навестить, а то ведь всё—слова-слова!

Я звездочетов вопрошал, где точка-нолик уст твоих,
И я услышал их ответ: «Уста видны едва-едва!»

Когда ты, истомив меня, в дом сердца моего придешь, —
Скажу: «Напрасно ты пришла, любовь во мне мертва-мертва!»

И если хочешь в двух мирах в державе красоты царить,
Влюбленных с толком выбирай, и будешь ты права-права!

И вот что вышло: Атаи от века был твой старый раб, —
Он был ли юным, если ты душой была черства-черства?

САККАКИ

ГАЗЕЛИ

* * *

В мире взор на твой похожий, как беда опасный, — где?
И плененный им страдалец, как и я несчастный, — где?

Как твои уста-рубины, уст других на свете нет,
Лик, как мой, янтарно-желтый от беды всечасной где?

Я в разлуке истомился, прахом взор заволокло, —
Пыль твоих следов найти бы, чтобы взор стал ясный, — где?

Снадобье сердечным мукам — уст рубиновых шербет,
Муки душу истерзали, а шербет прекрасный — где?

От любви, кумир мой, стал я желт, как золото, лицом, —
Медь во злато превративший чародей всевластный — где?

Стан твой—зависть кипарисам, зависть розам—облик твой,
Только где благоуханье, аромат их страстный — где?

Ищешь нищих ты у Кыблы—им красу, как дань, раздать, —
Глянь на Саккаки, проведай, раб судьбы злосчастной—где?

* * *

Кто не служил тебе, как раб, вовек не быть ему в почете.
О вы, что не служили ей, богатства вы не обретете!

Я пред тобою преклонен, святоша — перед дровом рая:
Любой радеет по уму или по собственной охоте!

Увидев нищих бедняков, в лохмотьях рубища бредущих,
Не презирайте их тряпье, не зная, что под ним найдете.

Ты — как Лейли: вокруг тебя сто тысяч сумасбродов вьется, —
Теперь настало время нам, а не Меджуну быть в заботе!

Ты над державой красоты царишь в величии всевластном,
Подходит стану твоему наряд в красивой позолоте.

От стана твоего весь мир, как в судный день, охвачен смутой,
Глаза и косы — бич мирам, беда для духа и для плоти.

И пусть лукавство глаз гнетет, грозя душе смертельной мукой, —
Рубины уст, вы Саккаки всю радость бытия даете!

* * *

Возьми зеркало и взглядись, что в нем предстанет зримо
Ты — словно пери, и краса твоя неизъяснима!

Кто видел месяц в небесах, тебе красою равный?
С тобою схожий кипарис возрос ли в рощах Крыма?

О повелительница, ты — владыка всей державы,
О свет очей, от века ты в чертоге сердца чтима.

Тебя луной бы я назвал, да только ты светлее:
Твое чело по красоте с луною несравнимо.

Соперник помысел таил, что ты меня погубишь, —
Зря ликовал он: смерть сладка, когда тобой дарима.

Когда хвалу твоей красе на площади услышат,

Пред ней во прах падет толпа, стенаньями томима.

Псы у порога твоего на Саккаки озлились,
И нам теперь и сон — не в сон, а ночь проходит мимо!

* * *

Узрит светило дня во сне, как красота твоя горда,
Проснувшись, в тот же миг оно захочет скрыться навсегда.

Опали розы в цветнике, едва узрев твое чело,
И я увидел: лепестки багряно рдеют от стыда.

А полумесяцы бровей взойдут — и словно праздник стал,
И за завесою небес луна исчезла без следа!

Увидел очи я твои — страданьем сердце изошло,
Но невдомек твоим устам проведать, в чем моя беда.

А ямки щек твоих хитрят, устроив сердцу западню,
Но я завесу отниму — вся хитрость пропадет тогда.

Меня соперники убьют — тебе и это нипочем,
Увы, справляя торжество, озлилась псиная орда.

Да не зачтут тебе в вину, что кровь мою, как воду, льешь, —
Готов я, чтобы на меня грехом легла бы та вода.

И слезы лью в рыданьях я, роняя их к твоим стопам,
А будет ли награда мне, я не узнаю никогда.

И предо мною что ни миг встают стенанья Каф-горой,
И стоны те, о Саккаки, — твоя суровая страда.

* * *

Сожжено разлукой тело, а душа от боли плачет,
Очи кровью то и дело о злосчастной доле плачут.

От мучений слег в постель я—нет лекарств моим недугам:
Лекарь, снадобья и зелья сами поневоле плачут!

Перлы зубок луноликой лишь увидел — стал рыдать я,
Обо мне в тоске великой даже ливень в поле плачет.

Смолкло пиршество в кручине, о твоей красе услышав,
Все, кто был там, и поныне мук не побороли — плачут.

У твоих дверей, понурый, я, как пес, лежу годами, —
Мусульмане и гяуры о моей недоле плачут.

Даже мой завистник черный пожалел меня за муки, —
Не пойму: злодей притворно или вправду что ли плачет?

Саккаки поникнул квело: что с беднягой — видно сразу:
Умный, глупый, грады, сёла, толпы знати, толп — плачут!

* * *

Смущены тобой, слетели лепестки у роз, опали,
Скрылись от тебя газели, ускакав в степные дали.

Сахар уст чуть видных видя, сердце в небыли исчезло,
Стихло в горестной обиде истомленное в опале.

Что ж терзаться, негодуя, — сам хотел своих мучений,
Сам себя завлек в беду я, — мне спасенье есть едва ли!

Глянь в потоки слез бедняги — станешь чище ты душою,
Красоту свою во влаге созерцая, как в зеркале.

О, внемли стенаньям слезным, — видишь, как кружатся капли,
Звезд таких в круженье звездном и на небе не видали!

День и ночь без сил от хвори, безысходно я рыдаю, —
Кроме моего же горя, нету друга мне в печали.

Слезы душу насмерть ранят, Саккаки, —конец мученьям, —
Чем еще в конце обманет жизнь отнявшая в начале?

ЛУТФИ

ГАЗЕЛИ

* * *

Что ни свершит дурного, а всё слывет хорошей:
У ладных да красивых поступкам счет хороший!

Под ветви розы сядет — и ветер, нежно вея,
На розу сыплет розы: хороший льнет к хорошей.

Жемчужными зубами уста прикусит сладко —
Ну, молоко да сахар сольются в мед хороший.

И пусть на светлом лике пушок проступит темный:
Ведь черное на белом п блеск дает хороший!

Закрыв лицо кудрями, ты от Лутфи не прячься:
Проглянет солнце в тучах — и свет с высот хороший!

* * *

Когда подруга муки мне неисчислимо множит,
Как мне с моей любовью быть — загадка ум мой гложет.

Меня расправит, как стрелу, ее коварств расправа,
А луки-брови, знаю я, мне дальний путь проложат.

К рубинам уст прильнуть бы мне—я волю дам лобзаньям,
Пока из мушек хоть одна уста чернить не сможет!

«Свиданьем, — говорит, — твои недуги исцелю я», —
От смерти можно ли лечить: весь век в разлуке прожит.

Нет, верности Лутфи вовек не ведал от любимой, —
В неверную никто любви и верности не вложит!

* * *

О, как ты любима мною — хочешь верь, а хочешь — нет,
Сердце ноет, как больное, — хочешь верь, а хочешь — нет!

В ночь разлуки к поднебесью поднимается мой стон,
Если я от боли ною, — хочешь верь, а хочешь — нет.

Если даже острой саблей преградят мой путь к тебе,
Не пройти мне стороною, — хочешь верь, а хочешь — нет.

А взгляну в глаза хмельные — и исчезну навсегда,
Позабыв житье земное, — хочешь верь, а хочешь — нет.

Как Якуб, я горько плачу, без тебя в моих очах
Свет окутан пеленою, — хочешь верь, а хочешь — нет.

Лунный лик твой видят люди— благо им, а мне беда:
Тьмою взор закрыт сплошною, — хочешь верь, а хочешь — нет.

Сребростанная, от жара стал Лутфи как золотой:
Весь покрылся желтизною, — хочешь верь, а хочешь—нет.

* * *

Молило сердце локон твой: «О, допусти к послугам,
Нанду смиренье и покой в биче твоём упругом!»

Кого не тронул грозный меч — суровый гнев подруги,
Тому пред нею жертвой лечь — почет не по заслугам.

Любой, смиреньем одержим, твоим кудрям послушен:
Былой гордыне став чужим, смиренность станет другом.

Соперник, хоть и льстивый он, влюбленному — не пара:
Он, как лисица, осужден на льва взирать с испугом.

Твое сиянье — благодать: лишь отведешь завесу —
Не надо солнцу и вставать, — ты — солнце всем округам.

Не потому ли, что земля — твоим стопам опора,
Ниц падать на землю, моля, привычно божьим слугам?

Хоть раз приди, лишь миг потратить, спроси Лутфи о боли, —
Благое дело — навещать страдающих недугом!

* * *

Вкусны, как жизнь, твои уста и в сласти ей не уступают,
А тьме безверия — витки твоих кудрей не уступают.

Как ни игрива красота у китайнок и тюрчанок,
Ей озорная быстрота твоих очей не уступает.

О, разве, истомлен и слаб, могу я умереть от жажды?
Твои уста — живой воде, равняясь с ней, не уступают!

Потоки слез в моих очах, поверь, вовеки не иссякнут:
Они — разливу бурных волн рек и морей не уступают.

Псам у порога твоего найдется ли на свете ровня?
Они — властителям миров в судьбе своей не уступают!

И пусть рубины твоих уст меня вовек до слез не мучат:

Багряной влаге страшных ран—тех слез ручей не уступает.

Властитель славный — Улугбек в речах Лутфи искусство ценит:
Словам Салмана красота его речей не уступает!

ТУЮГИ

* * *

Хоть мне лишь слезы принесла та лучшая из роз,
Молю, чтоб божий гнев над пей смягчался, а не рос.
К чему же слезы? Все равно огонь такой любви
Не пощадит ни глаз сухих, ни влаги слезных рос

* * *

Как долги волею судьбы моих скитаний лета!
Зиме разлуки нет конца, и не наступит лето.
Хоть раз бы вспомнила меня с участием и любовью!
Я все пишу ей: «Твой, люблю!», но не напрасно ль это?

* * *

О сердце, как без милой жить? Терзанья ломают темя,
Что делать мне? Заворожен я локонами теми.
Я все стерплю — неверность, ложь и черный мрак глумленья,
Настанет день — и луч сверкнет в кромешной этой теми!

* * *

Стыдит мою любовь молва, людская сплетня зла,
Но ты одна в моих мечтах, хоть много сил у зла.
Когда б соперник мой хоть раз попался в руки мне,

Я б кожу снял с его спины и свил бы в три узла!

* * *

Когда мой стан согнули в лук твоих бровей два жала,
Мне душу не огонь ли жег и грудь не смерть ли жала?
Из-за коварства твоего я столько крови пролил,
Что на руках твоих, как хна, от крови тень лежала!

* * *

Вот жизнь прошла, а я — не с ней. Не сбыться светлой доле!
Печаль мне сердце разорвет, терпеть нет силы доле.
Из-за неверности твоей не верю никому я:
В долине скорби я брожу — неверья темпом доле!

* * *

Стенать — призыванье соловья: знай щелкай и свисти
И розу о любви своей тем свистом извести.
Но если наглый горлопан петь тщится соловьем,
За это надо б наглеца до смерти извести!

* * *

Я в душу заглянул свою — в ней все горит от боли.
Нет, мне не высказать тех мук: они томят все боле.
Мой стан, как волос, тонок стал, но в нем любовь все та же,
Клеймо разлуки так же жжет, и в сердце те же боли.

ГАДАИ

ГАЗЕЛИ

* * *

Вот и лето пришло, красотой сады озарив,
Ветер, благо тебе — животворен твой нежный порыв.

С луноликой бы летом, ласкаясь п нежась, пройтись:
Впору райским садам луг цветущий п свеж и красив.

Но и в светлые дни я, как прежде, от милой далек, —
Не карай, о творец, век мой с горем навеки сдружив.

Как унижен я был! От невзгод стала прахом душа,
Но вкусил я услад, слава господу — он справедлив.

Оживи иль убей — я покорен веленьям твоим, —
Я ведь жертва твоя, ты жестока, а я терпелив!

* * *

Я не видел столь дивной, бедою грозящей красы,
Столь неверной и лживой, очами томящей красы,

Столь далекой от веры, ее не хранящей ничуть,
Колдовскими очами до крови разящей красы,

Словно жемчуг, блестящей, сияющей светом лучей,
Будто солнцу навстречу, звездой светящей красы,

Будто слово господне, являющей чудо мирам,
Змеекудрой и душу набег ом губящей красы!

Гадаи, будешь жив ты — другой п не жаждай вовек,
Кроме той розоликой, как тополь манящей, красы!

* * *

Ты опять меня забыла, — как же так?
Верность чтить тебе не мило, — как же так!

Нашим прежним уговорам неверна,
Ты обеты преступила, — как же так?

Верности в тебе не сыщешь, а терзать
Есть в тебе и злость и сила, — как же так?

Раньше ты других чуждалась, а теперь
Моего страшишься пыла, — как же так!

Гадай, чей ум и разум люди чтут,
Ты безумием корила, — как же так?

* * *

Ты улыбнешься — на устах как будто тает мед,
А молвишь слово — перл слетит п жемчуг проблеснет.

А пряди кос ты расплетешь, владычица души, —
Прохлада утренней зари, как мускусом, дохнёт.

Твой лунный лик взойдет в ночи — скорблю я до утра,
И очи звездный ливень слез струят к земле с высот.

Высокий сап твой небо чтит: едва блеснет заря,
Дождь золота к твоим стопам роняет небосвод.

Но сломлен горем Гадай, родник багряных слез
Рубинам уст твоих под стать, живой водой течет.

* * *

Тот сад, что в чарах колдовских таким прекрасным кажется.
Мне без тебя лишь пустырем — глухим, безгласным кажется.

Нет сил терпеть! Как ни молю внять мукам сердца горького,
Мой зов, как неразумный бред, тебе напрасным кажется.

О кипарис мой, ты пройдешь, ступая с томной негою, —
Мне поступь плавная твоя томленьем страстным кажется.

Мудрец, узрев твою красу, впадет, как я, в безумие,
Хотя он в мудрости своей уму подвластным кажется.

Доколе Гадай влюблен в такую луноликую,
Он чужд всему, к делам мирским он безучастным кажется!

* * *

Мне сердце щеки твои, как пламень горячий, жгут,
А чары очей всю плоть мне болью колючей жгут.

Не кудри губят меня, я их не корю ничуть:
Лучи твоего чела, как светоч могучий, жгут.

Изранено сердце в кровь, но нет свершенья мечтам, —
Слова твоих сладких уст огнями созвучий жгут.

Кому о беде сказать, спасение где найти?
Ведь муки твоих измен, как жар неминуемый, жгут.

О горестный Гадаи, пришел, видно, твой конец:
Печаль, и тоска, и скорбь кручиною жгучей жгут!

* * *

Если люб горемыка, убитый тоскою, тебе,
Мне великое благо — быть жертвой лихою тебе.

Всем дано в час урочный страдания сердца излить, —
О султан мой, позволь же, я сердце открою тебе.

О, внемли же рыданиям, смотри — моих слез берегись:
А не то они хлынут и станут бедою тебе!

Если я, как отступник, забуду рубин твоих уст,
Кровь моя пусть навечно пребудет водою тебе.

Словно клад ты красою, но сломлено сердце мое, —
Славен бог, хоть в обломках приют я устрою тебе!

Да сверкает вовеки сиянье твоей красоты, —
Всем светилам на диво дано быть звездою тебе.

Как извивы кудрей твоих, корчусь я в муках любви,
Ну а ты и не спросишь: «Что ж нету покоя тебе?»

* * *

Когда, о стройный кипарис, ты мчишься на коне,
Мой стон пронзает семь небес в предвечной вышине.

Едва на скакуне лихом мелькнешь ты красотой,
Слабеет тотчас разум мой, и меркнет жизнь во мне.

И миг свиданья — в гибель мне: я жертвою паду
Перед тобой, чей взор горит с звездой наравне.

О горе! Выдали меня ручьи кровавых слез:
Все стало явным, что хранил я тайно в глубине.

О, пожалел бы рок меня, до времени щадя,
Чтоб ты попрала плоть мою, скача на скакуне.

Теперь, не медля, пощади боль сердца моего, —
Взойдет заря — ты не найдешь и слуха обо мне.

Что стоит снизойти тебе, утешить Гадаи, —
Он здесь, покинутый тобой, скорбит наедине.

* * *

О кумир мой, ты забыла свой обет, наш уговор,
И без края, без предала шлешь мученья мне с тех пор.

Я, соперником измучен, вьюсь, как пряди кос твоих, —
О, когда б того злодея бог извел и в небыль стер!

Что ни миг — его злых издевок от людской молвы сношу, -
О тебе, мой друг, мечтая, я терплю такой позор.

И в очах моих, и в сердце днем и ночью образ твой, —
Видно, там ему любезны и неволя и затвор.

Горе мне! Твоей изменой н безвинно изведен, —
Что же я могу поделатъ злой судьбе наперекор?

Вдруг судьба меня, как Ноя, вечной жизнью наделит?
А на что же мне в разлуке вечной жизни приговор?

Оживи свиданьем душу или сразу же убей!
Нить души чуть видно вьется, Гадаи и слаб и хвор.

* * *

Твои очи лишь глянут — и душу живят, —
О, взгляни только раз, брось единственный взгляд.

Что за дивная пальма — изящный твой стаи:
Соки листьев истому и ногу струят.

Чернота твоих кос — как беда для души,
Взор под сводом бровей черной карой чреват.

Как бы тьмою разлуки пи куталась ночь,
А лучи на заре все равно заблестят.

В мире не было б радости лучше вина,
Если б горечь похмелья не жгла, словно яд.

Вязь кудрей твоих сердце мне сжала силком,
Только эта неволя мне слаще услад.

Мне мудрец по бровям твоим рок предсказал:
«Полумесяцы эти бедою грозят!»

Слез моих и стенаний, смотри, берегись:
Стон страдальца — предвестник грядущих расплат.

Мой соперник грозился мне сердце рассечь, —
Гадаи, тот бесстыдник сболтнул невпопад.

НАВОИ

ГАЗЕЛИ

* * *

В разлуке лик мой — как шафран, цвести на нем слезам-
тюльпанам,
Не слезы это — кровь от ран на мертвом сердце, в клочья рваном.

«Жемчужины твоих зубов, — сказал я, — сев терпенья губят», —
Она в ответ мне: «Град суров, несущий гибель всем полянам!»

На розе ярче багреца сверкают сладкие росинки, —
Иль это — нежная пыльца, приставшая к устам румяным?

Тростинки острых стрел твоих, пробивших грудь мне,
обломались, —
Еще трепещут жала их в истекшем кровью сердце рдяном.

Все девять блещущих небес вокруг тебя кружатся в смуте, —
Никто не знал таких чудес — близ солнца стольким быть
смутьянам!

Рыдаю я в потоках слез, навек покинутый друзьями:
Стенаю я, как жалкий пес, что не поспел за караваном.

Стал Навои горою бед: цветут тюльпаны-слезы кровью,
Горою быть—его обет, и — вечно цвести слезам багряным.

* * *

Скиталец горький, страсть таю я к пери чудной красоты,

Дивится мир на страсть мою, меня ж дивят ее черты.

Ты лечишь жар, что грудь мне сжег, ко мне летящим ливнем стрел:

Подобен каплям их поток, прохладу льющий с высоты.

Ты, сердце, – воин, вражий стан тебе грозит – кольцо скорбей,
А пятна незаживших ран – твои багряные щиты.

Что это – красных перьев цвет, венчающих тростинки стрел,
Иль моим сердцем струи бед – потоки крови пролиты?

К тебе письмо – мой страстный зов – придет ли? Грозен суд
людской:

Скрыть твое имя я готов – спасти тебя от клеветы.

Красивым пологом одет приют веселья и вина:

Над ним сияет солнца свет, и выси горние чисты.

Над розой соловей притих, но налетит тяжелый град –
Увянет роза уст твоих – засохнут нежные цветы.

«Не стоит, – говорят, – любви жизнь не отдавший за любовь», –
Пусть за любовь, о Навои, сто жизней будут отняты!

* * *

Я, жалкий, только и пригож тебе игрушкой быть от скуки:
Дитя, в подарок ты возьмешь мои страдания и муки.

Увидел я твой нежный рот — и пальцы закусил от боли, —
Как жаль: не уст вкусил я мед, а впился в собственные руки!

«Зачем тобою вонзены, —спросил я, —в сердце мое стрелы?»

«Огню любви дрова нужны, — сожги их!» — был ответ от злюки.

Из луков выгнутых бровей ты стрелы бед в страдальцев мечешь,
—

В меня прицелься поточней, — да шлют мне смерть тугие луки.

В зеркале чар ее мой стон да отразится страстным зовом:
Зеркальным блеском отражен, он даст надежду мне в разлуке.

Мой, чаровница, рок суров: украли пери мое сердце, —
Оно покинуло свой кров — ему горьки мои доуки.

Да, Навои безумен: он к жилищу милой путь направил.
Я слышу там какой-то стон, но что таится в этом звуке?

* * *

Едва она скрывала лик, я капли слез ронял уныло:
Рожденью звезд дарован миг, когда скрывается светило.

Мне пища — горечь миндаля, мне любо жить в тиши михраба:
О брови-очи! Их моля, живу я — вера мне постыла!

«Как жестоки твои уста, — я ей сказал, — чужда им пега!»
«Что ж, — отвечает, — неспроста в рубине — капля твердь и
сила!»

Ты мечешь стрелы, их набег то сердце губит мне, то — душу:
Не поделить им стрел вовек, и сердце уж душе не мило.

Быть вечным хочешь — отрешись от суеты в уединенье:
Подобен Хызру кипарис, — его — свобода ввысь возносила.

Нет, Навои, тебе — не в стыд и жизнь отдать за брови милой:

Главу к михрабу приклонит любой, в ком сердце не остыло.

* * *

Да, верным людям дарит рок мучений и невзгод немало,
Он на страданье их обрек – обид и мук им шлет немало.

Нешадны тяготы опал, и верных на земле не сыщешь:
Их прахом бедствий осыпал сей древний небосвод немало.

Лекарства от небесных бед не отыскал никто вовеки:
В ларце судьбы их нет как нет, и не смягчится гнет нимало!

Желанным перлом обладать желаешь – жизнь отдай и душу:
Мир ценит эту благодать и за нее берет немало.

О шах! Мужей благой стезей не устрашай мечом гонений,
Кровавой карой не грози – бездольных страх неймет нимало.

Освободи свой дух смелей из клетки суетных желаний:
Плененный страстью соловей грустит в плену тенет немало.

О Навои, лелей мечту о куцах цветника иного:
Ведь от ворон в мирском саду и бедствий, и забот немало!

* * *

Увидев чудный образ твой, томим любовью страстной стал я,
Душой и сердцем слит с тобой, наверно, в день злосчастливым стал я!

О, сколько я твердил тайком: «Мне б от тебя отвадить сердце!» –
Но день за днем сильней влеком к тебе, моей прекрасной, стал я.

«О, будь верна!» – я пал пред ней, она ж, меня вконец измучив,
Сказала: «Жертвой будь моей!» – и жертвою безгласной стал я.

Ты говоришь мне: «Кто ж, любя, таким безумьем прегрешает?» –
На все готов я для тебя: твоим – о, дар напрасный! – стал я.

Живой водою я владел, и кубок Джама был со мною –
О кравчий, нищенский удел терпеть, на все согласный стал я.

И не исходит стон немой, о Навои, из струн печальных,
Мой стон немой – совсем не мой: рабом тоски всечасной стал я.

* * *

Ты прийти ко мне сулила — ложен был обет, увы,
До утра не спал от пыла — нет мне сна и нет, увы.

На дорогу я, унылый, выходил томиться-ждать —
Нет и следа моей милой, в сердце — горя след, увы.

Не пришла, нарушив слово, лунною красой светясь,
Не пришла под сень покровы моих темных бед, увы.

В одиночестве угрюмом, как безумный, я рыдал —
Не нашлось людей, чьим глумом не был я задет, увы.

Не губи меня упреком — что, мол, плача, влагу льешь?
Дан кровавых слез потокам только красный цвет, увы.

Что друзьям в моей доле, — льнуть к любимой норовят,
Все идут по доброй воле лишь за ней вослед, увы.

Навои, вином шипучим дом души возвесели:
Дом лишь тот бедой не мучим, что вином согрет, увы.

* * *

Бездольный в рубище одет, и люб простой наряд ему,
А шитый золотом – о, нет! – не подойдет халат ему.

Кто в отрешенье пал во прах и головой на камень лег,
Что ложе в золотых шатрах и мишура палат ему!

Шах жаждет миром завладеть, дервиш бежит от мира прочь, –
Что шах дервишу! Сам заметь: о нет, он – не собрат ему.

От сути шахских дел тревог дервиш заботою далек:
В величье власти что за прок, и будет ли он рад ему?

Прах отрешенья бедняку любезней шахского добра:
Свой век во прахе – не в шелку! – влачить – сей жребий свят ему.

Шах двинет рать со всех сторон, а бедняков не устрасит,
Но и один бедняцкий стон опасностью чреват ему.

Величью шаха дарят свет скитальцы праведной стези:
Они – как солнечный рассвет и просветляют взгляд ему.

И пусть навечно шаху дан его высокий жребий, – все ж
Дервишем стать, забыв свой сан, – превыше всех наград ему.

Хоть нет в умах других владык таких стремлений, добрый шах
Благих высот уже достиг, и люб такой уклад ему.

Порой в дервише шаха зришь, а в шахе суть дервиша есть, –
«Ты – видом шах, душой – дервиш», – так люди говорят ему.

Шах и дервиш покуда есть, да чтут они завет творца:

Служить дервишем – шаху честь, они ж – верны стократ ему.

Не от гордыни не умолк и нижег речи Навои:
Лишь милость шаха и свой долг так говорить велят ему.

* * *

О, пусть от друга сердца вам обиды никогда не будет,
Беды такой, как у меня, — всесветного стыда не будет.

Сражен враждебною молвой, уйду скитаться я по свету:
Пусть и кумира моего порочить та вражда не будет.

О, покарай меня, творец, жестокой, нестерпимой мукой, —
Тогда к обидчику любовь ни в ком уже тверда не будет.

Я умер — горю не помочь, но вас, влюбленные, прошу я:
Пусть вам смертельная печаль — скорбь обо мне чужда не будет.

Не тщись участием укреплять, приятель, сломленное сердце:
Оно ввергает в муки всех, — пусть от него вреда не будет.

О ветер, донеси мой стон до пира, где кумир мой весел, —
Пусть в чаше хмеля для нею услады и следа не будет.

И ты был счастлив, Навои, но вот — отогнан от порога:
Пусть мимолетным торжеством ничья душа горда не будет.

* * *

Друг сердца с верными суров: обидам верен и укорам,
Он за смиренную мольбу клеймит покорного позором.

И тот, кто преданной душой мечтал о благах единенья,

Окручен путами измен и отдан в плен пустым раздорам.

А супостаты да враги стократ безвинно оклеветают —
Сынов безрадостной судьбы ославят злобным оговором.

И если б сам судил — ну что ж: по прегрешеньям и возмездье,
А то беда, что судит враг судом неправедным и скорым.

Пусть сам убьет своей рукой — я не страшусь, но вот несчастье:
Врагами погранный во прах, — я жертва их жестоким сворам.

А если роза неверна, увы, напрасны все старанья:
Мне птицу сердца не сдержать — она летит к иным просторам.

Судьбой согнуло, словно лук, хребты, что были словно стрелы, —
Шах на кривых от кривды душ взирает благосклонным взором.

И смерть настигла б Навои, когда бы не было надежды, —
Тоска изгнанья что ни миг грозит сгубить его измором.

* * *

О, мне бы крылья! Ввысь взлетев, летел бы вдаль, людей забыв,
Сгорели б крылья – побежал, подальше, прочь – пока я жив!

О, я покинул бы сей мир, и, пусть не дан мне дар Исы, –
Мне вместо крыльев – пыл души и одиноких дум порыв.

Увы, союз с людьми – тщета: я, пленник тысячи скорбей,
Готов единожды спастись, тысячекратно жизнь сгубив!

От друга – тысячи обид, и сотни бедствий от врагов,
И – за себя жестокий стыд, и – гнев людской несправедлив.

Мне не смотреть бы на людей, а растворить бы чернь зрачков,
Всей чернотой тех чернил себя навеки очернив!

Для птицы сердца моего мал вещей птицы дальний путь:
Я тверд душою, как гора, и дух мой тверд и терпелив.

Когда б не шахской дружбы плен, как Навои на свете жить,
Привязанности к двум мирам ни на волос не сохранив!

* * *

На всех влюбленных в ту луну быть рабскому клейму,
Заменит прах с ее следов для их очей сурьму.

Зачем не кряжи дальних гор? Мне хватит и того,
Что я и гору бед моих до неба подниму!

Я стал добычей воронья – о небо, пощади,
Не прибавляй своих когтей к терзанию моему.

Пусть шах в атласе и в венце – мне дорог вид иной:
Узбек мой ходит в колпаке, и люб халат ему.

И, рад уюту погребка, я не пойду в цветник:
Я розоцветный хмель налью – страдания уйму.

Когда тебе уж пятьдесят, смиреньем запасись:
Довольно буйства юных лет и сердцу, и уму.

Суров кумир твой, Навои, и милости не жди:
Подачек ждать не позволяй рассудку своему!

* * *

О, был бы новый создан свет — с иной породой людей,
Чтоб ни одной из горьких бед не смог клеймить его злодей!

И чтобы днем людских очей не жег бы смертный ливень слёз,
И чтобы траур тьмы ночей не стал бы пологом скорбей!

И чтобы роком не был дан сердца жестоким жребий мук,
И не грозила б кровью ран карающая власть мечей.

Чтоб не был человек рожден с бесчеловечною красой,
И не был страшен, как дракон, в людском обличье лиходей!

А если не избыть невзгод, ступай скорее в кабачок, —
Там чашу Джама превзойдет любой сосуд в руке твоей!

И лей багряное вино, — в его прозрачной чистоте
И небу засверкать дано красою голубых лучей.

И осторожен будь стократ: в небесной чаше хмель тягуч, —
Тебя не поглотил бы ад! Смотри и берегись, но — пей!

И от благих и от дурных надежно душу охрани,
В большом и в малом глубже их проникни думою своей.

И вот тебе, Фани, совет: тяжелых дум не стоит мир, —
В нем ни одной загадки нет, чтоб не был смысл угадан в ней!

* * *

Я странником пустился в путь, чтоб жар любви во мне иссяк,
Но пламя всё сильнее вздувал не то что путь, а каждый дбшаг.

Куда стопы ни направлял, — единый шаг, единый вздох —
И рать мучений набегит, и пламя то рождало мрак.

Не верь, когда расскажут, друг, что странствием излечишь
страсть,

Ведь это ложь: покоя мне не принесла стезя бродяг!

Влюбленным незачем искать разлуки отрешенный край:

Там каждый камень — как гора, и каждый стебель — что тесак!

Пусть лучше рухнет на меня стена на улице ее,

Чем без нее найти приют в пристанище священных благ.

В любви я плоть свою обрел, влачась в степи небытия,

Но, плоть измучив, я свой дух с любовью лишь сильней сопряг.

Не тщись разубеждать меня речами мудрыми, о друг, —

Для Навои влюбленным быть—судьба предначертала знак!

* * *

Ты, сердце, — жалкий сумасброд, затерянный в пустыне, право,
Перед тобой Меджнун — и тот предстанет мудрым ныне, право!

Поток моих кровавых слез окрасил желтые тюльпаны, —

О роза, ты не сыщешь роз: их нету и в помине, право.

Красою кос твоих томим, я чад стенаний исторгаю,

А думают, что это дым во мраке зимней стыни, право.

Нет, мне узнать не суждено, какая боль терзает сердце:

В степи безумия оно — в неведомой долине, право.

«Всю жизнь отдам, — я крик исторг, — за локон твой
благоуханный!» —

«Что, — говорит, — за странный торг: безумен ты поныне,

право!»

О богатей, тебя мне жаль: презрев влюбленных, ты не ведал —
Отшельникам чужда печаль по власти и гордыне, право.

Не знал я, что ни говори, как Навои горька разлука:
Всю ночь он стонет до зари в мученьях и кручине, право.

* * *

У любимой над крышей не голуби стаей кружат,
Это пери, как птицы, слетелись для нег и услад.

Или ангелы стайкой сюда устремили полет,
Над любимой кружатся, тая очарованный взгляд?

Или это плененных ее красотою сердца,
Словно легкие птицы, над крышей спускаясь, парят?

Или голуби вьются и письма влюбленных несут,
Вновь парят и взмывают, не в силах вернуться назад?

Дай вина, виночерпий, поймаем с тобой голубей —
Я по той, что их кормит, смертельной печалью объят.

Голубь, что ты скрываешь под шелковым пухом крыла?
Передай ей записку, где строчки тоскою горят.

Навои, ты, как голубь, к ногам луноликой слети
И, взмывая крылами, пари и спускайся стократ.

* * *

Все сердце порвано в куски — подруга не щадит его,

Она не взглянет ни на миг на кровь и скорбь обид его!

Слеза бежит с моих ресниц, как среди терниев дитя:
Запнувшись, упадет на шин — и острие пронзит его.

Когда бы голубь смог прочесть письмо, что он принес тебе,
То стал бы тысячами ран тотчас же клюв покрыт его!

Погибельны твои глаза для жаждущего уст твоих,
Но за уста он жизнь отдаст — нектар их оживит его.

Напрасно умный на коне в обитель разума спешит:
Безумца на стене верхом напоминает вид его!

Взвалил себе па плечи спесь — к повиновенью привыкай:
Согнет та ноша стройный стан, дугою искривит его.

Кто раз притворно захрапел, а через миг открыл глаза,
Тот не успеет и моргнуть—слывет лжецом, — вот стыд его!

Я умер, сердце же мое лежит у милой на пути, —
О ветер, мимо пролетай — твой зов не заманит его.

И если сердце Навои, сожженное огнем измен,
Ударит в чанг, то стону струн подобен будет взрыд его!

* * *

Он любить мне запрещает, простодушный, кроткий шейх!
Э, какой там кроткий! Злыдень, мерзкий пес в чесотке, шейх!

Что в вине твоём соринки, если даже коврик свой
После омовенья стелет в луже посередке шейх!

В море лжи и лицемерья, духом алчности гоним,
Посохом веслом махая, плавает, как в лодке, шейх.

Яркий свет ума и веры разве может излучать
В заблуждениях погрязший разум твой короткий, шейх?

Сеть обмана расстилает для доверчивых людей,
Сделав зернами приманки погремушки четки, шейх.

В ярости он – хищник дикий, похотлив – как грубый скот,
Хоть и кажется двуногим по прямой походке шейх.

На людей похожим станет разве только в кабачке,
Если хмелем брэнной влаги пополощет в глотке шейх!

Если меж твоих собратьев я бы честного нашел,
Я рабом ему служил бы, радуясь находке, шейх!

Ты себя считаешь мужем, а наряд твой так цветист,
Что под стать лишь пестрой птице или глупой тетке, шейх!

Простодушна юность в дружбе, к ней стремится Навои,
Не беда, что дружбу тоже запрещает кроткий шейх!

* * *

Моя безумная душа в обломках сломленного тела –
Как тот безумец, что притих среди развалин онемело.

Краса твоих рубинов уст чудесно оживляет мертвых –
То, верно, на живой родник дыханье божие слетело!

Жемчужины твоих зубов как будто в раковине скрыты,
Улыбка створки разомкнет – гляжу на блеск оцепенело.

Стекая, медленно дрожит в моих ресницах капля крови –
То, в капле влаги отразясь, наверно, роза заалела.

Я стан твой вспомню – и в строке все недописанные буквы
Прямы, как в слове «джан» «алиф», что выводил писец умело.

Всю жизнь отдам я за тебя, любовь моя, ты – совершенство:
Как среди тварей человек, ты меж людьми царишь всецело!

И если хочешь, Навои, чтоб людям смерть не слала горе,
Про горе не слагай стихи, в которых бы страданье пело!

* * *

Вчера я с луноликой был – ах, это сон, виденье, бред!
О, нет, не бред: где нету сна, там сновиденья тоже нет!

Поверженного сердца зов – то о свидании мольба, –
Так нищего немой вопрос завесою стыда одет.

Ах, очи на твоём лице – как буква «айн» на строчках книг,
А пятнышки в твоих очах – как на нарциссах точек след.

И стан мой немощью согбен перед красой того чела –
Так меркнет месяц в небесах, сияньем солнечным задет.

Слезами орошу я путь – мой кипарис сюда придет:
Проглянет, словно бы росток, живую влагою согрет.

Мечом измены, как калям, засохший стан мой расщеплен,
Мой стон немой – словной не мой: камыш засох – напевам вред!

Как животворна влага уст, но Навои не пить нектар,

И Хызра век не для него: ему не видеть долгих лет!

* * *

Встречай вином и вечер, и восход,
Лишь кабачок – спасенье от невзгод.

Налей фиал, что на тюльпан похож,
Едва лишь день тюльпаном расцветет.

Пей дотемна, ночь освежит твой вздох
Прохладою, спустившейся с высот.

Пей до поры, когда светило дня
В степи небес, как странник, побредет.

И кубок свой из рук не выпускай:
Хозяин не назначил чашам счет.

Когда твой рок послал тебе беду,
Изменишь ли его круговорот?

Ты, Навои, в тернистых путях зла –
Поддай, господь, спасенье от тенет!

* * *

Всегда он в обуви грубой, с небрежной чалмой,— грубиян.
До смерти обидит друга приятель мой, грубиян.

Его сдержать я стараюсь, но кто ни подступит к нему,
Ответит дерзостью грубой, обидой прямой грубиян.

И странно ль, что конь ретивый под стать хозяину дик,

Когда гарцует иль мчится галопом домой грубиян?

Он каждый миг помышляет до смерти меня извести.
Что ж, пусть тогда с ним сдружится такой же злой грубиян!

В саду, во время попойки, буянил приятель мой.
О ветер, не дуй так резко: сморен дремой грубиян.

Налей кабатчику, кравчий,— в похмелье он зол и груб,
Скажи ему: «Злую душу вином промой, грубиян!»

Нет, при любой неудаче грубым не будь, Навои.
И за сто удач не стоит быть грубым, как твой грубиян!

* * *

Кто не был меж людей вовек почтой приветом верности,
Тот сам — проклятие времен и чужд он метам верности.

Она мне — и душа и жизнь, а неверна — что ж странного?
Кто видел, чтобы жизнь была верна обетам верности!

А если ты верна, так что ж? Ты — пери, чудо вымысла!
Доступно ль человеку быть в ладах с заветом верности?

Ах, от людей мне ничего, кроме обмана, не было,
Хоть сам всегда был верен им по всем приметам верности.

Нет верных роз в саду времен — они не распускаются,
Нелепо ждать, чтоб розы там алели цветом верности!

Напрасно верности не жди: я сердце отдал предайно,
Но тщетно — не было в ответ мне и при этом верности!

Пусть оказалась неверна, о Навои, красавица,
Но, значит, видел верность ты, раз верен тщетам верности!

* * *

Она ушла, покинув пир, и села на коня, хмельна,
А я ей чашу протянул, с мольбой держась за стремяна.

Нет, мне ее не удержать, но я бы в жертву жизнь принес
За то, чтоб кем-нибудь на пир она была возвращена.

Торопит всадница коня — и сердце падает в груди,
Мечом обиды ранен я, жестоко грудь уязвлена.

Зачем не насмерть я сражен? Не легче ль муки мне пресечь.
Чем торопить в обратный путь и гнать сквозь темень скакуна?

А без нее шумливый пир печален, горек и уныл,
Нарушен сердца сладкий сон, душа покоя лишена.

От века так заведено: кто выпьет радости бокал,
Сто кубков горечи тому судьба велит испить до дна.

Я в одиночестве умру. Не странно ль — преданность моя
Ответной верностью в любви ни разу не награждена!

Когда белеет голова, с уединением смиришь,
Ведь не украсят звонкий пир ни грусть твоя, ни седина!

Неверную не возвратишь. К чему ж терзаться, Навои?
Смотри: ты бледен, стан дрожит, душа печалью смущена.

* * *

Я луноликой бы не смог и слова молвить за сто лет,
А если б и сказал — стократ я был отвергнут бы в ответ.

Любви в ней нет, по иногда вдруг милосердьем одарит —
И люди в зависти язвят меня уколами клевет.

И странно ведь: она весь мир навек поссорила со мной,
А у самой — друзей не счесть, ей мил в пиру любой сосед.

А как иначе? Верный друг всегда доверьем обделен,
Пока чужие — как друзья, и каждый лаской обогрет.

И, значит, люди неверны, как неверна и жизнь, о Хызр,
Раз Искандер, построив вал, смутьянам положил запрет.

Блажен, кто отыскал приют, который людям не найти,
Хоть и обещут даль времен, хоть и обрыщут целый свет!

Жестокостям сынов времен, о виночерпий, пет границ!
Дай чашу мне, чтоб ум померк, а разума пропал и след.

А если помощь мне подаст Фархадов и Меджнунов рой,
И сотлей уст не вразумит безумца добрый их совет.

Могучий, словно небо, шах иль луноликий кипарис —
Б жестокости, о Навои, различий между ними нет!

* * *

Хоть бодры телом и душой бывают старики,
Сравняться с молодыми им — потуги нележки!

Пристала ль белой бороде горячность юных лет?
Пожухнув, вновь не зацветут вовеки лепестки.

И странно, если невпопад, как юный, скор старик,
А молодой — в повадках стар, рассудку вопреки.

В ходьбе подмогою — клюка, а пика — ни к чему:
Помехой будет, если взять ее взамен клюки.

Но и с клюкой не будет прям согнувшийся в дугу,
И если б юный это знал, согнулся бы с тоски!

Когда глаза запали вглубь, считай, что сильный муж
Смущенье слабости укрыл в запавшие зрачки!

Вот стар я стал, и осужден я сплетнями ханжей:
Про тайные мои грехи твердят клеветники.

А те, кто в юности чисты, пусть вознесут хвалу
За то, что бог укрыл от них бесчестья тайники.

Никто не волен — стар ли, юн — в добре или грехе,
И те, кто ропщет на судьбу, от блага далеки.

Кто в молодости был строптив, веленьям не внимал,
Укоры совести его под старость велики.

Господня благость — океан: надежду буря шлет, —
Отчаяньем, о Навои, себя не допеки!

* * *

Если в юности ты не прислуживал старым,
Сам состаришься – юных не мучай задаром.

Старость близится – будь уважителен к старцам,

Но от юных не требуй служить себе с жаром.

Распалившийся хмелем, подвыпивший старец –
Как старуха, что красится красным отваром.

Будто розы и листья пришиты к коряге,
Вид у пестрой одежды на старце поджаром.

Если мускус твой стал камфарой, не смешно ли
Камфару или мускус искать по базарам?

Постарев, обретешь и почет, и почтенье,
Притворясь молодым, обречешь себя карам.

Если в юности ты не роптал и смирялся,
Как состаришься – время ли спеси и сварам?

Благодатна судьба у того молодого,
Кто чело не спалил вожделием ярим.

Если похоть жжет старца чесоточным зудом,
В нем как будто пороки смердят перегаром.

С юным кравчим, со старцем наставником знайся,
Если тянешься дружбой и к юным и к старым.

Навои прожил век свой в погибельной смуте,
Хоть почтен был и славой и доблестным даром.

* * *

В пустыне горьких мук любви, безумец, я сожжен разлукой,
А люди в сплетнях страсть мою стыдят со всех сторон разлукой!

В убогой хижине моей я дружен с чашей одинокой,
Где сотрапезник мой, где друг? Увы, всего лишен разлукой.

Вдруг о неверности твоей ко мне тревожный слух доходит,
И вот повержен, сломлен я, исторгнут в сердце стоп разлукой.

Гордец! В суровый час беды будь с теми, кто судьбой унижен, —
Ведь нынче их щадит судьба, а ты уже сражен разлукой!

Клянусь: готов сто тысяч бед перенести за миг свиданья,
Но не приму я жребий мой, когда грозит мне он разлукой.

Отвергнутый, я слезы лил, чтоб мой посев взошел плодами,
Увы, не даст плодов росток: он в сердце заронен разлукой.

О Навои, когда мы ждем соединения с любимой,
Сто тысяч бедствий претерпеть положен нам закон разлукой!

* * *

О сердце, столько на земле враги вреда нам сделали,
Что даже преданность друзей сплошным обманом сделали.

Чадит от жара голова, как будто камни горестей
Пробили в куполе дыру – его с изъяном сделали.

На голове – не чернь волос, то – налетели вороны
И гнезда там, чтобы припасть к кровавым ранам, сделали.

От тьмы измены небосвод оделся черным войлоком,
А зори, ворот разорвав, рассвет румяным сделали.

Подай вина! Ведь мудрецы давно открыли истину:
Не солнце, а светила чаш рассвет багряным сделали.

Кааба или кабачок, о Навои, – пристанище:
Ведь их себе печаль и грех защитным станом сделали.

* * *

У твоего жилья, озлясь, подняли вой собаки, —
Зачем же воют, если я еще живой, собаки?

Не потому ль, что умер я в скитальческой недоле,
Перекликаются, скуля, одна с другой собаки?

А может быть, им шеи трут ошейники с шипами,
И потому всю ночь визжат наперебой собаки?

Оплакивать ли смерть мою они сюда сбежались,
Хотят ли голод утолить, наевшись мной, собаки?

Голодным нюхом чуя плоть, сбегаются с урчаньем,
Они кружат вокруг меня, как жадный рой, собаки!

Зовешься львом — настигни лань в уединенном доле,
А падаль суеты мирской — добыча злой собаки!

Не странно, если к Навои соперники пристанут:
За нищим странником всегда бегут гурьбой собаки!

* * *

В моих слезах — из сердца кровь, поток их красным кажется,
Да, это — кровь, хоть отблеск слез как будто ясным кажется.

Я раз припал к ее губам — мой ум сражен безумием:
Кто тих — и тот, испив вина, порой опасным кажется.

Страшна и малая печаль для сердца сокрушенного:
Подбитой птице ком земли — и тот ужасным кажется.

Увижу днем ее чело — она и ночью снится мне:
Взглянув на солнце, взор смежишь — оно всё красным кажется!

Вокруг себя людскую кровь ты проливала реками,
В них грудиа черепов-камней пластом безгласным кажется.

Дверь кабачка закрой не всю—как лик прикрыли локоны:
В полнеба разлитой закат всегда прекрасным кажется.

Взгляни, о боже, Навои какой объят молитвою:
Мне брови чудятся, михраб в их сгибе властном кажется.

* * *

Безумство и любовь, вы нас для всех позором сделали
И отданными в плен молве и в дар раздорам сделали.

Вы сердце бедное мое побили градом горестей
И муку тайных ран его открытой взорам сделали.

Такой бедою никого из любящих не мучили,
Меня ж — на муки обрекли, больным и хворым сделали.

Когда в ночь скорби я погиб, стал мрак мне одеянием,
Тьму ночи — трауром по мне, моим убором сделали.

И если я умру, друзья, отравой мук истерзанный,
Ну что ж — вы избавленье мне тем приговором сделали.

Пусть радость суждена тому, кому любовь — пристанище

Меня ж скитальцем по чужим глухим просторам сделали

Хоть я не с голубем дружу, а с птицею забвения,
Меня вы притчею толпе, ее укорам сделали.

О вы, кто в цветнике мирском налили кубки радостью,
Зачем вы горькой нашу жизнь, губя нас мором, сделали?

О вы — безумство и любовь, вы нас позору предали
И явной тайну Навои вы вражьем сворам сделали!

* * *

Еще не слышал я из уст ее ни слова,
А ей в лицо взглянуть — желанья нет такого!

Грозишься ты сгубить людей своим злоречьем, —
Смотри, остерегись, будь к злу сама готова.

О жаждущий любви, сраженный силой страсти!
Измучен — а терпи и покоряйся снова!

С друзьями жестока, других любовью дарит,
Своих разогнала, приблизила чужого.

Накидка у святош хоть и без дыр кроится,
Не процедить вино рядом того покрова.

Хоть верности людской еще никто не ведал,
А преданности ждешь — будь верным, вот — основа!

У лживых. Навои, непрочна пить обета, —
Порви надежды нить, с красивыми ни слова!

* * *

О, не врачуйте сердце мне, оно от муки омертвело,
Пусть разорвется вместе с ним и всё истерзанное тело!

Спустите на меня собак — хранителей ее порога,
Пусть гонят яростно меня — душа бы радостью зардела.

Пусть у порога пери той несчастного безумца свяжут,
Пусть цепь накинута на меня — ярмо собачьего удела!

Зачем Меджнуну знать меня? Прошу вас, пленники безумья,
Чтоб ваша мудрость на меня хоть на мгновение слетела!

Безумье бешеного пса с моим безумьем не равняйте,
Зато иного мудреца с безумцем сравнивайте смело!

О вы, что дали мне совет навеки от вина отречься, —
Я отрекусь, но надо стать достойным этого предела!

Как горько плачет Навои, — ну что вам стоит, чаровницы,
Прийти к нему! Его чело тогда б улыбкой просветлело!

* * *

Нам в мире от людей — лишь зло, нет и следа иного.
Сто бед и сотни мук! Не шлют дни и года иного.

Ах, от любимой ничего я, кроме зла, не видел, —
Я ж — верен ей, моя душа совсем чужда иного.

О поучающий! Всю жизнь я одержим был страстью -
Рок, посылавший мне любовь, не знал суда иного.

Я в путях тысячи невзгод — в ее кудрях, о сердце, —
Мне, кроме горя, не сулит моя беда иного.

Она по красоте — султан, ей любо небреженье,
А участь нищих — лишь мольба, нет никогда иного.

К какой послуге допустить меня ни удостоит, —
Чего ж от недостойных ждать, кроме вреда, иного?

А я ее прощенья жду, на милость уповая,
Хотя в моей доле нет, кроме стыда, иного.

И всё же рад я, Навои, несбыточным посулам:
Пусть нелегка моя судьба, а ждешь всегда иного!

* * *

Ее краса – диван стихов, в нем брови в первый стих слились,
Писец судьбы предначертал им полустышьями срастись.

Был так жесток весенний град ее небесной красоты,
Как будто самоцветы звезд небесная низвергла высь.

От стонов огненных моих все горло сожжено до уст:
Когда из уст не звук, а стон услышишь, сердце, – не сердись.

Потоки слез моих – как кровь, не утихают ни на миг,
И странно ли, что в муках я, – ведь слезы кровью налились!

Была сокрыта скорбь моя, но кубок хлынул через край,
В забаву людям боль души рыданьями взметнулись ввысь.

А ей укромный угол люб, вино да горстка миндаля –
Что ж делать, если любо ей таким даяньем обойтись!

Любимая, мелькнув, ушла, похитив сердце Навои, –
Приди ко мне еще хоть раз – хотя бы жизнь отнять вернись!

* * *

Пускай язык молвы людской бедой души стократ бывает,
Я не гнету себя тоской: всегда кровав булат бывает!

Твое чело — из серебра, а жар румянца амброй пышет, —
Так яблоко в огне костра чадит, и сладок чад бывает.

Я узы бренности расторг и продал душу за безумье, —
Аллах, аллах, разумный торг доходами богат бывает!

В разлуке тяготы невзгод как ни вздувают пыл томленья,
А всё же осень тлен несет, и грустен листопад бывает.

Волокна плоти, ню ь души я отдал горемыкам страсти:
В уток с основой распуши — и соткан им наряд бывает.

Увы, не чтишь ты верность, нет: ни разу верности не знал я, —
Неверным чтить любви обет не любо, говорят, бывает!

О, нет в курильнице небес не пышет свет благоуханно,
В ней не один самшит исчез — на прах и дым разъят бывает.

О ты, кто в немощи согбен, внемли толпе подобострастно:
Кто совершил один поклон, склоняться снова рад бывает!

Твой, Навои кумир жесток, его глаза не сном прикрыты:
В дверях жестокости порок вернее всех преград бывает!

* * *

В болтовне неисчерпаем, кладезь сладких слов — болтун,
В славословии — речистый, в речи — пустослов болтун.

Принесет посланье птица — славословий в нем не счесть:
Многословный в разговоре, и в письме таков болтун.

Все слова его приятны, и язык велеречив,
Диво ль в том, что облакает речь в такой покров болтун?

У чувствительных аж слезы прошибает похвалой, —
Где морочить научился этих простаков болтун?

Осторожен будь с болтливым, не делись своей бедой:
Всем чужим твои печали рассказать готов болтун!

Не прими на веру слепо смысла всех его речей:
Речь свою всегда украсит вязью завитков болтун!

В болтовне его цветистой — сто советов Навои, —
Где он только их находит? До чего ж толков болтун!

* * *

Сверкнула в темноте ночной краса ее чела – свеча,
И словно солнце вдруг взошло – светлее звезд была свеча!

Ей голову сжигает страсть, а ноги держит медь оков, –
Не потому ли от безумств себя уберегла свеча?

И каждой ночью до зари она, рыдая, жжет себя –
Печальным другом стала мне в юдоли бед и зла свеча.

Не говори, что пламя – бич: к моей бессоннице добра,

Своим дрожащим языком мне сказок наплела свеча.

Желая в сердце мотылька побегу нежности взрастить,
В него роняет влагу слез и зерна без числа свеча.

Не для того ль, чтоб погубить пожаром страсти мотылька,
Ему лукаво подмигнув, свой лик огонь зажгла свеча?

Та луноликая меня не допустила в свой шатер, –
Не так ли дразнит мотылька огнем из за стекла свеча?

А может быть, из за любви она сгорает и сама,
И опаляет мотылька, чтоб он сгорел дотла, свеча?

Пусть, Навои, светильник твой задует вздохи мук твоих,
Блеснул тот лик – твой ветхий дом сияньем залила свеча!

* * *

В печальном сердце от любви такая тяжесть мук,
Что стон мой в душах всех людей родит ответный звук.

Какое диво в том, друзья, что плачу я навзрыд?
В больной душе — печаль л скорбь, когда неверен друг.

Когда душа во власти слез, гому причиной — хворь:
Влюбленных от измен гнетет мучительный недуг.

Когда в беде есть добрый друг, то это — не печаль,
Но горе, если скорбь придет и нет друзей вокруг.

Когда ты ранец не мечом, лекарство — радость встреч:
Тому, кто раз любовь обрел, страданье — от разлук!

О ты, взлелеявший свой сад, не радуйся цветам:
Ведь на рассвете не от роз — от солнца блещет луг!

С Фархадом и Меджнуном схож смятенный Навои:
Его любимой красота достойна их подруг!

* * *

Навек ославленный молвой, я страстью обуян поныне,
И вновь покрылась степь травой, а я влеченьем пьян поныне.

Весенний дождик прошумит — и розы воздвигают купол,
А дом души потопом смыт — не залатать изъян поныне!

Взгляни: в саду со всех сторон деревья зеленью оделись,
А я в пустыне, изможден, брожу и гол и рван поныне.

К чему п свежий ветерок и благодатный дождь весенний?
Вздывает слез моих поток валы и ураган поныне.

«Вдохни, — взываю я к Нее, — в безумца новый жар дыханья, —
Твоей живительной красе дар исцеленья дан поныне!»

Что, слава роз, и есть ли прок в шипах, терзающих те розы?
Пронзен стрелой, я не извлек ее из жгучих ран поныне.

В пустыне даже дикий зверь меня сторонится в опаске,
Что я не человек теперь, твердит любой болван поныне!

Богач! Тебе совет я дам: обласкан ты судьбой, но помни:
Стремленье потакать страстям таит в себе дурман поныне.

Весну поносит шейх, озлен, вопит, что Навои безумен,
Но к в безумии умен, а он — как истукан поныне!

* * *

Что жизнь мне? Речь твоя, живое слово — лучше,
Рубин живящих уст — всего земного лучше!

Я — раб твоих измен, и всё ж я твердо знаю;
Кто в мире лучше всех, ты — и такого лучше,

Ты ищешь жертв себе — убить своей любовью, —
Не сыщешь никого меня, больного, лучше!

В степи любви бродя, забудь покой, о разум, —
Чем жить под сотней крыш, бродить без крова лучше.

Любовь! Возьми в свой дол меня взамен Меджнуна, —
Не я ли, чья судьба стократ сурова, лучше?

А хочешь, Навои, чтоб стих твой стал острее, —
Тебе поможет шах — нет острослова лучше!

* * *

Отрекся я от уз любви. Гоните прочь меня скорей,
Излейте на меня хулу, обрушьте тяжкий град камней!

Свяжите шею мне жгутом в урок приверженцам любви,
Тащите среди базарных толп вместилице души моей!

С позором пусть приволокут меня на торжище беды.
Толпа! Измучай плоть мою, как только сможешь, и—убей!

И тут же мерзостный мой труп предайте пламени костра,
Из преисподней взяв огонь, а хворост — из степи скорбей.

Сгорю — и, в горсти взяв мой прах, развейте по ветру его:
Пусть в небо пепел мой взметнет разлуки мертвый суховой.

И ветер понесет мой прах, а вы всей болью ваших ран
Пройдите песнь про зло разлук и про изменников-друзей.

И, видя мой позор, сто бед стерпите, пленники любви,
Но усмирите пыл сердец, взнуздав копя любви своей!

Друзья, прошу вас: пусть придет на пепелище мук моих
Кумир моей былой любви — не знавший жалости злодей!

Я — тлен среди небытия, но к опозоренной душе
Пусть ветер рая донесут копыта мчащихся коней.

Всем хватит бед в степи любви, и кто за Навои вослед
Туда придет, —сто тысяч мук сыщите для пришельца в ней!

* * *

Коварству губительной красы, поверь, предела нет!
Один мой вздох и — сотни мук, а ей и дела нет.

Где родинки ее? Кровь слёз алеет, как тюльпан,
Но россыпь точек на цветке не заалела, нет!

Все сердце кровью налилось, но не исходит стон:
От века чаша, что с вином, ведь не звенела, нет!

Из раны сердца моего потоком хлещет кровь:
Помимо горькой пищи слез ему удела нет.

Клейми меня тавром раба, у горя откупи:
Цены мне, кроме той, чтоб ты меня презрела, нет!

Свиданье с дивом красоты — блаженства тайный клад,
Но, кроме локонов, там змей, скажу я смело, нет!

Весь перевязан Навои от ран твоих измен, —
Иной одежды, чтобы скрыть все раны тела, нет!

* * *

Секрет влюбленности — у тех, кто раб ее оков, спросите,
А тех, кто счастьем наделен, про радости пиров спросите.

Любовь и верность — наш удел, другой обычай нам неведом,
А про неверность у дурных — в чем суть ее основ — спросите.

Нас жалкой немощью гнетут заботы времени и старость, —
О красоте и силе — тех, кто молод и здоров, спросите;

Кто бессердечен, что ему сердец восторги и крушенья?
Про сердце — лучше у того, кто слышит сердца зов, спросите.

Не знает преданный в любви повадок пленников порока, —
Об этом — нас, познавших мрак порочных тайников, спросите.

Мужей почета и чинов про отрешенность не пытайте,
О сладких тяготах ее у нищих бедняков спросите.

Вся сила пленников любви — во прахе немощи смиренье,
А как смирить врага — у тех, кто дерзок и бедов, спросите.

Неведом людям суеты благой приют уединенья, —
Уж если спрашивать о нем, — снискавших тихий кров, спросите.

В пустыню горестной любви друзьями Навои отторгнут,

О нам—случайный караван, бредущий из песков, спросите.

* * *

Пустословя на минбаре, вволю чешет шейх язык,
Словно дьявол, он колдует в своре темных забулдыг.

Если проповедь случайно просветлит умы людей,
Их тотчас же усыпляет шейха исступленный крик.

Все ступени у минбара устилают вздор и ложь,
Бред – все поученья шейха, сам он – взбалмошный старик.

Умными прослыли шейхи, а умен ли хоть один?
В их нелепых заклинаньях разума не бьет родник.

От хадисов лишь названья сохраняют их слова,
Вкривь и вкось толкуют шейхи главы из священных книг.

Разрубить минбар на части, разнести его, поджечь,
Чтоб кровавого убийцу жребий жертв его постиг!

Злыдней, дьяволу подобных избегай, о Навои,
И не дай себя опутать их сетями ни на миг!

* * *

Украшишь ты свой наряд красным, желтым, зеленым,
И пламенем я объят – красным, желтым, зеленым.

В пустыне моей любви кострами горячих вздохов
Самумов вихрится ряд – красным, желтым, зеленым.

Цветник твоей красоты в душе моей отразился,

И блесткам цветов я рад – красным, желтым, зеленым.

Рубиновое вино, литое золото чаши,
Зеленая гроздь горят красным, желтым, зеленым.

Где бедность – там пестрота, и каждый нищий сумеет
Украсить бедный халат красным, желтым, зеленым.

Не требуй же, Навои, диван разукрашивать ярко:
Ведь сами стихи пестрят красным, желтым, зеленым.

* * *

Когда я сердцем и душой изведаль от людей печаль,
Была ли сердцу от души, душе ль от сердца злей печаль?

Вся скорбь — от этих двух причин, от них всегда тоска и грусть:
Когда печаль со всех сторон, попробуй-ка рассей печаль!

Кто в этом мире огорчен — из-за людей его беда:
Кого в темнице мрак гнетет, тому от палачей печаль.

Послушай, друг, я клятву дал с людьми вовеки не дружить:
Да не проникнет в их сердца от горести моей печаль!

Мне и в глухих песках пустынь не нужен в бедствиях собрат:
Ведь даже призракам степным чужда моих скорбей печаль.

Одно коварство видел я в ответ на преданность мою,
Из-за неверности людской в душе еще сильней печаль.

О кравчий! Свыше сил моих печаль, что от людей терплю:
Налей мне терпкого вина, налей еще, развея печаль!

И пусть разгонит тяжкий хмель рассудка горестную блажь:
Все беды сердцу — от ума, и от его затей — печаль.

Душа у Навои — в огне, и пламенем горят слова,
Но это меньшая беда, чем от любви твоей печаль!

* * *

Я в юности старцам служил, в послугах сгибаясь спиной,
Но старость пришла и ко мне, невесело юным со мной.

Слова что ни день — трудней, а странно: не проще ли речь
Цедить меж редких зубов, а не через ряд сплошной?

Меня к молодым влечет сильнее день ото дня,
Но почему-то они обходят меня стороной!

Должно быть, правы они, если подумать всерьез:
У них ведь иные пути и жребий у них иной.

Сравнить ли цвет камфары с румянцем их мускусных щек?
Мой пламень под снегом скрыт, под мертвенной белизной.

Среди цветущих деревьев стоит скоробленный куст,
То — я среди молодых, и сгорбленный и больной.

О сердце, тебе бы теперь молитву творить в тиши, —
Увы, все шумят вокруг, навек простись с тишиной!

Полста привалов в пути! Пора усмирить свой пыл:
Спешить уже нету сил, поспешность была бы смешной.

Полсотни лет я грешил, и что я смогу свершить,
Коль век меня наградит еще половиной одной?

Создатель, дай веру мне, я в ней заглушу мой стыд
За бедность моих трудов, за боль свершенного мной!

Не сетуй же, Навои, что море благих щедрот
Волнуется и шумит: надежду несет волной!

* * *

Не диво, если кровью слез людское зло грозит всегда:
За мукой мука вслед идет, и за бедой спешит беда.

Да что там зло и доброта — не стоит даже речь вести:
Толпа с жестокостью дружна, а доброте она чужда!

Согнулся даже небосвод под ношей низостей людских:
Сверкают звезды, словно пот, на теле, взможем от труда

А ведь в предвечных письменах не предуказан жребий мук,
И на скрижалях душ людских не предначертана вражда!

А было б людям только зло навек предписано судьбой,
Его и сотни добрых дел не одолели б никогда!

И если кто—причина зла для многих страждущих людей,
Пусть он и совершит добро, а как бы не было вреда!

Глаза и брови смерть сулят, а речи уст ее — обман,
Найти б другую — только нет другой красы, что так гарда!

Нет! Вечности не обретешь ты в бренном мире среди людей,
Пока в вине небытия но растворишься без следа.

Никто не волен, Навои, в обитель вечности войти,

Пока но призовет Аллах идти за ним — вступить туда.

* * *

Я бью себя камнями в грудь в смертельном гнете каждый миг:
Стучу в ту дверь, где боль беды, как гостя, ждете каждый миг.

Безумьем я сражен, мой труп хранит в развалинах сова,
Ей любо плакать надо мной, бубня в дремоте каждый миг.

Рубины несравненных уст! Чтоб прах мой кровью обагрить,
Вы истерзали сердце мне и кровь сосете каждый миг.

Любовью к пери одержим, я красотой ее томлюсь,
Меня гнетут печаль и скорбь и муки плоти каждый миг.

Весенний ветер набежит — трепещут лепестки у роз:
Так суетится род людской в пустой заботе каждый миг.

Моим дыханьем ледяным объят весь мир, и в небе — тьма:
Но тучи — вздохов моих дым вы там найдете каждый миг.

Когда вас бедствия гнетут, душа исходит горлом прочь,
И, чтоб вернуть ее назад, вино вы пьете каждый миг.

Пришла пора расстаться мне навек с пристанищем мирским:
За караваном караван в круговороте каждый миг!

Как мучишь ты день ото дня изменой сердце Навои!
Где шах жесток — страна в беде и зло в почете каждый миг.

* * *

Адским пламенем разлуки мне сжигает тело,

Дымом пышут мои вздохи — все внутри сгорело.

Боль души, страданья плоти, пронизав друг друга,
Словно бы уток с основой сеть плетут умело.

Захлебнусь в разлуке кровью, вознесу стенанья,
Кровь — мое вино, а песня — стоном возлетела.

Прах у ног твоих лобзаю, стан мольбою согнут,
Посмотри, как я покорен, предан без предела.

Из-за уст твоих и стана стал я словно небыль,
Только — был я или не был, — что тебе за дело!

В кабачок! Монетой веры оплачу похмелье, —
Для меня не будет в жизни лучшего удела!

Навои, ты смысл слезами все, что сердцу чуждо,
Лишь любовь твоя навеки в сердце уцелела.

* * *

Когда, тоскуя по тебе, я розу в цветнике возьму,
Мой жаркий вздох чадит и жжет – она желтеет в том дыму.

Я думал, рок всю тяжесть мук Фархаду и Меджнуну дал,
Потом я понял: жребий бед мне предназначен одному!

Ее каменьев тяжкий град проник сквозь боль отверстых ран –
Как сердце милой, этот груз в себе храню я, как в дому.

Моя наездница лиха, ей любо на скаку играть;
Что ж, нужен ей для гона шар – с себя я голову сниму.

Ах, нечестивица! К беде она попалась мне в пути:
Вот приключилось горе мне – погибель вере и уму.

Не диво, если, охмелев, рассвет я встречу в кабачке:
Вчера собрался я в мечеть, да позабыл надеть чалму!

Спален любовью, Навои клеймом каленым сердце сжег:
Оно язвит и жжет меня, а жар я сам даю клейму!

* * *

Когда тюльпаны зацветут на брошенной моей могиле,
Знай: пламень сердца рдеет тут, здесь раны кровь мою пролили.

О, злы уколы стрел твоих – из ран ручьями кровь струится,
А ты еще мне раны шлешь – ах, стрелы глаз не жестоки ли?

Обитель тела не нужна сраженному безумьем сердцу:
О доме вспомнит ли Меджнун, блуждая среди песков и пыли?

Когда о бедствиях моих, друзья, рыдал я в ночь разлуки,
Что значит этот ливень слез – вы хоть бы раз меня спросили!

И даже Ной – мне не чета: сто тысяч лет разлука длится,
Взметнулась к небу буря слез, потоп – не ровня ей по силе!

О ты, кто на пиру мирском изведал чаш круговращенье,
Знай: много чаш кровавых слез тебе дары небес сулили.

О Навои, когда во сне увидишь свой предел родимый,
Не говори, что вздорен сон, что в снах безумца нету были!

* * *

Кто на стезе любви един, в ком суть одна жива,
Земле и небу он – не враг, хотя число их – два!

Забудь привычку различать растенье, тварь и вещь:
Три этих сути не в ладах с единством естества.

На небо хочешь – отрешись от четырех стихий:
Они – как крест, губящий дух живого существа.

Пять чувств – не помощь мудрецу: где сердцем не поймешь,
Там два да три – как будто пять, да суть не такова!

Шесть направлений, шесть сторон – вся суть небытия,
А без того их имена – ненужные слова!

Проникнуть через семь небес противно естеству:
Они страшней кругов в аду – семи зияний рва.

Чуждайся рая, Навои, – восьми его кругов:
Они – преграда для любви, в них суть любви мертва.

* * *

Разыскать бы умельца, чтоб крылья приладить мне мог,
Чтобы с птицами в небе мой путь над любимой пролег.

А взлететь не сумел бы — полуночным бегал бы псом
И с собачьей бы сворой любимую ночью стерег.

А не быть этой доле — за счастье увидеть тот лик
Я за нею, как нищий, влачился б во прахе у ног.

А не сбыться надежде — моей безысходной мольбой
Я себя пред толпою на тяжкий позор бы обрек.

Сокрушенный любовью, себя я предал бы огню:
Расщепил бы на части иссохшее тело и сжег.

Если в нищей юдоли дано мне до счастья дожить,
Залатать все лохмотья я разве к свиданью бы смог?

Вот какому владыке ты верен в любви, Навои:
Перед этим величьем любой, сколь ни знатен, — убог!

* * *

Забуть решила ты меня навеки,
Презреньем за любовь казня навеки.

Где клятвы, обещанья быть со мною?
Забыто все с того же дня навеки.

И светоч счастья ты мне загасила
Другим отдав весь жар огня навеки.

Надменно ты безвинного презрела,
Участие к другим храня навеки.

На преданных друзей ты зло клеветешь,
Что все они — врагам родня навеки.

О сердце, ты утешилось в разлуке,
Печаль и смерть вином гоня навеки.

Врагам — в усладу, Навои — в отраву
Позором ты клеймишь меня навеки.

* * *

О виночерпий, много ль мук, которых я не снес, осталось?
Налей мне, чтобы в теле сил стерпеть всю горечь слез осталось!

«Свиданья жаждешь, — молвишь ты, — отдай за это в жертву
душу!»
Да только где ж во мне душа, — ты б задала вопрос, — осталась?

Тебе не скрыть любви вовек, — напрасно, сердце, не старайся:
Сокрытых много ли невзгод и тайн, что в сердце нес, осталось?

Мне силой вырвали стрелу, которой ты меня сразила, —
Порадуй: там хоть острие, чей кончик в сердце врос, осталось?

О друг, в безумье рухнул я, едва лишь лунный лик увидел, —
О, много ль тех, кто обо мне еще во власти грез, осталось?

О сердце, оглянись вокруг: где ж пышно цветшие бутоны
И сколько в цветнике твоём еще не сникших роз осталось?

Будь верен дружбе, Навои, тебя любимая забыла,
А много ли подобных нам, кто в дружбе — как утес, осталось?

* * *

Светом ночи взойдет моя дева луна,
Западня ее кос непрозрачно темна.

Темнота людям очи затмить норовит,
Но любимой моею светлы времена!

А меня отрешила от дружбы своей. —
Вот какая недоля еще мне дана!

А с такою бедой я и жить не смогу,
Кличу смерть я – сошла на меня тишина!

В утро Судного дня мне прозреть лишь дано,
Чашу мрака ночного испил я до дна.

Верных роз не бывало в мирском цветнике. –
Замолчи, соловей, твоя песнь не нужна!

А умрет Навои – вы не пойте о нем:
Лишь споете ту песнь – всех погубит она!

* * *

Жар ревности жжет и при встречах весною,
А что станет в осень разлуки со мною?

Что пользы, приятель, жалеть мое тело
Стократ раны сердца печалю виною.

Ищи же дорогу к разбитому сердцу:
Развалины тлен занесет пеленою.

Мудрец! Не жалея меня, бродим мы розно:
Ты — градом цветущим, я — дикой странюю.

Смотрите: я чахну, недуг меня гложет —
Я сердце по каплям в стенаньях изною.

Сыны благочестия, плачьте о вере:
Моя нечестивица вышла хмельною!

Ты чашей, как солнцем, свети, виночерпий, —
Во мраке живу я печалью одною.

Нет верности в людях, хоть душу отдай им, —
Зачем же неверной моей быть иною?

Ты хочешь, чтоб нес я разлуку с терпением, —
Нет сил, Навои, жить такую ценою!

МУХАММАСЫ

* * *

Позабыт моим кипарисом, я грущу все сильней в разлуке,
Очи плачут по нежной розе, - о, как жалок я с ней в разлуке!
Я без гурии райских кущей не пою много дней в разлуке:
Да какой же напев веселый запоет соловей в разлуке?
Попугай - и тот онемает с нежным вкусом сластей в разлуке!

Жжет огонь любви мое тело - до костей, яр и зол сжигает,
Воротник лишь займется - пламя, глядь, уже и подол сжигает!
Обезумевший стон мой землю и небесный престол сжигает, -
Если я не с ней, солнцеликой, весь подоблачный дол сжигает
Буря пылких моих стенаний, жгущих жарче огней в разлуке!

Ах, из сердца пролил я крови через взор еле зрячий много,
Плакал я, тоскуя по розе, росной влагой горячей много,
Порассыпал я слез-тюльпанов, истомлен неудачей, много. -
Не кори, если я, забытый, не вознес громких плачей много:
Разве крик изойдет из тела, если жить все трудней в разлуке?

Нестерпимой болью я мучу, позабыт любимую, душу,
Не живящей чашей свиданья - горьким хмелем вымою душу!
Не спасти мне вовек от смерти ядом мук губимую душу,
Горек жребий измен, о время, - лучше ты возьми мою душу,
Разлучи и с душой и с жизнью: я с любимой моей в разлуке!

Не язви же меня, разлука, остриями беды горячей,
Сотни мук претерпи, о сердце, лишь не гнет соперников жгучий,
Не расстанься, душа, с любимой, хоть сто бед повиснут тучей,
Сотни тысяч жизней отдам я, лишь одним ты меня не мучай:
Нас губить, отняв друг у друга, о измена, не смей в разлуке!

От красы ее, жаром жгущей, вся душа дотла обгорела,
А чела ее жаркий светоч опаляет до пепла тело,
И о ней такое сравненье потому написал я смело,
Что, познав блаженство свиданья, мотылек сгорел до предела,
А к утру он погибнет снова, со свечою своей в разлуке.

О, как жалок бедный влюбленный, если нежная с ним не рядом,
В горе он соловью подобен, разлученному с вешним садом.
Жаль певца: и жив, да без розы, одинокий, он чужд уладам.
Как бездомный пес, без любимой Навои станет горьким ладом:
Боже, что за раб без султана! - Ты меня пожалей в разлуке!

* * *

Ах, любимую покинут я жестоко напоследок,
Так за муку посрамлен я волей рока напоследок,
Что от тайны не осталось и намека напоследок!
Выдал муку, что терпел я одиноко, напоследок,
Ранят грудь ресницы-стрелы издалека напоследок.

Хмурила ты луки-брови — стрел-ресниц летели жала,
Острия меня язвили, болью грудь на части рвало,
Я, собрав все силы сердца, сделал было щит-забрало,
Затаил, зажал я раны, да страданье явным стало:
Через очи кровь прорвалась в два потока напоследок!

Как меня судьбой злосчастной по любовным тропам мчало!
Посмотрела б — пожалела, ты ж меня не замечала!
А теперь вот-вот умру я, истомленный одичало.
Раны от меча разлуки я хотел сокрыть сначала,
Да рванул пред всеми ворот я широко напоследок!

С той поры, как стрелы горя сердце мукам обучали,
Сотни тысяч язв сокрытых воспалились от печали,

А мечтал я, чтобы люди ран моих не замечали!
Только стали явны людям затаенные вначале
Клейма страсти, что хотел я скрыть глубоко, напоследок!

Как безумный, одержимым страстью к этой пери был я,
В ценах кос ее Меджнуном мыкал плен совсем без сил я.
И безропотно томился, ждал обрести ответный пыл я,
Нем от страсти и восторга, все мучения сносил я,
Но и брошенный, терплю я боль упрека напоследок.

Пред ее прекрасным ликом стыд и срам всем розам сада,
От ее речей певучих соловьям — и то досада,
Косам — гиацинт не ровня, а нарцисс — не стоит взгляда!
За безверье глаз, за косы, что зуннары, — мне отрада
Вечно быть хмельным в притоне без зарока напоследок.

Думал я о лике пери — одержимость донимала,
Гнет любви и мрак похмелья принесли мне слез немало,
Был я нищ и наг, мне разум будто вовсе отнимало,
Я безумьем был ославлен и не пощажен нимало,
От камней разлуки боль мне и морока напоследок!

Пей вино! Ведь доли, благо нам дающей, мы не знали,
И красавиц в вешнем цвете среди кущей мы не знали,
Вслед за осенью придет ли день цветущий, — мы не знали,
Поросли мирского сада, нас влекущей, мы не знали,
Стали тенью, незаметной и для ока, напоследок.

Что за польза в шахской власти, чуждой блага отрешенья:
В странах вечности не сыщешь ни владыки, ни правленья!
Только мудрому владыке не познать вовек забвенья.
Навои, ты ищешь вечность, жаждешь с нею единенья, —
Ждать ее без отрешенья — нет и прока напоследок!

* * *

Лик явив, столикой мукой разве сердце не гнела ты?
В доме тела хворый дух мой не разбила ли дотла ты?
Разве сломленную душу жаром страсти не сожгла ты?
Опаленной моей доле не прибавила ли зла ты?
Зло карая, с черной долей разве не меня свела ты?

С той поры, как я, убогий, встретился с тобой прекрасной,
О, каким огнем жестоким не был я сожжен, несчастный!
Не гнела ли ты мне душу смертной карой ежечасной,
Жаром молний не обжег ли душу мне мой стоп ужасный,
О лавина слез горючих, не смертельно ль тяжела ты?

Кипарис мой ладный, ты ли не гнушалась мной неладным?
Не со смехом ли внимала ты рыданиям надсадным?
Не арканом ли грозила, не мечом ли беспощадным?
Не мое ли тело предал гневный меч твой мукам страдным?
Мне разлукой разве тело па куски не рассекла ты?

Сто мучений претерпел я: злюке той не ново мучить,
Горем, скорбью я терзался, — ох, она бедова мучить!
Сердцу я излил обиды — что ж, мол, так сурово мучить?
Всё ты, сердце, ей сказало — стала горше снова мучить, —
Поразмысли — совершаешь разве добрые дела ты?

Говорить, что не бывает от людей сто бед, не вздумай,
Лгать, что луноликой любо чтить любви обет, не вздумай,
Мнить, что ей, подобно небу, чужды гнев и вред, не вздумай!
О судьба, тебя клянem мы — нас корить за бред не вздумай:
Всем счастливым дав надежды, не у нас ли их взяла ты?

Если на стезе бездольных боль и скорбь терпеть не будешь,
Шагом средь мужей печали ты вовеки ведь не будешь,

Не познав безмолвных песен, никогда ты петь не будешь!
Другом океану страсти. Навои, ты впредь не будешь.
Если, как Аму с Арасом, слёз не пролил без числа ты!

* * *

О, не была б твоя краса такой прекрасной никогда,
О, не видал ничей бы взор твой облик ясный никогда,
И казни бы но слала ты такой ужасной никогда,
И не являла бы чужим свой образ властный никогда, —
О, если б ты не ввергла мир в мятеж опасный никогда!

А ты, открыв прекрасный лик, повергла всех людей в недуг,
И наострили сто мечей все пленники любви вокруг,
И сердце изрубили мне в куски кинжалами разлук!
А если свет твоей красоты посеял столько смут и мук, —
О, не видать бы мне тебя — беды всечасной никогда!

Едва ты страсть во мне зажгла, познало сердце горький рок:
Кто этот жар увидеть смог, того он сразу в пепел сжег!
Мечтать о верности твоей — о, этот жребий так жесток!
О, не видать бы мне твой лик—огнем пылающий цветок, —
Не заронила бы в меня ты искры страстной никогда!

Любовь к тебе смутила ум, для веры став бедой из бед,
А был ведь милостив и добр твоей былой любви обет!
А нынче я — невольник твой, спасенья мне от казни нет,
Я — жалкий пленник кос твоих: я жертвою в их кольца вдет, —
О. не бывать бы жертвой мне твоей безгласной никогда!

Ты, сердце у меня отняв, сулила быть всегда со мной,
Губили недруги меня — ты шла, не глядя, стороной!
Когда бы милостям твоим я не поверил — ни одной, —
Не обманулся бы вовек, познал бы жребий я иной, —

О, не терзать бы сердце мне мечтой напрасной никогда!

Навек ты сердце отняла, когда с чела сняла покров,
Изранила ты душу мне, твой гнев жестокий был суров.
И если верностью любви, о светоч, так манил твой зов,
А я такую страстью млею, к свиданью страстному готов,
О, не терпеть бы мне потом и гнет злосчастный никогда!

О лукобровая! Когда стрелой пронзила сердце ты,
Сулила верность мне в любви и исполнение мечты,
Но если ты теперь лепетешь, и все надежды отняты,
Измену понял я, в душе — не страсть, а темень пустоты, —
О, не сносить бы мне позор молвы стогласной никогда!

В плену желаний и страстей я, плача, мыкать горе стал,
Я, как Меджнун, для горемык собратом их по хвори стал,
Увы, посмешищем для всех я дни влачить в позоре стал
И, опозоренный навек, совсем безумным вскоре стал,
Зову я смерть: не свижусь я с тобой, несчастный, никогда!

Не тщись для сердца обрести покой в тени душистых кос,
Не говори: «Я в жертву жизнь устам медвяным бы принес!»
Да разве пред конем ее не пал во прах я, — вот вопрос!
О той, что неверна тебе, о Навои, не надо грез:
Не молви «если» да «кабы» ей, безучастной, никогда!

* * *

О, сколько дней ты не со мной, отторгнув грозный рок тебя:
За много лет единый раз я повидать не смог тебя!
В дом сердца гостем тщетно жду я, сир и одинок, тебя,
Приди, покой моей души, — ведь я в душе берег тебя,
Открой чело—как жаждет взор, струящий слез поток, тебя!

Ушла шалунья, мрак души о ней вестями не согрет,
А плоть — пустыня, где вовек и не сыскать заветный след,
Ни мига мне в пустыне той не жить без скорби и без бед, —
О мускусная лань приди: нигде такой пустыни нет,
Где б я не рыскал, день и ночь, ища, сбиваясь с ног, тебя!

О пери, от разлук с тобой я сердцем хворым изнемог,
Жестоко осужден молвой, покрыт позором, изнемог,
И не кори, что я незрим — сражен измором, изнемог,
Ты, пери, скрылась, — вот и я, невидим взорам, изнемог:
Всем неприметен, я ищу, куда зов тайн завлек тебя!

Взошла моя луна в красе, украшенной венцом лучей,
И душу немощью гнело, а сердце жгло все горячей,
А взор мой, лишь узрел ее, исторг багряных слез ручей, —
Не диво, если ты в крови утонешь, свет моих очей:
Ведь захлестнуло кровью слез, которой я истек, тебя!

О, кто бы свел меня с тобой и дал бы чашу страсти мне,
Хотя бы в шутку роз собрал и дал нектар их сласти мне!
Но мне тебя не заманить, — за что же гнет напасти мне?
Увы, надежды быть с тобой нет даже малой части мне:
Утратив разум, от чужих я отлучить не мог тебя!

Я, пери, не прошу тебя: «Такой-то будь, такой — не будь»,
Лишь душу мукой не томи и не терзай разлукой грудь!
О, жалься, смилуйся, прости, не норови меня минуть,
И если взор не отвожу я от тебя, — укор забудь:
Очам влюбленным не забыть, хоть на недолгий срок, тебя!

И если, одержимый, я пройду все реки и моря,
Все горы-долы обойду, судьбу за муки не коря,
Не упрекай, мол, ты зачем у всех дверей толчешься зря!
О пери, если Навои поник, безумием горя,

Такой удел дарован тем, кто целью дум нарек тебя!

КЫТА

Не позволяй льстецам себя завлечь:
Корысть у всех негодников одина!

Беседуя, цени не чин, а речь:
Умен иль глуп — зависит не от чина!

* * *

Невежда в страхе жизнь провел:
Боялся он учиться слову.

И был он ну точь-в-точь осел:
Влачил свой век от рева к реву.

* * *

Из тысячи один поделится с другим,
А большинство — скупцы, и всё себе берут!

Таков обычай есть, и всеми он храним:
Брать у других легко, давать — нелегкий труд!

* * *

И в тысяче ответов будь правдив:
Лишь истина одна для них — приют.

Один калам ста букв ведет извив,
На тысячу баранов — общий кнут!

* * *

Пусть в сад твоей души негодник не заглянет,
Посконный половик не скрасишь и цветком.

Навозный жук, Смердя, и розу испоганит,
Летучей мыши ввек не виться мотыльком!

* * *

Как женский лик, сияя вдалеке,
Над миром блещет солнце на восходе.

Здесь дива нет: в арабском языке
Название для солнца — в женском роде!

* * *

Ты благороден, ты умом высок,
В сердцах людей ты будишь мятежи.

Ты бесподобен! В паре кратких строк
Я о тебе сказал четыре лжи!

* * *

Болтливым с любопытными не будь:
Не скроешь тайну, если с уст слетела.

Последний вздох назад уж не вернуть,
Когда уйдет дыхание из тела!

* * *

Есть выродки, чьи свойства, как ни прячь,
В особенности мерзостны и гадки:

Безмозглый шах, скупой богач,
Ученый муж, па деньги падкий.

* * *

Бывает так, что спеси поли, болван
Заподличает, выбившись в вельможи.

Здесь чуда пет: от власти словно пьян,
Он, все забыв, себя не помнит тоже!

* * *

За темнотой придет сиянье света,
Ты в это верь и будь неколебим.

Есть в этом мире верная примета:
Над пламенем всегда завесой — дым!

* * *

Когда богатств души ты убережь не смог
И вверив языку, рассыпал их по свету,

Как друга ни проси, чтоб слово он берег, —
Большая тайна в том иль тайны вовсе нету,

Не странно, если он нарушил свой зарок:
Он просто раздавал разменную монету!

* * *

Я столько нагрешил, что в преисподней

Мои грехи весь ад заполонят.

Простил бы меня промысел господний:
Где новый для других возьмет он ад?

* * *

Уж если об ином молва пошла,
Что только зло и злобу в нем найдешь,

Добра не жди — не сотворил бы зла,
Не сделал зла — уже и тем хорош!

* * *

Среди искусств такое есть уменье:
Оплошность скрыть, когда ошибся друг,

И похвалить при всех его раденье
Или сокрыть отсутствие заслуг!

* * *

В дни юности святую чистоту
Я променял на мерзости порока.

Прошли года, и старость подошла,
И за грехи наказан я жестоко.

Но если я поклоны стану бить,
Хоть лоб разбей — не будет в этом прока.

Наказан я, а как — то знает бог, —
Мне каяться — излишняя морока!

* * *

Заводишь речь — скажи лишь половину.
Навьешь словес — и жалкий будет вид:

Когда паук накрутит паутину,
Он в ней и сам, как пойманный, висит!

* * *

Старайся этот мир покинуть так,
Чтоб без долгов расчесться с пережитым.

Уйти из мира прочь, сбивая шаг, —
Не то же ль, что из бани — недомытый?

* * *

Что злато-серебро! От них — лишь порча рук:
Возьмешь — блестит, отложишь — руки в черном

Но и душе они — погибельный недуг:
Загубишь жизнь пристрастием позорным!

* * *

Кто сокрушил в себе прибежище гордыни,
Богатства вечности даны тому отныне.

А если гордость и во мне нашла обитель,
Найдется ль для богатств другой хранитель?

* * *

Со мной в походе два копя,
Но пеший я ходок.

Что копи в шахматах, они
Поднять не могут ног.

Что в шахматах, за край полей
Им не дано дорог.

Конь черный подо мной — земля,
А белый конь — песок!

* * *

Я, жар души в стихи вдохнув, мечтал,
Чтоб мысль мою тем жаром зажигало.

И потушить огонь, что жег мне мысль,
Живой воды, наверно, было б мало.

О, если бы горение души
Всегда огонь свой мысли отдавало!

* * *

Не разделяйте трапезу с тираном —
Прилично ли лизать собачье блюдо?

Не доверяйте тайн своих болванам, —
Беседовать с ослами тоже худо!

* * *

Учтивость привлекательна вдвойне,
Когда ее в привычку взял богатый.

Раскаянье ценней во много раз,
Когда богат и знатен виноватый.

Нет щедрости прекраснее такой,
Когда не ждут, чтоб лесть была отплатой.

А мудрый тех достойными зовет,
Чей дух — смиренья кладезь непочатый.

* * *

Прекрасен дом, в котором есть жена —
Твой добрый друг, красивая подруга!

Но та обитель света лишена,
Когда в ней нет жены, хозяйки, друга!

* * *

Два пса борзых охотились на льва.
По силе нет, как будто, в них различий.

Но пес один, принюхиваясь, ждет,
Другой — бежит, не дожидаясь ключей.

Растерзан пес. Смертельно ранен лев, —
Он стал тому, трусливому, добычей!

* * *

Щедр только тот, кто в трудную минуту

Последний хлеб с другим делить привык,

Кто бедняка пригреет и укроет,
Хоть дом его размером невелик.

РУБАИ

* * *

То море плещет, ценный дар скрывая,
Все капли в нем — как бы вода живая.
Его равняют с царственной казной,
«Сокровищницей мыслей» называя.

* * *

Когда тебя народ виной корит,
Ты на людей но затаи обид:
Укор правдив — исправиться не стыд,
А лживая хула не уязвит!

* * *

Когда я гнал вином печаль забот,
Укор ханжи поверг мне душу в гнет.
Что ж? — Буду пить все ночи напролет,
Пока душа опять не заживет!

* * *

Когда, порвав с людьми, я вырвался из пут,
Я рад был, что меня простор и воля ждут.
Но, полюбив тебя, я снова влез в хомут:
Так зверь - рванет аркан, и - шею стянет жгут.

* * *

Здесь розы нет, а мне о ней твердят!
Пройти б у сада, вдоль его оград, —

Пусть прелесть розы не увидит взгляд,
Зато вдохну чудесный аромат!

* * *

О ветер, полетишь за милою моей —
Ты душу отнеси и сердце прямо к ней.
Дай сердце псу ее — пусть сгложет поскорей,
А душу на пути у ног ее развей!

* * *

Укрывшийся в горах от мира человек
В пещере в зимний день найдет себе ночлег.
Ему прохладу в зной дарует горный снег,
А власть тщеты мирской ему чужда навек.

* * *

Сто тягот сердцу принесла разлука,
Разбила душу, как стрела, разлука,
Спалила тело мне дотла разлука
И пепел в небеса взвила разлука.

* * *

Сильней души моей тебя люблю я, жизнь,
Своей любви верней тебя люблю я, жизнь!
О, пусть не отыскать любви, сильнее этой, —
И все еще сильней тебя люблю я, жизнь!

* * *

Кто и любим, и пьет вино, а грустью сокрушен,

Не странно, если каждый миг стократ печален он.
Да, это — горькая беда, а все ж таю мечту:
Была бы эта грусть со мной во дни любых времен!

* * *

Кто б ни был ты, но в мире бед и мук
Ты видишь только бедствия вокруг.
Кто — человек, тот всем печалям друг,
А в мире скорбь — устойчивый недуг!

* * *

Пока весна цветет на сей планете
И красота зеленых роц — в расцвете,
И милость бога всем дана на свете, —
Пусть и для нас цветут красоты эти!

* * *

Рак саламандрой стал от солнечного пыла,
Цветник вселенной вял — всё жаром опалило.
Не выйти в тяжкий зной: горит огнем светило, —
О, где бы род людской прохлада осенила?

* * *

Осенней красотой расцвечен сад,
И всюду листья желтые летят.
Шафраном обернулся изумруд —
Голубизну небес сменил закат.

* * *

Доколе время зим разгулом хлада будет,
А нам в ночных пирах дана отрада будет,
И, охмелев, душа веселью рада будет, —
О, пусть таких даров тебе награда будет!

* * *

Провидцем тайн сокрытых сил быть должен человек,
Всемудрым знатоком светил быть должен человек,
Таящим страсть и жаркий пыл быть должен человек, —
Таким, чтоб одержимым слыл, быть должен человек!

* * *

Сегодня я у магов был — проведаль их притон я,
Там юный кравчий так красив, что был им восхищен я.
И честь и веру позабыл, безверием смущен я,
И стал за все мои грехи позорищем времен я!

* * *

Не устрашай меня, отшельник, адом
И к райским не заманивай усладам.
Мне всюду рай, где я с любимой рядом,
С тобой — и рай исполнен адским смрадом!

* * *

Нет, от чела, что с ангельским не схоже,
Речь не немеет, взор — но слепнет тоже.
Не взглянешь и не влюбишься. О боже,
И пне влюбляться в ту красу негоже 1

* * *

Лучи твоей красы да возблестят,
Да озарят они весь мир стократ!
Твоим владеньям да не знать преград,
А нас да осенит твой светлый взгляд!

* * *

О сердце, весть о розе дай — когда ко мне она придет,
Когда в цветник моей души цветущая весна придет,
Когда она, звездой горя и мне душой верна, придет, —
Когда же та, чей светлый лик — как яркая луна, придет?

* * *

Услышу радостную весть, что занялась заря свиданья, —
И отступают на закат разлуки темные страданья,
И я светило счастья жду, и в сердце трепет ожиданья!
А если солнце не взойдет, как пережить мои терзанья?

* * *

Да, так—гонец ко мне приспел, спешил он, видно, издалече,
Принес он добрую мне весть о скорой и счастливой встрече.
Хранит желанное письмо творцом дарованные речи:
Я Джебраилу рад душой — творца всевышнего предтече.

* * *

Отец ошибся — в том худого нет:
Тебе его оплошность — не во вред.
Простишь ошибку — пользу обретешь:
Творец тебя спасет от сотни бед!

* * *

Кто службой шаху добывает хлеб,
Тот может быть и хром, и глух, и слеп.
Но тайну скрыть и быть немым, что склеп,
Труднейшая из всех земных судеб!

* * *

Доколе жадная корысть истреблена не будет,
Доколе власть дурных страстей погребена не будет,
Доколе злоба темных сил изведена не будет,
Дотоле радостью людей цвести страна не будет!

* * *

Благое ли, дурное молвлю слово,
Ясна ли моя речь иль бестолкова,
А шах призвал — и я во власти зова,
Непонятым остаться — ох, не ново!

* * *

Я шахской справедливости чертог
И укреплял и строил, сколько мог:
Уж раз создатель свет свечи возжег,
Лететь на пламя должен мотылек!

* * *

Моя луна закрылась темной тучей,
Сокрыт землю черной светоч жгучий.
Настичь бы небо карой неминучей, —
Как солнца не затмит мой стон горючий?

* * *

Стихам я отдал радость вешних лет,
И летних кущ моих тюльпанный цвет,
И осени печально-желтый свет,
И зимний вечер, что от снега сод,

Твои стихи, о Навои, как перлы все блестят,
Из глуби недр твое перо добыло ценный клад,
Да не один, не десять их, не сто, не сотни их:
Все говорят, что я добыл их тысяч пятьдесят!

ТУЮГИ

* * *

Пока любимая вдали, грустить не перестану.
Когда ж сравнения искать для милой пери стану,
Я в сад пойду: в цветенье роз увижу лик прекрасный,
А рядом — стройный кипарис, ее подобный стану.

* * *

Кинжал разлуки в эту ночь затеял пир и справил,
Но рок, мне сердце истерзав, недуг мой не исправил.
Тогда он в Тун меня послал и пыткой мучил втуне,
Как нужно мучить — не забыв ни одного из правил!

* * *

Бальзам для ран я не нашел, страницы книг листая.
Что тело мне терзает в кровь — не хищных птиц ли стая?
Огонь любви мне душу сжег, и в горькой той пустыне
Не отыскал ни одного целебного листа я!

* * *

Мой взор состарила слеза, в мученьях пролитая,
Но ты, как прежде, — лишь мечта, что дразнит, пролетая.
Один — в тоске я слезы лью, но если ты со мною,
Мой, как у Хызра, долог век, — что ж вспомнил про лета я?

* * *

Чтоб ей сказать: «Но уходи!», уста я растворил,
Но замер зов мой на устах и льда не растворил,
Ее лукавству нет конца, упорству — нет границ,

Мир удивлен: такое зло ну кто хоть раз творил?

* * *

Дугою бровь, как меткий лук: стрелу мне брось навстречу!
О, долго ли еще в тоске лишь уповать на встречу?
Среди луноподобных звезд, что всех затмят красою,
С красой, такой как у тебя, другую разве встречу?

* * *

Нет, ты — не роза, я правдив в сравненье этом смелом:
По бледности твое лицо соперничает с мелом!
Затворница! Румянец щек тому лишь дан в награду,
Кто не гнушается вином и в страсти будет смелым!

АФОРИЗМЫ

* * *

Когда творят хорошие дела,
Нужна ли им пустая похвала?

* * *

Когда рубинам нету примененья,
Не лучше ли обычные каменья?

* * *

Тот, от кого к другим исходит зло,
Увидит: всё назад к нему пришло.

* * *

Когда народ тебя не защитит,
Ты сад) — причина всех твоих обид.

* * *

Когда тебе исполнить нужно дело,
Смотри, чтоб время зря не пролетело.

* * *

Великодушный славой знаменит,
А малодушных жизнь сама срамит.

* * *

В чужих несчастьях виноватый
Спознается со злой расплатой.

* * *

В ком благородство высшее найдете,
Тот у людей и в славе, и в почете.

* * *

Кто за подачку быть готов рабом,
Его бы об котел измазать лбом!

* * *

Монета, что трудом обретена,
Дороже, чем дареная казна.

* * *

Не могут люди вечно быть живыми,
Но счастлив тот, чье будут помнить имя.

* * *

От жемчугов и перлов уху больно.
Ему и добрых слов вполне довольно.

* * *

В богатстве и достатке славы нет,
А в жадности — причина многих бед.

* * *

Почтенья хочешь — меньше злоязычь,
Здоровья хочешь — пищу ограничь.

* * *

Желаешь без печалей обойтись,
Наукам и ремеслам обучись.

* * *

Кто доблестью примерной знаменит,
О тысяче щедрот своих смолчит.

* * *

Беги от тех, в ком много зла и фальши:
Ведь от плохого надо быть подальше.

* * *

Кто раз солгал, того уж и потом,
Хоть правду скажет, все зовут лжецом.

* * *

Когда захочешь с кем-нибудь сдружиться,
Подумай прежде — кто в друзья годится.

* * *

Иного человеком ты зовешь,
А он с людьми по виду только схож.

* * *

Когда твой друг хитрит, с улыбкой сладкой,
Уж лучше враг с открытою повадкой.

* * *

Когда ты нужен людям, разумея:
То лучше для тебя, чем для людей.

* * *

Ответа ждут — всю истину скажи,
Не говори ни хитростей, ни лжи.

* * *

Я на дела невежд смотрел: выходит все нескладно
Я делал все наоборот — и получалось ладно.

* * *

Знай: гордым птицам с лётю соколиным
Несвойственно гнездиться по низинам.

* * *

Кривого не излечишь, разгибая:
И сам он крив, и тень его кривая.

* * *

Когда в письме наделал ты описок,
Они гак и пойдут из списка в список.

* * *

Все знания мира, что пошли мне впрок,
Я, глядя на дела невежд, извлек.

* * *

Сдружился ты с невеждой глуповатым —
Не будет счета бедам п утратам.

* * *

Посеешь горечь — будет горек плод,
О г сладких зерен — сладкое взойдет.

* * *

Какой узор нанес ты на печать,
Такой она и будет отмечать.

* * *

Не для мужчины — хвастовство одеждой,
Такой хвастун всегда слывет невеждой.

* * *

Невежественный врач — подручный палача:
Яд тоже смерть несет, как и удар меча.

* * *

Того, кто совершил проступок малый

Карать негоже грозною опалой.

* * *

Терпенье одолеет все дела,
А спешка лишь к беде всегда вела.

* * *

Пока не вызрели слова, сказать их не спеши
И слову сразу не вверяй всех тайн своей души.

* * *

Развязность языка сама себя корит:
Рождает согни бед, несчастий и обид.

* * *

Толченый сахар с солью очень схожи,
Но соль и сахар — не одно и то же.

* * *

Людей презрением напрасно ты порочишь,
Желая им того, чего себе не хочешь.

* * *

Хотя у мудрецов всегда правдива речь,
Но в правде есть и то, чем стоит пренебречь.

* * *

Когда страдает сердце от злоречья,
В нем боль — как от жестокого увечья.

* * *

Где справедливость — шахских дел основа,
Там разоренный край воспрянет снова.

* * *

Почет и честь — не в знатности и званье,
А в скромности и честном воспитанье.

* * *

Когда в земле посеяна пшеница,
Ячмень на ней никак не всколосится.

* * *

Нет, тот не друг, кто, ревностный к услугам,
Когда лишь ты богат, зовется другом.

* * *

Достоин жалости таких ученых род:
Поймет — не сделает, а сделав — не поймет.

* * *

Твори добро и не болтай о том,
Хороших дел не порти хвастовством.

* * *

Уж раз у человека лживый рот,
Не верь ему, когда он и не лжет.

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «ЯЗЫК ПТИЦ»

Птицы отправляются на поиски Симурга

О том, как Удод поведал о Симурге, когда птицы, не найдя себе шаха, были объаты смятением

Был Удод удостоен премудрости светом
И увенчан венцом, как корона надетым.

Был отмечен почетом, высоким и славным,
И венцом, словно нимбом высокодержавным.

Горних тайн удостоенный, как Джебраил,
Он в высотах господня престола парил.

Он явился средь сборища, как одержимый, -
Мотылек, к жару правды и света движимый.

"К-эй, невежды, - сказал он, - безумное стадо!
Ваше сердце суетам невежества радо.

Шах ведь есть, но не мог его разум ничей
Описать даже сотнею тысяч речей.

Он - властитель пернатых всего мирозданья,
Все он знает про вас - вашу жизнь и деянья.

Он всегда рядом с вами, незрим и неведом,
Вы не с ним - он при вас вездесущим соседом.

Оперенье - ста тысяч цветов перелив,
Сто узоров, и каждый чудесно красив.

Разум сникнет пред тем изобильем узорным,
Но неведенье это не будет позорно.

Пред его совершенством бессилен и разум:
Ведь рассудок не может постичь его разум.

А владенья его Каф-горою зовут,
А его птицей Анкой порою зовут.

А Симуург - его имя, известное всюду, -
На земле и под ширю небесною, - всюду!

Быть вдали от него - так судьба вам сулила,
Он же - тут, возле вас, будто шейная жила.

Что за жизнь, если нет его рядом с собой?
Лучше смерть, чем мириться с такою судьбой".

О том, как Удод рассказал о свойствах Симуурга в ответ на почтительные просьбы птиц

Речь Удода как будто нектар источала,
А дыхание сладость, как дар, источник.

Видит он: сонм пернатых тревогою полон,
И тогда речь такую пред ними повел он:

"Все, что знаю о нем, слово в слово скажу,
Что из тайн я постиг дорогого, - скажу.

Только этим рассказом не кончится дело:
От речей ведь казна не была еще целой.

Шах и сущность его велики беспредельно,

Ваша цель и пути далеки беспредельно.

"Расскажи нам о шахе", - я слышу от вас,
Мне ж и в тысячу лет не закончить рассказ!

Суть его никогда и никем не открыта,
Но и имя его да не будет забыто.

Если влаги живящей касаешься с жаждой,
Счет ведешь не глотками, а капелькой каждой.

Каждый раз, как язык увлажняет уста,
Да вспомнят то имя, чья суть не проста!

Шах велик, моего разумения выше,
Суть его - моего постижения выше.

Как же выразить высшую суть я посмею,
Как же немощным словом дерзнуть я посмею?

Но уж если у птиц есть желанье сейчас,
Чтобы я о том шахе повел свой рассказ,

Я о сути его, хоть и в тысячной доле,
Разных мыслей вам выскажу тысячи боле.

Он ведь наш повелитель, над шахами шах он,
Нет того, чтоб не ведал о наших делах он.

Суть едина и образ един у него.
Больше тысячи свойств и личин у него.

Все они, где природа жива, проявились,
Все в единстве его существа проявились.

Никому не вздохнуть ни единого раза,
Если нет на то воли его и приказа.

То вздымаясь над нами, то падая вмиг,
Он в деяньях бывает и мал и велик.

Пестр он перьями - тысячи пестрых пушинок,
В каждом перышке - тысячи тысяч ворсинок.

С трудной думой он встретится или с простою,
Его мудрость и ум - с океан широтою.

Он вам жизнь буйной силой своею открыл,
В поднебесье вспарили вы взмахами крыл.

Алой крови поток в ваших венах - он, знайте,
И душа в вашем теле и членах - он, знайте.

Даже ближе души он для вашего тела,
Близок так, что уж ближе и нету предела.

От него вы на тысячу лет далеки,
Даже так, что уж дальше и нет, далеки!

И душа для того, кто не с ним, бесполезна,
Жить тому, кто душой не храним, бесполезно!

Если ж с ним единенье достигнуто вами,
Это - лучше владения всеми мирами.

Жить в разлуке с ним - смерть. Восемь райских садов
Будут хуже, чем ад и его семь кругов.

Но найти его запросто, вдруг - невозможно.
Без труда, без терпенья, без мук - невозможно.

К цели двинешься - тысячи бедствий приспели,
Но ее не достигнешь, не ведая цели.

Бесконечная даль - в ту долину идти,
Бесконечны опасности к ней на пути.

Жить без отдыха надо в парении смелом,
Даже если бессмертие будет уделом.

На пути будут реки с водою кровавой,
Нет, не с кровью, а с ядом, со жгучей отравой!

Там хребты вознесли к небесам острия,
И по каждому крови стекает струя.

Там простерлись пустыни - бескрайнее пламя,
И огонь прямо в небо взвился языками.

Там леса угрожают пришельцу враждою,
Ветви злобой чреватые, а листья - бедою.

Там по небу тяжелые тучи кружат,
И не ливень из них, а камнями - град.

Просверк молний из туч там в падении яром
Опаляет весь мир и сжигает пожаром.

Там скиталец ночлег в непогоду не сыщет,
И вовеки ни пищу, ни воду не сыщет.

Миллионы пернатых, покинув свой кров,

Бились крыльями в небо десятки веков,

Но никто не бывал в том пределе доньше,
И никто не достиг этой цели доньше!

Но отдавшему жизнь в этой доле исканий
Смерть - ста жизнью прекрасней, бессмертья желанней.

Сколько птиц в цветнике всего мира - везде,
Сколько их ни найдется - в полете, в гнезде, -

Клич вселенский им крикнуть проворнее надо,
В те края дать дороги им горние надо.

Пусть умрут на пути к той долине забвенья
За того, кто не ведал доньше забвенья.

Коль ста тысячам душ благо смерти дано,
Смерть - во благо: ведь каждой бессмертье дано!

Если ж счастье в судьбе им радетелем будет,
Если рок вожаком к добродетелям будет,

Пусть их путь пролегает в бескрайней пустыне,
Где ни счастья, ни радостей нет и в помине,

Но обрящут все птицы цветущий тот дол,
Где бы сонм их навек единенье обрел,

Да пребудут при шахе под благостной сенью,
Да сподобятся вечному с ним единенью,

Да найдут свой приют на небесном престоле
И да вступят под сень Гамаюновой воли!"

Описание города Китая и рассказ о том, как туда упало перо Симвурга

В дни иные, - поведал Удод птичьим стаям, -
На востоке был город, он звался Китаем.

Нет, не город! То был целый мир без предела,
Словно десять миров, там народу пестрело!

А страна там прекраснее райских садов,
А вода там чудеснее райских прудов!

Как-то ночью властитель всех гнезд в этом мире
Пролетал над вселенной в подоблачной шири,

И полет его горный пролег над Китаем -
Над страну, что схожа по прелести с раем.

Вдруг сияньем залило полночную тьму,
И народ беспредельно дивился тому.

Это шах тот перо обронил, пролетая,
И оделись в сиянье пределы Китая.

То перо было пестрым, с чудесным узором, -
Если все описать, слово будет нескорым.

И наутро народ вновь обрел свой покой,
Но дивился перу и расцветке такой.

То перо разожгло любопытство к узорам,
Каждый стал в рисованьи умелым и спорым.

И от этого всем им - и детям, и взрослым -
Дар был послан к художествам, к дивным ремеслам.

Был один человек там уменьем высок -
В живописном искусстве великий знаток.

Его имя - Мани, а пером - чУдодей он,
Дар его был редчайшею славой оваян.

Правду пишут мужи разуменья, считая
Манихейскую мудрость твореньем Китая.

То перо и сейчас озаряет Китай,
Словно гурия светлым сиянием - рай.

Вот как было. Перо то явилось чудесно,
А что дальше случилось - совсем неизвестно.

Повстречают его - и утратят дар речи,
И ни слова не могут промолвить о встрече.

Рассказать о нем не было воли судьб:
Кто перо повидал, тот в мгновение слеп.

Тьма ворсинок в пере! Вот где славное свойство!
Знай: из качеств его - это главное свойство!

Сколько было бесчисленных изображений
И владельца пера, и его проявлений!

Оперенье его не сравнимо ни с чем,
А вот имя его - имя ведомо всем.

Неизвестно, каким он проследовал краем,

Хоть и нету земли, где б он не был незнаем.

Наша воля его повеленьям подвластна,
Ослушанье - стократною карой опасно.

Для покорных надежда - свидание с ним,
А строптивый испугом и мукой томим.

Ни в одном государстве нет шаха бесценней,
А лишенным его - сотни тысяч мучений.

Он замолк и, с тревогой и криком летая,
Всполошилась в волненьи пернатая стая.

О том, как рассказ Удода о Симурге и огонь рвеня воспламенили сердца птиц

"Эй, вожак наш, - промолвили птицы Удоду, -
Не пристало без шаха жить птичьему роду.

Жить бы нам вот с таким, как сказал ты нам, шахом,
Все теперь о нем ведомо птицам и птахам.

Но в неведение мы, как в оковах, живем,
Мы в разлуке с ним в муках суровых живем.

Лучше смерть, чем в неведение гибнуть всечасно,
Кто разумен, тому наше бедствие ясно.

Раз уж ты между нами нарекся вожатым,
Нашей просьбе внимли, помоги ты пернатым.

Благосклонен к смиренным просителям будь,
В наших странствиях нам предводителем будь.

Мы на поиски шаха пуститься готовы,
Со слезами восторга все птицы готовы.

Мы увидеть его одержимы желаньем,
Не отступим от поисков и не устанем.

Будем крыльями бить и сильней, и быстрее,
Одолеем просторы пустынь и морей.

Иль достигнуть желанья нашего сможем,
Или души и жизни за это положим!"

О том, как Удод одобрил рвение птиц и высказал им поощрение

И сказал им Удод, радость в сердце питая:
"Ваша речь мне по сердцу, о падшая стая!

Если нам небосвод обещает подмогу,
Если все вы готовы в такую дорогу,

Я готов, сколько рвения есть у меня,
Сколько сил и умения есть у меня,

Быть всегда вместе с вами в великом и в малом
И вести вас по всем перепутьям-привалам.

Будет трудно в пути - я подмогой вам буду
И утехой в печалях дорогой вам буду.

Если вы на пути попадете в беду -
Чтобы справиться с горем, я средство найду.

Что ни встретите - радость ли, злую судьбину,
На мгновение даже я вас не покину.

В перелете беречь вас надежно я буду,
На ночлегах вам стражей надежно буду".

И когда он у птиц их решенье узнал,
Много высказал им он великих похвал.

И на сборище, к высшим свершеньям готовом,
Обратился он к птицам с восторженным словом:

"Вы взыскуете тайны познания вселенной!
Сам ваш облик глаголет о тайне бесценной.

Где началом природы был рай осиян,
Не об этом ли вечность слагает дестан?

К тайнам шаха отныне причастны вы стали,
Меж собою в той тайне согласны вы стали.

Ваши песни поются в его прославленье,
И дестаны - величья его восхваленье.

Речь его - ваша пища, а мысль - ваша снедь,
А без речи и мысли его вам не петь!

Он внушил вам все сущее, дал все, что надо,
Но сокрыл этот светоч от вашего взгляда".

И когда в птичьем сборище вспыхнула смута,
Каждый был там - как странник, лишенный приюта.

И потерян был путь в сокровенный тот сад,

Словно вовсе у памяти был он отнят.

В сад вселенной дорогу им сделал открытой
Тот, кто брэнную землю им сделал защитой.

"В этой брэнной обители так уж случилось,
Что не тешат сердец ваших благодать и милость,

Если ж бог доведет, вам помочь я смогу,
Снова с ними свести вас воочью смогу.

Это странствие бедами будет чревато,
Но за них вам сердец очищенье - отплата.

Одолеее путь - и победа приспела,
Будут чистыми души, а с ними и тело.

Снова счастье сиянье свое вам вернет,
А за ним и блаженству наступит черед.

А познаете шаха дерзанием смелым -
И для душ ваших вечность да будет уделом.

Вы спознаетесь в странствиях с трудной судьбою,
И увидите шаха в единстве с собою".

Обращение Удода к попугаю

"Попугай сладкогласный, ты песню пропой нам
Рассудительной речью, напевом достойным.

О взыскующий шаха! В зеленом халате
Будь ты Хызром в пути для заблудших собратий.

Поначалу о родине нам расскажи,
Нас порадуи, потешься и сам,- расскажи.

Ведь отчизна твоя Индустаном зовется,
Шахским садом в цветенье багряном зовется.

Твой напев - это сладкая нега свиданья,
Кто глотнет той услады - слагает сказанья.

Удостоен сидеть ты на шахской руке,
Отзвук шахских речей - на твоём языке.

Ты с чужбины к далекому дому собирайся,
И лететь прямо к саду родному собирайся".

Обращение Удода к павлину

"Покажи нам, Павлин, свой цветник сокровенный,
Ты яви нам свой блеск - изумленье вселенной!

Над твоей головою - корона главенства,
А сокровище тела - само совершенство.

Ты великой красы в оперенье достиг,
Описать твою прелесть - немеет язык.

Твоему существу подобает величье,
Твоему естеству - совершенство в обличье.

Но забыл ты приют свой в отчизне далекой,
Блещет шахский цветник в красоте одинокой.

Но смотри, свой родимый цветник не забудь,
Путья гнусной темницы сумеи разомкнуть.

И о пиршествах шахских напевы слагая,
Ты лети к цветникам позабытого края!"

Обращение Удоды к соловью

"Соловей! О певец, вдохновляемый страстью,
Звонкой песней залейся, внушаемой страстью!

Песнь любви ты слагаешь - в ней тысячи трелей,
Безголосых срамишь ты, чтоб были умелей.

Тебя шахские розы пьянят красотой,
И вкушаешь ты страсти пьянящий настой.

Лишь оденутся розы пылающим цветом,
В каждом перышке пламя зардеет отсветом.

А вдали от садов твоя песнь онемела,
Стало пеплом от жара разлуки все тело.

В голубых небесах к дальним странам лети,
Вдаль к возлюбленным розам багряным лети.

Сотни роз в цветнике рдеют пламенем ярим,
Рдеют тысячи искр в твоём сердце пожаром".

Обращение Удоды к горлице

"Спой нам песню, о Горлица сада вселенной,
Дай услышать в ней отзвуки лада вселенной!

Пусть пернатые стаи в смущении смолкнут,
Пусть в бессилье, услышав то пение, смолкнут.

Венчик перьев на шейке, как четки, надет,
Рассказать о нем - слов восхищения нет.

Ты в любом цветнике - словно диво всем птахам,
Твои перья окрашены кровью и прахом.

Запоешь ты - и словно бы стоном застонешь,
В лад безумною страстью влюбленным застонешь.

Только вспомнишь любви очарованный сад, -
Голос твой словно трепетной негой объят.

Не останься в печалях, порадуй нас вестью,
Что летишь ты в цветник свой, вспарив к поднебесью".

Обращение Удоды к куропатке

"Куропатка из дальней нагорной долины!
От печали глаза твои - будто рубины.

Как Фархад среди гор, ты в труде неустанна,
Ты, не зная покоя, спешишь беспрестанно.

Красный клюв твой - пылающий жаром тюльпан,
Он от крови страданий, наверно, багрян.

Каф-горою близ горних высот ты бродила,
Не о ней ли в сей дали ты стонешь уныло?

То не хохотом взвились высокие звуки, -
Это - крик твоей ядом напитанной муки.

К Каф-горе ты спешишь, путь далекий открыт,

Пусть надежда свиданья тебя веселит.

Близок час ликования, - ввысь, на свободу!
Через скалы разлуки стремись на свободу".

Обращение Удода к фазану

"О Фазан пестроперый, изяществом славный,
Кипарис - твой слуга в своей доле неравной!

Весь цветник - это дар твоего совершенства,
Розы меркнут от чар твоего совершенства.

Блеск твой видели горы и в долах сады,
Красотой твоей горы и доли горды.

Люб ты живности всякой в полянах веселых,
Мил ты тварям, живущим в заброшенных долах.

И хотя совершенство твое несравненно,
А краса - несравнимо ни с чем совершенна,

Ты красою своей никогда не гордись,
Красотой, как она не горда, не гордись.

Вспомни ту красоту, что не знает порока,
В край пылающих роз путь стреми свой высоко".

Обращение Удода к турачу

"Эй, послушай, Турач, ты изящен и строен,
Словно птица души, ты любви удостоен.

Лес в наряд свой одет красотой твоею,

Дан лугам яркий цвет красотю твоею.

Твой пьянящий напев так чарующе мил,
Что у внемлющих сердце лишается сил.

Вид твой - чудо чудес, оперенье красиво,
Облик дивно прекрасен, а речь - словно диво.

И с таким совершенством, с повадкой такою,
Да и с речью пленительно-сладкой такою

Ты по вольному должен обычаю жить
Или шаху достойной добычею быть.

Мчится шах на охоту - добычею падай,
И за жертву твою будет вечность наградой".

Обращение Удода к голубю

"Взмой, о Голубь, биением крыл в поднебесье,
Спой нам песню о том, как парил в поднебесье.

Разве в темном жилище томиться приятней?
Ты ослепнешь навеки, томясь в голубятне.

Вспомни небо над шахским чертогом, вспари,
В горнем небе летай от зари до зари.

Иль забыл ты, как сердце в паренье пологом
Замирает и бьется над шахским чертогом?

Видно, ты поотвык быть с султанами рядом,
Ворковать разучился торжественным ладом?

Полетай в те края и над крышей вспари,
И над высью времен, даже выше, вспари.

Пусть изловят тебя - это жребий приметный:
Ты дорогу найдешь к голубятне заветной".

Обращение Удода к соколу

"Добрый путь тебе к нам, Сокол, шахам подобный,
Бесподобен твой облик - красы бесподобной.

Бог возвысил тебя над крылатою ратью,
Наделил красотой и изысканной статью.

Ты от века на шахской деснице сидел,
Есть с державной руки - твой высокий удел.

Шах ласкал тебя, гладил по крыльям и перьям,
Трогал клюв и к когтям прикасался с доверьем.

Небосвод обернулся судьбой вероломной, -
Ты от шахской руки вдалеке - как бездомный.

Ты попался, измена накинула сеть,
И привык ты разлуку в неволе терпеть.

Будь же пленником шаха, будь снова с ним вместе, -
Руку шаха лобзать удостоишься чести".

Обращение Удода к кречету

"Здравствуй, Кречет могучий, подоблачный житель,
Воля шаха тебе нарекла ту обитель.

Венценосец, средь птиц ты - как шах красотою:
Шах отметил короной тебя золотою.

Ты средь птиц венценосных властителем стал,
Шах, как другу, тебе покровителем стал.

И на пиршествах шахских ты принят с почетом,
Нету счета к тебе обращенным заботам.

Не сравнится с тобой птиц и целый десяток -
В десять раз больше всех дан тебе и достаток.

Шах свое уваженье тебе подарил,
Жемчуга и камня тебе подарил.

Далеко ты теперь, но забудь про чужбину,
Прямо в руки лети к своему властелину".

Ответ Удод птицам и рассказ его о явлении Симурга

И ответил Удод расшумевшимся стаям:
"Шахиншахом великим его мы считаем.

Как сокровище, скрыт он, и суть его тайна,
Блещет в зеркале мира красы его тайна.

И когда он явить себя миру решил,
Он затмил своим блеском сиянье светил.

И в лучах его солнцеподобного блеска
Сто миллионов теней обозначились резко.

И к теням, засверкавшим по дальним просторам,
Вездесущим своим обратился он взором.

Образ птиц всего мира, все их существо -
Знай: то тень многомудрой природы его.

Кто познал мудрость этих свершений и понял,
Тот к Симвургу свое отношение понял.

Но, провидец, кому этот смысл будет ведом, -
Не вверяй эту тайну речам и беседам.

Знаешь правду ты, глубь этой сути познав,
Поручи ее богу - и будешь ты прав.

Смысл познавший над смыслом не властным зовется,
А лишь к истине смысла причастным зовется.

Если ведаешь ты, чьей являешься тенью,
Мощь и сила даны твоему разуменью.

Тот, кто тень эту ищет, а света лишен,
Знай: Симвургову тень не изведает он.

А желал бы Симвург быть неведомой тайной,
Тень его не была бы такую бескрайней.

Знай, что сущ отблеск тени повсюду дающий,
Если тень его сути является сущей.

Если ж видеть Симвурга глазам не дано,
То зеркального блеска сердцам не дано.

Кто тот лик прозревающих глаз не имеет,
Знай, что смысла чужой пересказ не имеет.

Красота его сути любви пожелала,
И явил он подобное солнцу зеркало.

Чтоб себя в нем красой просветленной явить
И красе своей отклик влюбленный явить,

Ведай: сердце восприняло свойство зеркала,
Чтоб сверкание истины в нем не престало.

Так что вот: он являет красы просветленья,
Ты же с сердцем твоим - лишь его отраженья".

Притча

Жил-был шах, красотой - как месяц в зените,
Словно шах среди лун был он в войске и в свите.

Кипарису по статности с ним не сравниться,
Солнце быть рядом с ликом его устыдится.

Был смятением мира чудесный тот лик,
Кто смотрел на него, погибал в тот же миг.

В мир краса его бедственной смутой запала,
В души страсть к нему гибелью лютой запала.

Кто красой всему миру на диво отмечен,
Сотней тысяч примет он счастливо отмечен.

И когда он на площадь верхом выезжал,
И в толпу, бойко правя конем, выезжал,

Кто ему по пути не встречался, бывало, -
Всех краса его сразу же насмерть сражала.

Вся, как есть, в горах трупов, бывало, дорога,
Погулял - да назад: не проедешь тут много.

А молва о красе его всюду была,
И беда от него всему люду была.

И когда весь народ мор оплакивал в плаче,
Он задумал являть лик свой людам иначе.

Повелел он - и сделали слуги зеркало,
И поставили так, чтоб пред тронем стояло.

Пред дворцом приказал он построить чертог,
И светильник в нем яркий, как звезды, зажег.

Он и сам на свое естество любовался,
И народ отраженьем его любовался.

А пока он не сделал такого зеркала,
Красоты его людам добра не давала.

А теперь от красы сам изведал он прок,
И смотревших красою он радовать мог.

Поразмысли и ты: сердце - это зеркало,
Чтобы в нем красоты отражение являла.

Сердце - как бы зеркало в обители тела,
Зри, и шаха красу в нем разглядывай смело.

Только ежели зеркалу блеск не придать,
Падишах тот не явит свою благодать.

Отражение красоты той прозришь ты в зеркале,
Коль к прозрению себя подготовишь вначале.

Сколько в зеркале будет сверканья и блеска -
Столько в нем отражений проявится резко.

Притча

Как-то раз Искандер ввел обычай забавный -
Самому быть послом своей воли державной.

Так Симурга, привыкшего к славе и высям,
Сделал он как бы голубем - носчиком писем.

Вот в какое-то царство приехал он сам,
А повел себя, как подобает гонцам.

Искандеров указ возвестил он исправно,
А ведь сам Искандером и был он, - забавно!

Речь свою по повадкам послов возгласил он,
Сам указ свой - из собственных слов - возгласил он.

Кто ж мог знать, что вот он-то и есть Искандер?
Что гонцом сам принес свою весть Искандер?

Дал он ход повеленьям своим и указам
И поведал все то, что таил его разум.

И среди тысяч людей не постиг ни единый,
Что за образ таится под этой личиной!

Кто о шахе болтать небылицы готов,
Внял бы лучше потайным значениям слов.

Вопрос

Вопрошающий молвил: "О ты, благодатный,
Ты в вожденье достиг высоты благодатной!

Этот путь нам несет беспредельное горе,
Даль его протянулась в бескрайнем просторе.

Как нам эту пустыню несчастий пройти?
Как достигнуть конечной стоянки в пути?

Это странствие будет какое, - поведай,
О суетах пути, о покое поведай.

Расскажи нам подробно - по чину, по ладу,
Поначалу - о бедах, потом - про усладу".

Ответ

"Спутник мой, - был услышан ответ от Удода, -
Твой вопрос этот - очень нелегкого рода.

Коль спросил ты про путь, если слушать ты станешь
Об усладах и бедах долин и пристанищ, -

Сколько будет долин, как далек этот путь, -
Я про все расскажу, ты - внимателен будь!

Семь долин перед нами - простором громадным,
В каждом доле предела нет страхам нещадным,

В каждом доле числа нет путям-перевалам,
Разум никнет пред этим числом небывалым.

Семь долин - разветвление путей и дорог,
С них рассказ я начну, это странствий исток.

Будет первой долиной - долина Исканий,
Дол заветный, начало взыскуемых граней.

Знай: долина Любви дальше путь перекрыла.
Все сожги в той долине - что есть и что было.

И когда твое тело любовью спалит,
Знай, в долину Познания путь твой открыт.

Вслед за ней простирается дол Безразличья,
Знай - ничтожно пред ним небосвода величье,

Дальше - дол Единенья, и в этом пределе
Ты пребудешь единым в пути твоём к цели:

А оттуда долиной Смятенья пойдешь,
Вся долина исполнена муками сплошь.

После всех тех долин будет дол Отрешенья,
Дальше нет ничего, здесь - пути завершенье.

Сколько праведных духом там ищет удачи,
Только все по-другому бывает, иначе.

Не бывало от века вестей с тех дорог, -
Кто туда ни ходил, возвратиться не мог.

Лишь назвать семь долин - невеликое дело,
Рассказать о них - трудности нет и предела!"

ДОЛИНА ИСКАНИЙ

Только ступишь в долину Исканий ногою -
Каждый миг сотни тысяч невзгод пред тобою.

Каждый миг сотни грозных примет перед взором,
Лишь вздохнешь - разом тысячи бед перед взором.

В муках ищешь - и сердце объято тоской,
Душу ранит надежды утрата - тоской.

Там всю душу сожги, в жертву отданный бедам,
А обет единенья навеки неведом!

Там исколото тело шипами несчастий,
А душа там изранена игом напастей.

Там жемчужин заветных ищи - не найдешь,
Да и все, что имеешь, утратишь там сплошь.

Все, чем ищущий связан, — достаток, пожитки, —
Он развеет, четырежды прокляв, до нитки.

Все, что, чуждо исканьям, им будет забыто —
И дорога к желанному станет открыта.

И когда разочтется он с благом мирским,
Мир невиданных благ засверкает пред ним.

Клад сокровищ блеснет на твоём пепелище,
Свет в душе твоей вспыхнет и ярче и чище!

И от искр в твоей страсти огонь распалится,

От огня — твоих помыслов конь распалится.

Сотни новых дерзаний изведаеть ты,
И к ногам твоим горные рухнут хребты.

И постигнешь душой ты блаженство исканий,
И не будет с тобою ни мук, ни страданий.

Как познаешь ты сердцем бесценность жемчужин,
С ремеслом их добытчика станешь ты дружен.

Если солнце взойдет, единеньем горя,
Сгинет мрак твой, и ярко заблещет заря.

Даже слон, захмелевший в припадке порухи,
Будет слаб пред тобою — ничтожнее мухи.

Сотни тигров и львов повстречаешь дорогой,
А сочтешь их не больше козявки убогой.

И дракон твое сердце бедой не сразит,
В нем ведь склад заповедных сокровищ сокрыт.

Ты удар нанесешь и неверью и вере,
И раденьем твоим да отверзнутся двери.

Дверь отверзнется — сгинут и вера, и ересь,
Все земное забудешь, покоям тем вверься.

И неверье и вера благим — не предлог:
На едином пути нет различных дорог!

Притча

Был один падишах — повелитель всесветный,
И казна, и войска его были несметны.

Сын его красотою был так благороден,
Что ему сам Юсуф для послуг был пригоден.

Солнца блеск был его красотою срашим,
И светило лежало во прахе пред ним.

Кипарис его стану был слабою тенью,
Лунный лик доброте его был к украшенью.

Словно солнце, краса его миром владела,
Как луна, он над небом царил без раздела.

Каждый взор его, мир повергая во прах,
Новый мир созидал — в лучезарных очах.

Души речью рубиновых уст сокрушал он,
Души дивной улыбкой лица воскрешал он.

Целый мир был влюблен в него — страстно, до хвори,
Даже гнев его к поданным был им не в горе.

Иноверцы с него не сводили свой взор.
Правoverные гибли от смут и от ссор.

Конь его, словно молния, неся, бывало,—
Целый мир этим пламенем вмиг опаляло.

И безумство владело людскою оравой,
И томил он людей красотою лукавой.

Краем глаза лишь взглянет — красы его меч

Миллионам велит тут же кровью истечь.

Все ему нипочем: все на свете полягут,
А ему — лишь забава — ни горя, ни тягот.

Где бывал он — там ветер не ведал дороги:
Прочь он мчался от страха в смятенной тревоге.

Даже в сад его ветер не смел залететь,—
В каждой высохшей ветви ждала его плеть.

Ехал он как-то раз на коне своем скором
По заглохшим, совсем опустевшим просторам.

Глядь — сто тысяч безумцев рыдают в пустыне,
Одержимы любовью, в тоске и кручине.

На него и не смеют несчастные зреть,
Знают все: это дело напрасное — зреть!

Кто с ним встречи захочет — плохой ли, хороший, —
Эта цель будет им непосильною ношей.

Но сиятельный отрок, привыкший к гордыне,
Вдруг взглянул на людей, что томились в пустыне.

Взор его вдруг заметил двоих бедняков,
Оплетенных любовью, как цепью оков.

"Эй, ступайте,— велел он хранителям в свите,—
И обоих безумцев ко мне приведите".

Только тронул коня, молвил властное слово —
Привели бедняков — одного и другого.

Одного он в острог под ярем посадил,
А другого на псарню псарем посадил.

Был один весь в цепях в заточенье суровом,
А другой тосковал по цепям и оковам.

Были оба в беде, мучась медленным сроком,
И терпели лишенья в несчастье глубоком.

Как-то раз сострадатель им задал вопрос, —
Как, мол, каждый из вас свое бедствие снес?

Псарь промолвил: "Печаль и беда — что такое?
Всем доволен я. Скорбь и страда — что такое?"

Сердце полнит любовь, и в смиреньи убогом
Я готов быть и псом перед милым порогом.

Я собакам слугой-покровителем стал,
Но над ними же я и властителем стал".

А второй отвечал: "Страсть мне сердце сломила,
Пусть пристанищем мне будет даже могила,

Пусть сейчас я закован, как раб, в заточенье, —
Я всем сердцем надеюсь достичь единенья".

Слышал шах луноликий всю суть этих слов,
Незаметно запрятавшись в тайный укров.

Эти люди в исканиях верными были,
Потому и в любви столь примерными были.

Рад был шах солнцеликий речам тем немало.
Их словам его сердце блаженно внимало.

Оценил он их верность в их трудной судьбе,
И явил он им милость, приблизив к себе.

Их исканьями правила верность всесильно, -
И была их награда плодами обильна!

ДОЛИНА ЛЮБВИ

Чуть минуешь долину Исканий, и сразу
Дол Любви тебя примет, открывшийся глазу.

Знай: любовь — это светоч над миром, нетленный!
Нет, не светоч, а пламень над всею вселенной!

Дан в любви не любому, кто любит, огонь,
Лишь одну саламандру не губит огонь!

Бескорыстным в любви, каландаром быть надо,
Саламандрой, охваченной жаром, быть надо.

Одержимым любовью даровано пламя,
Им дано над свечою порхать мотыльками.

А красавицам мудрый обет незнаком:
Недоступно для бабочки быть мотыльком.

Пестрым бабочкам любо средь роз красоваться,
Пред детьми красотю своей похвалиться.

Любо ль им, как дервишам, в одежде посконной

Мотыльками лететь на светильник зажженный!

Пусть у бабочек ярко одежд их пятно,
Мотыльками гореть им в огне не дано!

Соловьем может зваться не каждая птица,
Не любая от страсти в золу превратится!

Кто в любви не горит, значит, он — не влюбленный,
Тот не любит, в ком нету души опаленной.

Для влюбленного радость — в любви себя сжечь,
Но любви не обучит и мудрая речь.

Жаркий пламень любви сожигает жилища, -
Ведь дракон лишь дохнет и — кругом пепелища!

Сердце любящих тьмою стенок томимо, —
Где молельня огня, что там есть, кроме дыма!

Пламя молний любви все сжигает кругом,
Низвергая с небес опаляющий гром.

Непорочных любовь жгучим жаром сжигает,
Словно молния стог в блеске яром сжигает.

Души любящих страстью горят неподдельной —
Страсть их сделала пламенной огнемолельней.

Если кто-нибудь в огнемолельню попал,
Как ему не сгореть среди огненных жал?

В пламя страсти попал — не дано не спалиться, -
Что в огонь попадет, то в огонь превратится!

Лишь подступишь к любви — и соришь в той округе, -
Пламя жжет и стоящего в огненном круге!

Для скитальца любовь — не игра, не обман,
Это — пламя вздувающий в нем ураган.

И в любви пламенеть нужно снова и снова, —
Кто в огне — тот горит, нет исхода иного.

Если с высей любви пламень молнии грянет,
Душу огненным валом захлестывать станет, —

Пламя молнии дом и все бренное жжет,
Да и только ли их — всю вселенную жжет!

Умереть — для влюбленных обычное дело,
Ради друга погибнуть — привычное дело!

Притча

Асмаи брел паломником к божьей угоде
И увидел кусты на одном переходе.

Там в кустах, между порослью роз молодую,
Был источник, журчавший живую воду, —

Словно душу влюбленный в ту рощу принес,
И родник переполнился струями слез.

Асмаи у воды сел в том благостном доле,
Чтобы сердце отмыть от печали и боли.

Отдохнув у источника, в благости светел,

Он поодаль приставленный камень заметил.

Там написано было: "Хиджазец, ответь,—
Как заветною тайной надежно владеть?"

Кто в любви сокрушен, что ему нужно делать?
Если немощен он, что ему нужно делать?"

Асмаи тут же вынул перо и чернила,
И рука его быстро ответ настрочила:

"Кто в сей бездне взыскует чистейший исток,
Да не явит он миру бесстыдства порок!"

Написавши на камне те речи, пошел он,
Со стоянки своей в путь далече пошел он,

А назавтра, бредя той же самой тропею,
Он опять тот же камень узрел пред собою.

Видит — к надписи, сделанной им лишь вчера,
Вновь приписан вопрос тем же бегом пера:

"Если этот влюбленный, бедою убитый,
Непорочен, но страсть свою держит сокрытой,

Если страсть и любовь пламенеют в нем силой,
Если в страсти своей он терпением хилый,

Но жива в нем мечта единенья,— как быть?
Коль не сыщет себе избавленья,— как быть?"

Асмаи удивлен был столь губительной речью
И перо свое вмиг наострил к красноречью.

Он писал: "О горящий любовным обетом!
Я тебе уж давал наставленья об этом.

Если слушать совет тебе страсть не дает,
В жаре страсти умри, вот и делу исход!"

Злой ответ написав, бессердечный советчик
Прочь решил поспешить от злокозненных речек.

Целый день он скитался далеко оттуда,
А наутро пригнал туда снова верблюда, —

Дай, мол, я от страдальца ответ посмотрю,
Написал мне несчастный иль нет, — посмотрю!

Видит — близ родника распростерся несчастный,
Бездыханный от пыток любви своей страстной.

Недвижим, он распластан, и немощен телом,
И следа нет румянца в лице помертвелом.

Разрывается сердце от вида его,
Знать, сгубили и страсть, и обида его!

Видно, так о тот камень ударился лбом он,
Что и лоб был разбит, да и камень проломан!

Вся вода в роднике перемешана с кровью,
Рухнул ниц он к воде — к своему изголовью.

Вот какой был написан страдальцу наказ:
Лишь прочел он слова — и погиб в тот же час!

Он сберег свою душу от тягот разлуки
И от страсти простерся в погибельной муке.

Как узрел Асмаи тяжкий рок сей юдоли,
Сто шипов в его сердце вонзилось от боли.

И одежды порвал он, и сбросил чалму,
Горевал по жестокому злу своему.

Не случилось с ним более тяжкого горя,
Горько-горько рыдал он, стенаньями вторя.

И печаль ему сердце на части разбила,
И его погребла под землю могила.

Словно в битве за веру, сразил его рок
И в кровавый халат, будто в саван, облек.

О Фани , вот таков путь любви отрешенный, —
Если жить невтерпеж, то умри примиренный.

Эту смерть, что ниспослана промыслом бога,
Оплатить и миллионами жизней — не много!

ДОЛИНА ПОЗНАНИЯ

Знай: затем ты вступаешь в долину Познанья,
Погляди, сколь бескрайни ее расстоянья!

Кто желал испытать той долины обычай,
Повидал там немало чудес и отличий.

Сто миллионов в том доле различных дорог,—

Им от века неведом единый исток.

Там повсюду в великом и малом — различье,
Там и высям дано и провалам различье.

Сто миллионов там путников в доле убогой
По пустыням бредут всяк своею дорогой.

Каждый путник своею дорогою горд,
Каждый странник в пути облюбленном тверд.

Одному любо то, а иным любо это, -
Всем другим безразлична чужая примета.

Дан и мухе там путь и слоновьей породе,
Джебраил вместе с мухой парят в небосводе.

Там бредет и Муса , и бредет Фараон,
Хоть несхожими были они испокон.

Там Махди и Даджалу стезя уравнился,
Хоть Мессии с ослом и нельзя уравнился!

В той долине Бу Джахл бродит вместе с Ахмадом -
Мрак крошечный с невиданным светочем рядом!

Быть порочному с добрым — закон той страны,
Правоверный и праведный с подлым равны!

Нечестивцы чтут идолов — всех понемногу,
Мусульмане верны там единому богу,

Нечестивцы своим властелином клянутся,
Правоверные — богом единым клянутся.

Этот дол не бывает различий лишен,
И различия эти в том доле — закон!

Так от века назначил пророк, нас ведущий:
Если люди идут к свету истины сущей,

И захочешь узнать, скольким быть там дорогам,
Знай: по людям число это — в равенстве строгом.

Как осадок и жидкость различны на цвет,
Так и в людях во всем совпадения нет.

Здесь властительный шах и бродяга убогий —
Каждый путь совершает своею дорогой.

Коль нутро человеческое — вместилище розни,
Справедливостью в нем одолеть нужно козни.

Потому и удел разный путникам дан:
Этим — благость михраба, другим — истукан.

И явило свой разум любое созданье, —
Много разных отличий послало познание.

Всяк на собственный лад к совершенству стремится,
Все хотят через эту долину пробиться.

И хотя в их дорогах различия есть,
Цель одна у любого обычая есть.

Но — пряма ли, извилиста эта дорога,
Далеко ли идти по ней или немного, —

Кто погиб на ней, кто запропал на дороге,
Кто меж путаных троп заплутал на дороге,

Нет таких, кто бы всех не прошел там дорог,
Нет таких, кто до цели дойти бы не смог!

Если солнце познанья — в небесном пределе,
Каждый, кто обратится к взыскуемой цели,

Путь свой прямо направить к удачам желает,
Свое золото сделать ходячим желает.

Если блещет сияньем сверкающий свет,
Для любого откроется благостный след!

Все, кто муки терпел, получали награду:
На стезе их случалось встречаться и кладу.

На стезе постиженья любое бывало, —
Много горя лихого, а доброго мало!

В чьих поступках всегда непорочность строга,
Тот законам пророка надежный слуга.

Притча

Вот, послушай-ка эту достойную повесть.
Говорят, в Индустан, в дальний путь приготовься,

Раз попали слепцы и брели средь раздолий, —
То ль гостями, то ль связаны пленной неволей.

А потом им судьбою негаданной тут
Были посланы кров, и жилье, и приют.

Кто-то раз их задумал спросить не в обиду, —
Мол, слона вы видали, каков он по виду?

А слона-то, конечно, видать не пришлось им,
И проведать о нем тоже, знать, не пришлось им.

Каждый — кто как сумел — его тронул рукой,
И от этого только и знали — какой.

Ноги трогавший вымолвил: "Будто бы бревна".
Брюхо гладивший молвил: "Гора, безусловно!"

А один, только хобот и тронув, воскликнул:
"Узнаю я породу драконов", — воскликнул.

Тот, что трогал клыки, сообщил невпопад:
"У него лишь две кости, они и торчат!"

А потрогавший хвост — что, мол, это за штука? —
Криканул: "Это змея, не иначе — гадюка!"

И поведал другой — тот, что голову щупал:
"Вроде как бы скала, а вершина, что купол!"

Ну а тот, что к ушам прикоснулся, сказал:
"Нету здесь ничего, кроме двух опahal!"

Все те речи внушала одна слепота им,
И хотя каждый возглас был правдой питаем,

В их речениях было погрешностей много
И различий в сужденьях о внешности — много.

А индус, что спросил их, был саном высок,
Был слонов и слоновьих повадок знаток,

Он спокойно внимал их речам небывалым,
Все рассказы прослушав, совсем не мешал им.

"Что ж, — промолвил он, — каждый ведь прав в своем роде,
Все сказали они о слоновьей породе.

И хотя говорили они невпопад,
Даже спорили, — кто же из них виноват?

Каждый молвил, что внятно его разуменью,
А увидеть слона — недоступно их зренью.

А собрать эти свойства — и слон будет целым,
И познания их будут стоящим делом!"

Все для зрячего было понятно сполна,
И признал он, что суть их речений верна.

ПРИТЧИ

О ПАДИШАХЕ-ПЬЯНИЦЕ

Жил один падишах, был он злобным и пьяным,
Кровожадным, жестоким и гнусным смутьяном.

Все дела по свирепому нраву свершал он,
А считал, что все это по праву свершал он.

Как-то раз, опорожнив немалый сосуд,
Он увидел, как два оборванца идут:

Как друзья, как приятели — дружно и ровно,
Помогая друг другу, бредут полюбовно.

Шах призвал их, и без околичностей пущих
Он спросил напрямик одного из идущих:

«Кто тебе этот странник, бредущий с тобою?
Объясни, как ты связан с ним — связью какою?»

Тот ответил: «Мы связаны общей судьбиной,
Мы друзья и радители цели единой».

И спросил его пьяница: «Праведный странник,
Я достойнее или твой верный избранник?»

И промолвил тот первый из путников сих:
«Я скажу все, что знаю про вас про двоих.

А узнаешь всю правду — по верным приметам
Сам суди, венценосец о том и об этом.

Хоть и шах ты, и правишь обширной страну,
А на божьей стезе ты свершаешь дурное.

Что господь ни велит — ты во власти грехов,
И обычай твой денно п ночью таков.

Ну а он, хоть и нищ, и одет он убого,
А покорно свершает веления бога.

Не по божьей стезе не свершит он и шага,
Не свершит он и вздоха творцу не во благо.

Ты вот шах, а гнетешь себя, нравом поправ,
Он и нищ, а себе подчиняет свой нрав.

И пока вы с ним вместе живете на свете,
Шах и нищий — в различной заботе на свете!

А умрете, он — шах, ты же сделался нищим:
Ты ведь пьянству был предан, он — помыслам высшим!»

О СКРЯГЕ

Жил-был в Басре какой-то мерзавец отпетый,
Он в казне неразумья был редкой монетой.

Всё динары копил и копил он упрямо,
Превзошел он богатствами даже Хатама.

И великим стараньем дурной скопидом
Тайники понабил до полна серебром.

И когда подкопил уж немало он денег,
Под землю поглубже их спрятал мошенник.

И хоть клад у сквалыги был очень богатым.
Деньги он п на шее носил под халатом.

Было столько у скряги сокрыто монет,
Сколько звезд сокрывает полуденный свет.

«Телу — сила в них, — часто твердил он присловье, —
Сила тела полезна душе для здоровья!»

И однажды привел ею жребий бродяжий
Промышлять возле берега куплей-продажей.

У реки он прельстился дешевой едой
И за жадность покаран был долей худой.

Он склонился, чтоб скверну отмыть, над водою,
А динары его повлекли за собою.

И упал прямо в реку проклятый меняла,
И динарами в воду его завлекало.

И в воде он барахтался, страхом объят,
И с надеждою ждал он, что бросят канат.

Но пока собирались спасти дурачину,
Все сильнее его увлекало в пучину.

Словно якорь, тонул он, поклажей нагружен, —
Видно, золоту место — у донных жемчужин!

О КАЛАНДАРЕ

Жил один каландар, неприкаянный, нищий,
День и ночь ему баш был единственной пище?

С виду — словно подвижник, а в думе сокрытой
Он мечтал о шкатулке своей ядовитой.

А накурится зелья — немели уста,
И усладой его были бред и мечта.

Как-то, много добыв той спасительной пищу,
Он тянул ее, сев на одном пепелище.

И, удобно устроившись в рухнувших плитах,
Он мечтой устремился в мир помыслов скрытых.

Он увидел себя в заповедном саду, —
Все, что нужно душе, там лежит на виду.

И жилище его — замок, гордый и властный,-
Сам Мани расписал его кистью прекрасной.

Сам сидит он на троне, подобно Джемшиду,
И красавица с ним, солнцу равная с виду.

Веселится властитель, могуч и велик,
И красавица нежит его каждый миг.

Этой выдумкой тешась, в мечтах беспечален,
Он лежал среди темных и мрачных развалин.

Вдруг в углу — скорпион, — он, ползя по развалам,
Ядовитым на дурня нацелился жалом.

Как хозяин, решил обойти он развал,
И во что ни попало он жало вонзал.

И когда того дурня красотка лобзала,
В его губы вонзил скорпион свое жало.

И вскочил пустодум со стенаньем и криком,
И метаться он стал в исступлении диком.

Все исчезло: и розы, п замок, и трон,
И красавица мигом пропала, как сон.

Все мечты его были и вздорны и грубы,
И смертельный укус поразил его губы.

Понял он, что во всем заблуждался глубоко,
Но ему от раскаянья не было прока.

ОБ АРАСТУ (АРИСТОТЕЛЕ) И ЕГО УЧЕНИКЕ

В том кругу, что собрал Арасту для ученья,
Был достойный мюрид, столп усердия и рвенья.

И великий наставник, премудростью светел,
Среди всех его честью особой отметил.

Оп внушил ему знанье сокрытых начал,
С малых лет оп его при себе обучал.

С ним четыреста мудрых — с одним не сравнятся,
Арасту лишь мудрей был, другим — не сравняться!

И лелеял учитель надежду и веру,
Что мюрид ею будет под стать Искандеру:

Если волею рока отбудет один.
Пусть другой остается при нем, словно сын.

Пусть, мол, разумом скор, он в речениях спорых
С Афлатуном самим потягается в спорах.

Но случилось с мюридом нежданное дело:
Сердцем юноши властно любовь завладела.

Из обители зла вышла дева-лупа,
Сребротелая, каменной злобой полна.

И на веру его она зло покусилась,
Посрамить мудреца, как назло, покусилась.

И страдал он от гнета неволи жестоко,
Его сердце терзалось от боли жестоко.

Загоревшись достичь единения с ней,
Он не внял ни речам, ни советам друзей.

И большими расходами, тратой великой,
Все ж добился союза он с той луноликой.

Поклонясь тому идолу в рвенье примерном,
Стал он идолов чтить в подражанье неверным.

И смотреть па нее день и ночь он привык,
И совсем позабыл он премудрости книг.

Увлеченный своей луноликой на диво,
Он ученым беседам внимал нерадиво.

И учитель все понял, подумав при этом:
«Дескать, дай помогу ему добрым советом».

Он советы давал, как умел и как мог,
Только этой беде не пошли они впрок.

Видит он — и науки, и разум пропали,
И труды многих лег будто разом пропали.

Как ни думал мудрец, видит — дело-то туго,
Не найти ему средства от злого недуга.

И тайком от мюрида учитель решил
Дать красавице яд чтоб лишить ее сил.

И слегла она, громко рыдая и плача,
Миг от мига слабея от горького плача.

Как пи бился тот юноша — не было прока,
И красавица в немощи чахла жестоко.

И бедняк разуверился в зельях совсем
И предстал пред учителем, в горести нем.

Головою печальною он преклонился
И, рассказом своим пристыжен, преклонился.

И учитель, узрев столь великое горе,
Порешил, что избавит больную от хвори.

И сказал он: «Ну вот, приготовься и — в путь,
Искандеру сегодня помощником будь».

Занемогшей я снадобье дам от недуга,
Только примет — и станет здорова подруга».

И влюбленный в дорогу отправился споро,

А учитель стал зелье творить от измора.

Он поносное сделал, что чистит сполна,
И несчастная выпила зелье до дна.

И промолвил он ближним — доверенной свите:
«Приготовьте сосуд и у двери сидите.

Не сливайте, — сказал он, — что будет здесь ныне
А храните, собравши в особом кувшине».

И, сказав это, вышел наставник благой,
И свершил свое дело целебный настой.

И когда очищенье свершилось стократно,
Возвратился учитель к порогу обратно.

И пи мощи, ни сил у больной не осталось,
Крови в теле — и капли одной не осталось.

Вместе с кровью и желчь, и мокрота, и гной —
Все исторглось из тела прекрасной больной.

И мюрид возвратился, исполнив послугу,
И мудрец ему молвил: «Взгляни на подругу».

В жажде видеть красавицу, входит он смело,
Глядь — простерто па ложе иссохшее тело.

Не узнал он: «А где же отрада моя?
Кипарис мой, тюльпан мой, услада моя?»

И, услышав степания, входит учитель,
Маг всеведущий, мудрый его наставитель.

«Где кувшин тот.—сказал он столпившейся свите,
Всю красу ее тут же безумцу явите!»

И ему принесли тот нечистый сосуд,
И узнал он про все происшедшее тут.

Был сосуд до краев грязной жижею полон,
И зловонною гадостью рыжею полон.

«Вот, возьми, это — то, что любимую звал ты,
Что красую, ни с чем не сравнимую, звал ты.

Это — то, что до страсти пленило тебя,
От чего и покинула сила тебя!»

Посрамлен был учителем пылкий влюбленный,
И учитель, узрев его вид сокрушенный,

Так сказал ему: «Сын мой, пришлось тебе туго,
Знай: не ей, а тебе я помог от недуга.

Ты влюблен был, причина же страсти — она,
И основа безумной напасти — она!

Та влюбленность, в которой погряз ты упрямо,
Перед высшей любовью — позорище срама!»

О БЕЗУМЦЕ И ЕГО ОСЛЕ

Некий странник, блаженный и верный причудам,
Признан был за Меджнуна господнего людом,

Ибо думы о боге смиренно любил он,

Думать думы те ночью и денно любил он.

Что ни слово — то к богу вопрос или зов.
Сам давал и ответ — из божественных слов.

Как-то раз по весне, в тихий вечер пригожий,
Ехал он, направляясь к обители божьей.

В изнурении плоти измученный телом,
Ехал он на осле, от невзгод ослабелом.

Тьма настала, и небо грозило дождем, —
«Что ж, — подумал он, — ехать нельзя, подождем!»

И, узрев очертанья развалин в пустыне,
Попросил: «Позаботься, господь, о скотине!»

И, оставив осла, он под сенью развалин
Прикорнул, набежавшей дремотою свален.

Он прилег, взяв под голову глиняный ком,
А осла он оставил пастись под дождем.

И едва он заснул, как весенняя туча
Зашумела дождем, и быстра и летуча.

И развалины липнем захлестывать стало,
И дремоту с безумного мигом согнало.

И, вскочив, он пристроился дождь переждать,
А едва дождь утих — он в дорогу опять.

Вышел он посмотреть, где пасется скотина,
Глядь — а на поле нет об осле и помина!

И запала в Медждуна лихая тревога,
И корить он во гневе стал господу бога:

«Лишь недавно тебе поручил я осла, —
Хороша ж твоя воля к раденью была!

Если люди бы в гости к тебе не стремились,
Па скотине пробиться пустынями сиясь,

Ты, наверно бы, не был таким нерадивым
И беспечным в своем небреженье ленивом!

Мне осла постеречь за позор ты сочел,
Темной ночью напрасным дозор ты сочел!»

Так ворчал тот Меджнун и метался в досаде,
Распаляясь осла запропавшего ради.

Вдруг ударила молния пламенным блеском
И весь мир просветила в сверкании резком.

Глядь — поодаль спокойно пасется осел, —
Мордой тыча в колючки, он по полю брел.

И чудак был так рад, что забыл всю тревогу,
Он осла оседлал и пустился в дорогу.

И оставил оп грубости, глядя с опаской,
И припал ко всевышнему с доброю лаской:

«О творец, ты — душа моя в плоти моей, —
Хочешь — сто моих душ, словно жертву, убей!

Так уж вышло, ты бросил осла без пригляда,
Упустил, не стреножив скотину, как надо.

И меня растравило в смятенье жестоком,
И с досады дал волю я гневным упрекам.

Раз тебе я вручил для присмотра осла,
Возвратить его — чья же забота была?

В нераденье своем мне осла не сберег ты,
Но, увидев мой гнев, сразу мне и помог ты.

Ты придумал, что сделать, — ударил в огниво,
И огонь запалил ты, светящий на диво.

И очам моим вмиг ты пропажу явил,
Милость мне — дай тебя, мол, уважу — явил.

И хотя я в своем непочтенье был правым,
Оказался ты другом с понятливым нравом.

Поступил ты по мудрому чину со мною,
И оставил опять ты скотину со мною.

У речей моих отнял ты силу и прыть,
За провинность меня ты сумел посрамить.

Я забыл все, что сделал ты, все, что случилось,
Ну и ты позабудь, окажи эту милость.

Все забыл я, не дружен я с памятью злою,
И тебе будет лучше забыть про былое.

Мне неведомы будут укор и упрек,

Да и ты бы язык свой от них уберег!

Все простил я, и в сердце — ни зла, ни корысти,
Ну и ты от обид свое сердце очисти!»

Так себя языком многословным хвалил он,
И творца в умиленье любовном хвалил он.

И хоть просьба глупца бестолкова была,
Но за верность внята с полуслова была.

О СЛЕПЦАХ И СЛОНЕ

Вот, послушайте эту достойную повесть.
Говорят, в Индустан, в дальний путь приготовясь.

Раз попали слепцы и брели меж раздолий, —
То ли странствуя шли, то ли пленной неволей.

А потом им судьбою негаданной тут
Были посланы кров и жилье и приют.

Кто-то раз их задумал спросить не в обиду —
Мол, слона вы видали, каков он по виду?

А слона-то, конечно, видать не пришлось им,
И проведать о нем тоже, знать не пришлось им.

Каждый — кто как сумел — его тронул слегка
И пытался понять, что задела рука.

Ноги трогавший вымолвил: «Будто бы брёвна».
Брюхо гладивший молвил: «Гора, безусловно!»

А один, только хобот и тронув, воскликнул:
«Узнаю я породу драконов!» — воскликнул.

Тот, что трогал клыки, сообщил невпопад:
«У него лишь две кости, они и торчат!»

Ну а трогавший хвост — что, мол, это за штука?
Крикнул: «Это змея, не иначе — гадюка!»

И поведал другой — тот, что голову щупал:
«Вроде как бы скала, а вершина — что купол!»

А слепой, что к ушам прикоснулся, сказал:
«Нету здесь ничего, кроме двух опахал!»

Все те речи внушала одна слепота им,
И хотя каждый возглас был правдой питаем,

В их речениях было погрешностей много,
И различий в сужденьях о внешности — много.

А индус, что спросил их, был саном высок,
Был слонов и слоновьих повадок знаток.

Он спокойно внимал их речам небывалым,
Все их речи прослушав, совсем не мешал им.

«Что ж, — подумал он, — так, и правы они вроде:
Все сказали они о слоновьей породе.

И хотя говорили они невпопад,
Даже спорили, — кто же из них виноват?

Каждый молвил, что внятно его разуменью,

А увидеть слона — недоступно их зренью.

А собрать эти свойства — и слон будет целым,
И познания их будут стоящим делом!»

Все для зрячего было понятно сполна,
И признал он, что суть их речений верна.

О ДВУХ ПЛУТОВКАХ

Жил властитель — владыка всесветной округи,
Сто владык ею трон окружали как слуги.

Власть его простиралась от грани до грани,
И от грани до грани страна — в его длани.

Жемчуг ценный таил он — прекрасную дочь, —
От красы ее гуриям было невмочь.

В цветнике красоты она — тополь прелестный,
Да не тополь, а сам кипарис расчудесный!

В почивальне души она — светоч горящий,
Да не светоч, а солнце в короне слепящей!

А глаза ее — словно бы око беды, —
Взор веков не видал столь жестокой беды.

Благовонные кудри и родинки — смута,
Да такая, что губит жестоко и люто!

А дыханье и губы, что ярче рубина, —
Словно солнце и воздух слились воедино.

Все владыки мечтали о счастьях с ней,
Даже шахи, что всех самодержцев сильней.

Но не выпало благо познать им ту милость,
Чтобы сердце свидания с нею добилось.

Ей самой и не мнилось связаться союзом, —
Вся душа ее брачным противилась узам.

Кто по собственной воле один-одинок,
Не нарушить его своевольный зарок!

Дни текли, и томиться ей втуне пришлось,
Подступиться к торгам никому не пришлось.

Как-то раз ей красавец явился в виденье,
Да такой, что не стало ни сил, ни терпенья.

Стать его — словно дух воплощенный чиста,
Будто солнце в зените — его красота.

Темен мускусный пух на румяных ланитах,
Словно точки в письме — зёрна родинок слитых.

Кипарису подобен он трепетным станом,
А краса его впору лишь розам румяным.

С этим солнцем сама она — дева-луна
Возлегает на ложе, истомой полна.

Каждый миг опьяняет их счастье свиданья,
И друг друга томят они страстью свиданья.

И, очнувшись, красавица очи открыла,

И исчезли из сердца и твердость и сила.

И росла в ней безумная страсть с этих пор,
И грозил ей уже посрамленья позор.

И она тот же сон всё увидеть желала,
Но в очах ее сна будто вовсе не стало.

Ни на миг она в сердце не знала покоя,
И ни ночью, ни днем ей не стало покоя.

Как-то раз она в муках всечасного зла
На дворцовую башню смятенно взошла.

Ей хотелось окрест посмотреть в утешенье,
Чтобы в сердце ее укреплюсь терпенье.

Ну а глянув, зашлась она в огненном крике, —
Видит: радостный пир во дворце у владыки.

Там и юноша дивный из вещего сна,
И, лишившись рассудка, упала она.

Был на пиршестве юноша тот несравненный —
Как смутительный день среди века вселенной.

И взглянул он на башню, и гибельным стрелам
Стрелам страсти душа его стала прицелом.

Его душу пронзил этих стрел ураган,
И оставил на теле он борозды ран.

И в державе души его смута вздымалась,
И для жизни угрозой люто вздымалась.

Мощь ушла от него, ум ему стал неведом,
Да и сам он за ними отправился следом.

И до вечера в горе и муках дожив,
Он лежал обессилен — ни мертв и ни жив.

Полог ночи простерся над ширью земною —
Разом тысячи стонов поднялись стеною.

До зари его стоны-стенанья терзали,
До утра его слезы-рыданья терзали.

И с поры, когда птицы вещали рассвет,
Грудь разил он до ночи камнями бед.

Две души поразила истома любовью,
Две страны из спаслись от разгрома любовью.

Дивный юноша, хоть и остался без сил он,
Но неправдой и правдой себя охранил он.

А краса лунолика в горе была —
От любви в истомлении хвори была.

Видит: руки слабеют в бессилии хвором,
И грозят ей любовные муки позором.

И когда без числа приключилось ей бедствий.
Видит — надо радеть о спасительном средстве.

Тайна стала не в тайну, и дева рекла:
«Быть по может, чтоб не было средства от зла!»

Двух подруг она знала — н в дружбе примерных,
И в печалях и радостях стойких п верных.

Обе в хитростях ловкой ухваткой известны,
В чудедействах веселой повадкой известны.

Так они наловчились в обмане лихом,
Что и муху сосватать могли со слоном:

Ведь не ведает муха, что выгядит малой,
Слон не знает своей толщины небывалой!

Были ведомы козни обеим плутовкам,
Как с любовью справляться в обмане проловком.

Та умела напевы извлечь из-под струп,
Эта пела, как ловкий в повадках певун.

Как звучанье их саза п пения грянет —
Дивный звук даже с неба Венеру заманит!

Та могла звуком саза взять душу умело,
Эта — пеньем могла возратить ее в тело.

Заиграют, бывало, застонут вдвоем —
Тут и муж разуменья простится с умом!

Страсть терзала ту деву с неведомой силой,
И она двух плутовок к себе пригласила.

И сказала она, п рыдая п плача,
Что случилась в любви у нее незадача, —

Как сначала во сне к ней томленье пришло,

А потом наяву помраченье пришло,

Как в томленье по юноше хилою стала,
Как рыданье грозить ей могилою стало.

И сказала она: «Вы дружны и согласны, —
Так не будьте к печали моей безучастны.

Ведь позорище сплетнею злой может стать,
От огня мое тело золой может стать.

От огня моего мне неволи не будет,
И от смерти самой даже боли не будет, —

Нестерпимо мое посрамленье от сплетен.
Был доньне мой нрав благочестьем приметен.

Скорбь о чести отца меня сводит с ума,
Даже молвить об этом — я речью нема.

Он ведь — шах, по величью — под стать небосводу,
Стыд и срам ему будет, невиданный сроду.

Сто подобных мне сгинет — вовек не заметят,
Ведь былинку в бурлении рек не заметят!

Шаха так осрамить — нету силы во мне,
Я от этого горя страдаю вдвойне.

Знайте: все я сказала, моля о защите,
Погубите меня или средство сыщите.

Своенравной была я, а стала смиренной.
Стал и тихим и кротким мой нрав дерзновенный,

Над моей неудачею сжальтесь, молю,
И рыдаю и плачу я, — сжальтесь, молю!»

Как дошли до подруг эти крики и зовы,
Говорят они: «Жизнь положить мы готовы.

Мы найдем тебе средство, чтоб юноша гожий
Стал в любви тебе верной опорой-надежей.

Ни один человек не узнает о том,
Даже сам он вовек не узнает о том.

День-другой потерпи, не рыдай и не сетуй,
Будет час — распростишься ты с мукою этой!

Ты, оставить все в тайне покоишь стремленье,
Ну и вами владеет такое ж стремленье.

И явилась надежда на счастье, и впредь
Луноликая слово дала по терпеть.

И плутовкам задуматься время настало,
И досталось забот и хлопот им немало.

И они подружились с прекрасным влюбленным
И узнали о сердце, любовью спаленном.

Их обман и коварство и льстивая речь,
Как добычу, беднягу сумели завлечь.

Словно мать и сестра, подольститься сумели
И сказали: «Тебе мы поможем в том деле.

И хоть ты о своем не поведал нам горе,
Мы-то знаем, откуда взялись эти хвори.

Пыл любви твое сердце жестоко потряс,
Вся надежда на счастье тебе — лишь от нас!»

И несчастный надеждой большою проникся,
И доверьем к плутовкам душою проникся.

Что ни скажут те сводни — добром ли, приказом —
Он с готовностью им подчиняется разом.

На обманных торгах караваны легки, —
Завлекли они дивную птицу в силки.

Лишь сказали: «В наш дом, мол, пойдем, — недалече»,
Вмиг несчастный за ними пошел, не переча.

Пышный пир был гам задан — не сделаешь краше,
Пленник страсти вина поотведал из чаши.

Как пошло там питье — за фиалом фиал,
Каждый притчи да выдумки сказывать стал, —

Об огне и о дыме любовных терзаний,
О вреде и о пользе разлук и свиданий.

Разных тайн да историй, что каждая знала,
Рассказали ему две подруги немало.

В их речах пил тот молодец влагу надежд, —
Безнадежный, вкушал он отвагу надежд.

От вина и от сказок лишившийся воли,

Стал несчастный любовью томиться все боле.

И уста ему враз немотою сковало, —
Что ни миг, он слабел, поникая устало.

И тогда и для песни настал свой черед,
Что и разум отнимет и разом проймет.

И бедняга совсем помрачился с похмелья,
Будто выпил он разум губящее зелье.

Словно темная ночь, стал несчастный безгласен
И совсем покорился рассказчицам басен.

И они дали делу лихой оборот,
И мгновенно носилки наладили в ход.

Будто в люльку его положили, и ловко —
На бегу им в пути помогала сноровка, —

Принесли — той луне в торжество и в блаженство,
Кипарису и розе устроив блаженство.

Всё к веселью готово там было сполна,
Сладкоустая дева ждала их одна.

И туда две подруги повадкой умелой
На носилках внесли кипарис сребротелый.

К луноликой на ложе сложили, как надо, —
Словно к солнцу луну привели для пригляда.

И восторг луноликой от радости рос,
И безмолвный опрыснут был влагою роз.

Бездыханный вздохнул, благовонье вбирая,
И, очнувшись, узрел он подобие рая.

И узрел он ту пери, что с гурией схожа, —
Ту, что жгла его сердце, печалью тревожа.

Он рванулся и сел и, испуган, смотрел —
С сотней тысяч смятений вокруг он смотрел.

Глядь — под ним преогромное пышное ложе,
Рядом — шахская дочь, красотою пригожа.

«О творец, — он сказал, — что за редкостный случай,
Это сон или явь или призрак летучий?»

Но смягчила та дева терзанья ему
И явила всю негу свиданья ему.

«То не сон! Похвалы вознеси, безрассудный,
Пей же влагу из чаши свидания чудной!»

И вкусила та пери вина из фиала,
И его розоцветным вином угощала,

И, совсем уж забывши смущенье свое,
Много раз подносила безумцу питье.

И вино пало в пламень смущенья водою,
И уж речь без смущенья пошла чередою.

И влюбленный, и дева и томно и страстно
Тут в обитель услад удалились согласно.

И такое единство настало тогда,
Что от двойственной сути не стало следа.

Все восторги, что знает желанье земное,
Обрели друг от друга единые двое.

И закон единенья их дерзостью правил, —
Говорить о нем — свыше приличий и правил!

Дева с юношей, страстью объятые, там
В упоении слились — устами к устам.

И найти для таких вот лобзаний сравненье —
Это было бы выше всех граней сравненья!

До утра они тешились негой усладной,
И обоим был сладок восторг безоглядный.

Тайны ночи раскрыл блеск рассвета, багров,
И на мускус земной лег камфарный покров.

Пировавших всю разобрало весельем,
Им совсем помутило сознание похмельем.

Тут и обе плутовки проникли за полог,
И неслись их стенанья из щелей и щелок.

Их набег отнял ум у влюбленных сполна,
И споили они молодца допьяна.

И свалился без чувств он, ослабший и хилый,
И рассудок расстался в нем с трезвою силой.

И подружки-плутовки, свершив это дело

На носилки взвалили безгласное тело.

И домой его тут же снесли поскорей —
Сокрушенного скорбью — в обитель скорбей.

Свежесть утра вернула несчастному разум,
И от пьяною сна пробудился он разом.

И очнулся, подумал несчастный, припомнил, —
Происшедшее памятью ясной припомнил.

Дым стенаний из горла исторг он, скорбя,
И камнями жестоко избил он себя.

Сам себя истерзал он в стыде непритворном,
И весь мир его взору представился черным.

Слезы-звезды метались в чаду его крика,
Смуту мук безысходных терпел горемыка.

Он вскричал: «О творец! Где спасенье найду я?
И кому же поведаю эту беду я?

А молчать — разве силы и воли мне хватит?
И таиться — терпенья доколе мне хватит?

Утаить ли беду мою или открыть,
Слово молвить, смолчать ли — не знаю, как быть!

А начну говорить — речь вести мне доколе? —
Не смогу рассказать я и тысячной доли!

Поклянусь затаиться — и слово нарушу:
Не под силу мне будет сдержать мою душу!»

Так в смятенье исторг он немало словес, —
Духа в теле не стало, и разум исчез.

Каждый миг ему смерть посылала смятенье, —
Всех, кто видел его, донимало смятенье.

Все хотели узнать, в чем же бедствий основа,
Но в ответ от него — о причине ни слова.

«Всё ведь ясно и так, не пытайте меня,
Я сгораю, не надо мне больше огня!

Мук моих никаким не опишешь рассказом,
Их бессилён понять человеческий разум.

О создатель, со мной ли случилось то счастье,
Мне ли было в блаженство и в милость то счастье?

Ну, а если б я волю дал праздным словам,
Кто ж поверит таким несуразным словам?

Вся душа от смятенья сгорела, — что делать?
И пылает в развалинах тело, — что делать?

В единенье свидания счастьем томимый,
Знал восторг я и радость слиянья с любимой.

А потом — боль разлуки, печаль, забытье —
Вот смятенье и трижды смятенье мое!

Нет границ изумленью пред этим, о боже, —
Никому не пошли в наказание того же!»

О НЕСЧАСТНОМ ВЛЮБЛЕННОМ

Жил безумец один, одержимый любовью,
Изнемогший от муки, даримой любовью.

Та, кого он любил, была сущей бедою —
Людям смертные муки несущей бедою.

Краше гурий красой неземною она,
Превзошла даже солнце с луною она.

Всей вселенной краса ее смутой грозила,
Всем пределам погибелью лютой грозила.

И при этой красе, несравнимо прелестной,
Были два ее свойства всем людям известны:

Отличалась безжалостным правом она,
Отличалась суждением здравым она.

Как-то раз сей безумец, любовью томимый,
Предаваясь мечтам, говорил о любимой.

Лик он с розой сравнил, кипарис — с ее станом,
Дивный облик — с павлином, походку — с фазаном.

Вдруг нежданно пришла эта дева-лупа,
Все те речи-безумца слыхала она.

Всё слыхала она, притаившись украдкой,
А потом к нему вышла степенно, с повадкой.

И сказала: «Твои незавидны сравненья,
Бесконечно такие мне стыдны сравненья.

Ты вот стан мой сейчас с кипарисом сравнил, —
Разве есть в кипарисе подвижность и пыл?

Ты лицо мое с розой сравнил в этом слове, —
Но у роз разве есть чудо-очи и брови?

И с павлином сравнил ты, солгать не преминув, —
Но скажи: кто же разум терял от павлинов?

Ты равняешь походку фазана с моей!
Да когда же фазан был бедой для людей?»

Столько колкостей дева сказала при этом,
Что несчастный поник, затруднившись ответом.

Он сказал: «Оплошал я, горю я во сраме:
Грешный раб, я хвалить тебя тщился словами!»

Гнев взыграл в луноликой в тот миг на беду:
«Да тебя я погибелью злой изведу!»

Пал на землю с мольбою безумец несчастный:
«О затмившая гурий красою прекрасной!

Все слова мои вызваны истой любовью,
Самым искренним чувством и чистой любовью.

В ней ни умысла злого, ни жалобы нет, —
Ничего, что укор выражало бы, нет!

Знать, моя похвала — неуместное слово,
Будь добра, не взыщи за провинность сурово.

Посчитай, что невеждою сказано слово, —
С темнотою моей жалкою связано слово!

Посрамленье и стыд горемыку убьют,
А тебе убивать его — бремя и труд!»

И безумец исторг покаяний немало,
И красotka карать его смертью не стала.

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «ВАЛ ИСКАНДЕРА»

ХОРАСАНЕ, ГЕРАТЕ, МАВЕРАННАХРЕ И САМАРКАНДЕ

Летописец событий великих и малых
Звучным слогом дастана вот так описал их.

О надежном зимовье раздумывал шах
И пристанищем войску избрал Карабах.

Покорить себе мир устремленьем влеком,
Был он занят делами и ночью и днем.

Он мужей разуменья сзывал для бесед:
Сам премудрый, собирал мудрецов на совет.

В безустанном труде, в помышленьи высоком
Он провидел грядущее мысленным оком...

Час урочный был назван ему небосводом,
И, зимовье покинув, он вышел походом.

Исфаганскими землями он овладел,
А оттуда пошел в Хорасанский предел.

Стала в землях Ирана сильна его власть —
Им во прахе пред ним суждено было пасть.

В Хорасанском приволье обрел он отраду,
Дол даров благодатных предстал его взгляду.

Беспредельна просторов его широта,
Все другие пределы — ему не чета...

Рождены родниками, там реки взбурлили,
Чтоб зеркало души очищалось от пыли.

Там четыре реки широки, словно море, —
Их журчанье звенит и в небесном просторе.

С райским садом сроднились те земли навеки:
Им даровано благо поить его реки...

Влага рек этих — словно живая вода:
Лишь отведай — от смерти спасен навсегда.

Вдоль потоков там — розы, зеленые кущи, —
Все они — ровня Хызру, все — вечноживущи.

Как небесная высь — тех земель ширина
И прохлада там райскою негой полна...

И, узрев Хорасан, что предстал его взорам,
И четыре реки с их привольным простором,

Шах промолвил: «Земля эта — райский цветник!»
И блаженный восторг в его душу проник.

И хвалил без конца этих рек благодать он.
И меж них райский город велел основать он.

И, спросив мудрецов, как назвать город-сад,
Он одобрил одно лишь названье — «Герат».

Звучный строй в этом имени был им замечен,
И велел новый город Гератом наречь он.

С Искандеровых дней он зовется «Герат»,

Ну а те, что попроще, — «Гери» говорят...

Ширь четвертого пояса — земли Герата,
И звезда его — солнца горящее золото.

Семь планет различают в небесных высотах,
Знают семь поясов и в наземных широтах.

Над планетами солнце сияет багряно,
Всех земель несравненной — земля Хорасана.

Хорасану Герат — как душа в его теле, —
Быть основою телу дано не душе ли?..

Но манили пути его снова в походы, —
Одолел он Джейхуна бурлящие воды.

Там страна — краше рая, куда ни взгляни:
И прохлада и воды там раю сродни.

Земли славятся райскими кущами тут,
И страну эту Мавераннахром зовут.

Та страна пролегла между водами рек,
Сто ягачей — широких раздолий разбег.

Ограничен Сейхуном простор па восток,
Ну а западный край — по Джейхуну пролег.

Две реки назовешь, а не кончен рассказ:
Их пятнадцать там, каждая — словно Арас.

И при каждой — притоков-ручьев череда,
Тут и там вдоль по рекам цветут города.

И меж рек есть река по прозванию «Кухак», —
С ней и райским рекам но сравниться никак...

И когда Искандер этот край увидал,
Сад Ирэма узрел он и рай увидал.

Видел реку Кухак он и вспомнил о Ниле, —
Что там Нил! Вспомнил он о самом Сельсебиле!..

И призвал он к себе мудрецов для бесед,
Чтобы место для града избрал их совет.

Есть вершина Кухак в той чудесной стране —
Словно перл-талиман во вселенской казне

Камни там жемчугам и рубинам под стать,
Зелень рощ там небесным глубинам под стать.

Под горою река протекает в долине, —
То же имя дано ей по этой причине.

И омыта вершина той влагой живой, —
Словно плачет влюбленный, склонясь головой.

Основал гам он город, и взнесшихся стен
Не коснутся вовек ни забвенье, ни тлен.

Искандер Самаркандом тот город нарек,
Красотой, словно рай, он возвышен и строг.

И когда завершил он сей славный почин,
Он к Кашмиру пошел — в край индийских долин.

О ПРАВИТЕЛЯХ

Кто желает быть шахом, тому надо знать,
Как разумно, заботливо пестовать рать.

Точно ведать он должен, что воинам надо,
И какая кому подобает награда.

За великое дело — почет и хвала,
А за малое дело и слава мала.

А о тех, кто но храбрости — среднего чина,
Есть присловье, что «лучше всего — середина»...

Говорят, люди все — близнецы, ну а всё ж
Этот — славен и смел, а другой — нехорош»...

Воск свечи и сосулька по таянью схожи,
Но прохладе с гореньем равняться негоже.

Если сахар раскрошен, он — словно бы соль,
Только сахар и соль различать соизволь!

Гумаюн гложет падаль — таков уж обычай,
Но не счесть от ворон его славных отличий.

Шаху следует умным и знающим быть —
Светом знания, всё освещающим быть,

Чтобы медную вещь не признать золотою,
А светило небесное — сковородою!

А тому, кто от мудрых деяний далек,
Лучше знанья до срока прикапливать впрок.

Ну а если правителю в помощь даны
Мудрецы, что и гордость и слава страны,

Должен он содержать их в достатке и в холе,
Чтобы тернии бедствий их честь не кололи.

Не одних только избранных нужно ласкать, —
Все должны быть довольны — простые и знать.

Если подданным плохо, и всё их тревожит,
Против вражеской силы и ум не поможет!

Как обрушить на недруга кару и месть,
Если недругов в собственном стане не счесть!

Не венчать тому шаху победою брани,
Чей народ ищет правды во вражеском стане.

Хоть и долгие годы послушен народ,
А когда-нибудь час искупленья придет!..

Жил-был шах, чью премудрость опишешь едва ли, —
«Кураган» ему прозвище звучное дали.

Хорасаном и Мавераннахром владел он
И забрал под правленье великий удел он.

Власть его от Хорезма была до Кермана,
От Кашгара он властвовал до Исфагана.

Цвел весенними кущами Забулистан,
Стал садами цветущими Кабулистан.

Даровал свою власть он бескрайним пределам,
Был властителем он и премудрым и смелым.

Но однажды взлелеял он умысел — впредь
Всеми странами мира земного владеть.

Видно, мудрым советам не внял его разум,
Как на Рум и Тебриз двинул войско он разом.

Провиденье радело немало ему,
Но один недостаток послало ему.

Он казну умножать одержим был расчетом,
А народ обижал притеснением и гнетом.

И богатству душа его рада была,
А в народе и войске досада росла.

И когда он в те страны повел свою рать,
Для отпора и там стали войско собирать.

Опасаясь ущерба обширным владеньям,
Враг решил смело действовать встречным вторженьем.

И затеялись битвы — страшнее их нет,
И сражения шли много зим, много лет.

И в войсках, возмущенных лихим произволом,
Когда время настало лишеньям тяжелым,

Суматоха броженья повсюду пошла, —
Одолело их бремя нежданного зла.

Стали воины прочь разбегаться по многу

И бежали во вражеский стан на подмогу.

И всесветный властитель от этих измен
Претерпел унижение и вражеский плен.

И несчастному небо немилость явило —
Закатилось светившее с неба светило.

И жестокою кару судил ему враг:
Обагрился рубиновой кровью тесак.

И владыке, чья воля народ угнетала,
В покаянии пользы не будет нимало.

Если шах войску чужд п от войска далек,
Разве будет от воли властителя прок?

Роза сорвана — сохнет она омертвело,
Сердце — мертвое, если изъято из тела.

Шаху — с войском в единстве величье дано,
Войску — с шахом всегда нужно быть заодно.

Словно двое влюблённых, чьи думы едины,
Жить в согласье с народом должны властелины.

Овладеть целым миром — задача трудна,
Но согласным усильям подвластна она!

О НАПИСАНИИ «ПЯТЕРИЦЫ»

Даровала судьба мне и рвенье п пыл —
«Пятерицу» слагать я перо очинил.

И огонь вдохновенья мне сердце зажег,
Чтобы сердце светилось пыланием строк.

Приступил я к тому, что задумал давно,
И желанному было свершиться дано.

Вел пером на бумаге узоры я строк,
И с диковин немало завес я совлек.

И мой умысел — тог, что был страхом чреват,
При писании стал мне доступней стократ.

И премного я перлов рассыпал окрест —
Не осталось нигде незасыпанных мест!

И таился в чернильнице перлов тайник, —
Не тайник, а вместивший все недра рудник!

И не сохла чернилами мокшая нить,
И едва успевал я кристаллы дробить.

И когда на кристаллы я воду струил,
Зёрна жемчуга зрели заместо чернил.

Да не струи воды — там бурлил океан,
И на глади чернил закипал ураган!

Целый мир был в чернильнице той, почитай, —
С поднебесье он был высотой, почитай!

Если шири небесной и нет у него,
Миром мыслей сияющий свет — у него!..

Дал я в помощь «Смятенью» сердечное рваньё,

И людей всех пределов поверг я в смятенье.

И когда моя дума «Фархаду» внимала,
Прорубил я ущелий в утесах немало.

И когда я к «Меджнуну» направил раздумья,
Многих доблестных вверг я в пучину безумья.

«Семь планет» стал слагать я, и в самом начале
Семь небес меня славой высокой венчали.

Пламя огненных слов моих встало стеною —
И «Стена Искандера» построена мною...

Но сомненья в душе моей были жестоки:
Уж не слишком ли скоры свершения сроки?

Мудрецы, что слагали сказанья про это,
Посвящали трудам своим долгие лета.

Низами, муж безмерно великих познаний,
Был искусностью выше всех мыслимых граней...

Тайниками бесценных сокровищ владел он,
Превзошел разуменьем доступный предел он!

И когда он отшельником в давние годы
Претерпел и лишенья и злые невзгоды,

И открыл пять сокровищ ключом постиженья,
Сколько лет он еще посвятил им терпенья!..

А урок, данный тюрком индусским — Хосровом,
Кто над всею вселенною властвовал словом!

Всё ему покорялось — твердыни и грады,
Всё, что сказывал он, было слаще услады,

Сколько лет посвятил он сказаньям и сказам,
Сколь изысканным был его пламенный разум!

Сколько лет он трудился—ни смерить, ни взвесить:
Ну не тридцать, а все же не меньше, чем десять...

И тебе сколько разных напастей досталось,
И неведомых людям несчастий досталось!

Ты над словом корпел от зари до заката,
Каждый миг было сердце печалью объято,

Ты не ведал покоя от склок и раздоров,
От пустых пересудов, от сплетен и споров,

И хоть было твое испытанье сурово,
Как-никак, а два года ты сказывал слово!

И перо твою повесть свершеньем венчало,
И довел до конца ты благое начало...

Вот, готовы стихи, а писались со спехом,
Да по-тюркски, — п как же не быть тут огрехам

Как ты ни был усерден, а промахи есть,
И в слогах твоей речи запинок не счесть.

А напишешь — всё, будто бы, ладно, толково, —
Не осудишь свое, сердцу близкое слово!

Смотришь, стих — с перебоем, не плавно течет,
Ну а слово свое — и ошибки не в счет.

Слово — будто дитя, ненаглядное чадо,
Ну а милое чадо — для сердца отрада.

Как бы ни был детеныш уродлив и хил,
А душе человека он дорог и мил.

Пусть сычонок и страшен — сычу всё едино:
Для него он прекрасней любого павлина!..

По тебе, твои речи достойны хвалы,
А другим, может статья, они не милы.

Что ж, решил я, пойду к моему пестуну я, —
Как оценит он труд мой, подумал, — взгляну я...

Преисполненный дум п тревог, я пошел,
И сомнений терпеть уж не мог я — пошел.

И пришел я к тому, кто во всем мне — отрада, —
Поминать лишний раз его имя не надо.

И с мольбою к его я порогу припал —
К осененному тайной чертогу припал.

И достал «Пятерицу» я с сердцем смятенным,
И меня допустил он к послугам смиренным...

И смотрел он, лишь бегло листая листы,
Или все друг за другом читая листы.

И порой задавал он вопросы при этом,

И почтительно всё разъяснял я ответом.

И — хвалил ли он, был ли пристрастен и строг,
Я и доли обиды в душе не берег.

Его каждому слову душа была рада,
От него и хвалы и укоры — отрада.

В путях слов застревал он — моя же беда:
Очи долу склонял я, горя от стыда.

А порой, словно сад, просветлялся он ликом,
Одобрив меня в милосердье великом.

Даже небу во благо его похвала:
Хмурый полог уходит, высь неба светла!..

Кладезь помыслов, данный в отраду тебе,
Даровал сам создатель в награду тебе.

И любой, у кого пронизательно око,
Сам увидит, что два в этом деле истока.

Первый — тот, что ты шел со смиренной мольбой:
Сень властителей тайны была над тобой.

Ты усердно и пылко свершал свое дело,
И от них тебе добрая помощь приспела.

И еще: если труд завершается в срок,
Значит — твой покровитель успеху помог...

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «СМЯТЕНИЕ ПРАВОВЕДНЫХ»

О ВЗЫСКУЮЩЕМ ЗНАНИЙ

Доколе миру гнет вражды привычен,
Унижен умный, глупый возвеличен.

Покуда мир потопом гнета залит,
Плодовые деревья буря валит.

Где дурь в чести, ученым нет пощады:
Каменья — на горе, да в недрах — клады...

И горемыка, тянущийся к знаньям,
Уходит прочь, гонимый вдаль изгнаньем.

Бредет он, грусти полон и оборван,
Он весь в заплатах — гол он и оборван.

К его ступням цепляются колючки,
К колючкам — прилепляются колючки.

Его чалмы смешнее нет на свете,
И вся одежда — в дырах, словно сети.

В те сети птицу счастья не заманишь:
Ведь зёрна слез привадой класть не станешь!

Вся его ноша — книги да тетрадки,
Мечты о знаньях — все его достатки.

В высь знаний птицей взмыть — его забота
Листки под мышкой — крылья для полета!

И, мучимый нуждою безысходной,
О пище тщетно думает голодный.

Как сломанный тростник, он высох телом,
Тоска мольбы — на лице почернелом.

И малым сыт, бредет он еле-еле,
Влеком мечтой достичь желанной цели.

Людей не счесть, а нет ему собрата,
Под отчий кров бедняге нет возврата.

Вот — улицы, тепло жилья людского,
Но нет скитальцу ни тепла, ни кровя.

Огонь чужбины сердце жжет жестоко,
Душа страдальца горько одинока.

До вечера томится он без пищи,
А ночью — у стены его жилище.

И не согреться — холод всё жесточе,
Он до рассвета не смыкает очи.

А утром — к медресе его дорога:
То там, то здесь погреемся немного.

Расскажет, как судьба его сурова, —
Ему в ответ — насмешки, злое слово...

Днем и покоя нет ему и неги,
А ночью — и не думай о ночлеге!

Жить па чужбине — нет и доли хуже, —

Беда из бед, лихой неволи хуже!

Сказать про всё — увы, немеет слово,
Перу вовек не описать такого.

Живет он в муках — в лютом горе маясь,
Пятнадцать-десять лет от хвори маясь.

Ему и медресе — приют страданья,
С утра до ночи душу жгут страданья...

Но тайны всех письмен ему доступны,
Науки все его уму доступны...

И странно, что невежды и громилы,
Чьи вид и суть и мерзки и постылы,

Кто всех губить завел себе обычай,
Кто каждый волос мнит своей добычей,

Кто, всем нутром зловонный чад взвивая,
Лишь с виду — словно искра огневая,

Кто хуже пса своей природой гнойной,
Пред кем и пес — что человек достойный, —

Не странно ли, что с этой сутью гнусной,
И в подлостях и в низостях искусной, —

Велением небес они не тужат —
И войско им, и подданные служат...

Вот так — о див высоким славен рвеньем,
Другой привычен к подлым преступлениям,

И диво: первый пользуется славой,
Другой — унижен волею неправой,

Один живет властителем-эмиром,
Другой — рабом, униженным и сирым.

И тот, кто служит правдою и верой, —
С него ж берут и подать жесткой мерой!

И тот, кто сердцем ангелу подобен,
Унижен тем, кто, словно дьявол, злобен!..

Кто знанья постигает ради власти,
Себе и всем песет одни напасти.

Кто сам учен да злы его деянья,
Его «ученость» — верный знак незнанья!

ИЗ ПИСЬМА САИД-ХАСАНУ АРДАШЕРУ

...Ты верен, щедр, и дар тебе высокий дан:
Ты — кладезь добрых свойств, мой друг Саид-Хасан.

Красой ты райский сад намного превзошел:
Померкнет перед ней п райской пальмы ствол.

В чертоге добрых дел тобой воздвигнут трон,
От суеты мирской ты духом отрешен.

На свете хоть один сравнится ли с тобой?
Излить печаль души к тебе идут гурьбой.

Я рад: твоей любви я благодать постиг,
Я — любящий твой сын и верный ученик.

Но мне послал беду неотвратимый рок:
Гнела меня печаль, терзала боль тревог.

И стал в родном краю нелегок мой удел, —
Из сердца горечь мук изгнать я захотел.

И выпал жребий мне идти в далекий путь, —
Велений злой судьбы не суждено минуть.

И если повелит тебе всеильный рок
Сюда назад идти с твоих путей-дорог,

И если ты в края родных округ придешь —
Испить веселый хмель на вешний луг придешь,

И чистое вино держа в руке своей,
Захочешь повидать собратьев и друзей,

То, даровав друзьям хмель радостного дня, —
Я знаю, — вспомнишь ты, конечно, и меня.

И ты, про мой уход, про мой отъезд узнав, —
Про то, что я вдали от этих мест, узнав,

И, не найдя меня среди своих друзей,
Печаль по мне храпя среди своих друзей,

Промолвишь: «Горький путь скитальцу в даль лежит,
Как видно, им глоток вина разлук испит!

Какую долю дал ему злосчастный рок,
Что в даях чуждых стран бродить его обрек?

Какая грусть-печаль на ум ему взбрела.
Зачем чужбина-даль на ум ему взбрела?»

Неведома друзьям печаль моих невзгод,
И каждый скажет то, что в голову взбредет.

И, чтобы ты узнал, что случилось тут со мной,
Послать тебе письмо за долг почел я свой —

Тебе моей души кручину объяснить,
Ухода моего причину объяснить,

Со мной случилось тут немало бед и зол,
И потому теперь я в странствия ушел.

Во-первых, славный дар — дар слова: человек
От грубого скота им отличён навек.

Душевным тайником хранимы перлы слов,
И в цветнике людском дорожке нет плодов!

Слова — душа небес, мир — речью напоён:
Она живой водой течет во тьме времен...

При сотворенье дан словам высокий знак,
А среди слов стихи — прекрасней прочих благ.

Прекрасен и красив жемчужин ровный ряд,
Но четкий строй стихов прекрасней во сто крат!

И речь, в которой нет ни лжи, ни слов плохих,
Искусный мастер слов оденет в ладный стих.

Меж тюрков я возвращен, их рода скромный сын,
На тюркском языке стихам я дал почин.

По дару равных мне не знали времена,
И сила Низами моим стихам дана:

Каких бы слов в стихе я, бедный, ни изрек,
Жемчужной красотой в них блещет каждый слог.

Дана всевышним мощь мне редкая в удел,
Но проявить мой дар мне рок не порадел.

Был дар Фирдоуси и мощен и высок:
С самим Рустамом он тягаться силой мог,

Когда на «Шах-наме» он был благословлен,
Бессчетных перьев строй был сломлен-посрамлен.

Его высокий труд вовек необорим,

И до сих пор никто не мог тягаться с ним.

Сам о себе сказал сей муж — рудник даров:
«Тридцатилетний труд был тяжек и суров».

А если б я писать такой же труд решил,
Даровано творцом и мне немало сил.

И если речь вести без гнета тяжких бед,
Мне хватит тридцать лун — не три десятка лет.

Когда я вдохновлен, и речь моя быстра,
Сто бейтов каждый день мне дарит бег пера.

Не «Шах-наме» б создать, а «Пятерицу» мне, —
О, только б до нее добраться пятерне!

И дать труду почин надежду я храню —
Вложить уменьем рук всю силу в пятерню!

Пусть Низами сказал о трех десятках лет, —
В два года или три свершу я мой обет!

Когда закончу труд — устройю торжество,
Чтоб людям — на их суд — явить красу его.

Пусть будет там сто лиц — спою: моя душа
Готова петь и двум, двуличьем не греша!

Что - сто, что — двести лиц, — разбег калама спор
С Меркурием самим затеять может спор.

Пока он на пути свершит свой оборот,
Краса моих стихов затмит небесный свод!

А был бы кто-нибудь, мне равный в пользе дел,
Кто, кроме бед, иным достатком не владел,

И был бы дан ему приют горою Каф,
И птицей Анко был воспитан его нрав,

И был бы его дом моей душе сродни,
Где средь обломков стен — страдания одни,

И он бы на пирах всей кровью сердца пел —
Печальный вел напев про горький свой удел...

И если б был такой, о ком бы шла молва,
Что участь его дней, как и моя, крива, —

То как бы он себя скитаться не обрек,
И как бы упасть он от чужбины смог?

И что еще познал я в Хорасане тут —
Обету добрых дел не вери здешний люд.

Где люди верность чтут и сердцем ей верны,
Им щедрость с добротой в попутчики даны.

И если этих свойств — трех этих качеств нет,
Заступят место их пороки трех примет.

Глядишь — в раздоре злом дух верности иссяк,
И в щедрый прежде дом вошла корысть сутяг.

И гибнет доброта от зависти дурной,
И — правит «добрый» люд «прекрасною» страной!

О людях и стране подробно я скажу,
И что в них — не но мне, — подробно я скажу,

Что за страна, где зло и дикий нрав царят,
Где не цветущий рай, а дышит смрадом ад!..

Сокровища дворцов разграблены сполна,
Страна разорена, расхищена казна...

Где человечность? К ней затерян даже след:
Сплошное зло вокруг, иного — нет как нет.

И что за люди! Им шайтан и див под стать:
Привычно им хитрить и слабых угнетать.

Вкус пищи позабыт, и все едят давно
Небывшей стороны невзросшее зерно!

За жалкий грош убьют — всех губит жадный зуд,
И даже с мертвеца хоть саван — да сорвут!..

А мученик-бедняк, сражен бедой, умрет —
Убийце воздадут за это зло почет.

Набегом вихря бед сметен гератский люд:
От самаркандских стен взвихрился ветер, лют.

Народу здешних мест — от тех краев беда:
Набеги, грабежи — и не сочтешь вреда!

Мне здесь среди людей и друга даже нет,
С кем мог бы сесть вдвоем — развеять горечь бед.

И шаха не найти, что делом бы помог,

Кому б хвалу воздал я звучным строем строк.

И не сыскать людей, чей нрав не зол, не крут,
Чтоб горемыка мог найти у них приют.

Нет пропитанья мне, ни в чем достатка нет,
Покоя не найти, и жить — не сладко, нет!

И крова не сыскать, и счастья не г душе,
Чтоб хоть единый миг не ведать бед душе!

И нет ь любви удач — подруги не найти,
Что упасла б меня от скорбного пути.

Нет друга, кто со мной делил бы зло невзгод,
Кого бы огорчил мой нынешний уход...

Лишь ты один всегда мне верным другом был —
Подмогою ты всем моим недугам был.

Но и тебя настиг своим коварством рок:
Ты по его вине теперь, увы, далек.

Тому, чей рок — влачить столь горестный удел,
Осталось лишь одно — уйти в иной предел...

И третье. Бог-творец велик и всемогущ,
Он — вечности венец и вечно вездесущ.

На свитке бытия он волю начертал —
Два мира создал он, основу двух начал...

С единой целью им был создан человек —
Чтоб таинство творца хранил в душе вовек,

Дан человеку дар — вершиной быть всему,
И суть всею познать назначено ему...

И вот уразуметь я так суть дела смог:
Движенью этих дум двоякий дан исток.

Один исток таков, что господом дано
Для чистоты сердец священных благ вино —

Чтоб, к истине стремясь, искать стези такой,
Где будешь отрешен от суеты мирской,

И чтоб на той стезе постигнуть цель ее —
Во всем забыть себя — себя и всё «свое».

И в сути бытия предел высокий есть:
Постигнув суть творца, небытие обрести...

Другой исток таков: властитель ли, бедняк —
Лишь на благом пути нетленных вкусят благ.

Наставника найдя, — так было искони, —
Себя препоручить ему должны они.

Им праведный дано пред ним свершать обет —
И шагу не ступить, не чтя его завет...

Но эта страсть, увы, недуг судила мне:
Дала немало мук сей страсти сила мне.

А мог ли кто-нибудь покой найти от мук,
Кто помыслом таким повергнут был в недуг?

Пока я мог идти, я устремлял свой шаг,
Мечтая обрести дары заветных благ.

О, пусть на том пути погибель суждена:
На праведной стезе — во благо и она!

Когда б моим мечтам послал свершенье рок,
Я к счастью вечных благ причастным стать бы смог..,

А не свершу мечты, желанной для меня,
И сгину я навек, лишь мысль о ней храня, —

Паду к твоим стопам я с робкою мольбой, —
Чтоб твой смиренный раб помянут был тобой!

Пусть помощь мне подаст твоих радений рать:
Позволь своей мольбе мой зов в себя вобрать!

И зов мой — та мольба, что бедный раб берег,
Чтоб господа узреть меня сподобил рок!

ТУЮГИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ, РАНЕЕ ПРИПИСЫВАВШИЕСЯ НАВОИ

* * *

Никто таких, как у тебя, впек не имел очей,
Мир без тебя исполнен слез, обид и мелочей.
Жестокая, когда в тоске я выплакал глаза,
Любимый образ пред собою ты имела — чей?

* * *

«Не открывай свое чело!» — я возглас оброну,
Здесь сердце пылкое мое разбилося о броню.
И если дерзостной рукой коснутся до тебя,
Скажи: «Не тронь, я не хвалю за дерзость, а браню!»

* * *

Не знаю, с чем смогу сравнить бровей твоих излом!
Разлука... В стоне задохнусь отчаянном и злом.
Любви безумца избегай: его стенаний звук
Для сердца станет твоего страданием и злом.

* * *

Явись из сказки и мечту собою воплоти, —
На быстром сказочном коне, как пери во плоти.
Пусть все боятся стрел твоих, ты мне их посылай —
За каждый стоп моей души ты градом стрел плати!

* * *

Я слышал, кудри, скрыв твой лик, уж до плеча достали, —

Так ночи мне затмили день и мукой ада стали.
Ах, если сердца жаркий пыл ты даришь лишь за муки,
То сколько лет еще мне ждать в мученьях — не до ста ли?

* * *

Когда ты яблоко дала, вся кровь во мне опала:
Ты сердце тоже даришь мне иль ждет меня опала?
«Что означает, — я спросил, — цвет яблока — надежду?»
— «Не спрашивай, — сказала ты, — обманчив цвет опала!»

* * *

Соперник мой как пес хитер, нельзя его провесть.
Придет ли от любимой весть — пронюхает про весть.
Ах, если есть хоть часть души в твоей собачьей шкуре,
Прошу тебя своей тропой к ней и меня провесть!

* * *

Пусть чернота твоих очей во мне безумство будит!
И сердце пред твоей красотой поверженным да будет!
И если ты свою красу разделишь всем на части,
Пусть сердце бедное мое часть и себе добудет!

ХУСАЙНИ

ГАЗЕЛИ

* * *

Ах, как рыдает сердце, томясь в обломках тела,—
Совой среди развалин кричит осиротело!

То — в створках уст-рубинов блестят, как жемчуг, зубки
Или роса на розе, как перлы, заблестела?

И в сонме дивных пери тебя любой отметит:
«То — пери среди смертных!» — сказать он может смело.

О, сколько слез я пролил — кровавых слез разлуки:
Едва открою очи — и кровью все зардело!

Поток, клубясь, стремится, иль это мне — виденье?
Вскипают слезы пеной, и все от пены бело.

Не требуй, чтоб я вырвал твою стрелу из сердца,—
Ее в груди таил я, а грудь дотла сгорела!

В мечтах твои мне брови видны одной чертою,—
Один я жертвой буду двум лукам для прицела.

Повсюду — топь разлуки, о, кинь аркан свиданья:
Увы, предел мой близок, а море — без предела!

Спасать меня от страсти пришел любви наставник —
О Хусайни, в том жаре и он, и все истлело.

* * *

Я повсюду бродил, заплутавшее сердце искал —
Где безумное скрылось — в морях ли, в пустынях, у скал?

И нашел я его, сокрушенное сотнями мук,—
Кос любимой темней, его горестный мрак окружал.

И сказало мне сердце: «От горя я плачу навзрыд,
Захлестнул семь небес моих мук огнестонущий вал!»

Прочь в тоске побрели и Вамык, и Фархад, и Меджнун,—
Не снесли они мук моих: пламенный стон их сжигал,

И не смог я стерпеть, чтобы сердце скиталось вдали,
Умолил и зазвал его тысячью уст-зазывал.

И разверз себе грудь я и сердце на место вложил,
Чтобы горестный пламень разлуки его не терзал.

И налило мне сердце свиданья настой, Хусайни,
И утешил его я, глотком осушив тот фиал!

* * *

Когда умру я, как Меджнун, печалью по тебе убит,
Пусть на могилу мне Фархад из горных скал натешет плит.

И станет непроглядной тьма для всех страдающих в любви,
Когда сгорю и пепел мой тобой на небо будет взвит.

Во имя той, кого люблю, вина, о виночерпий, дай:
Да будет вечен ее век без мук, страданий и обид.

Истомной негою полна, ты чуждо стороной идешь —

Взгляни: я на твоём пути, поверженный, кричу навзрыд!

Зачем же, как собаку, гнать меня от дома своего?
Пусть лучше бросит меня псам и в клочья растерзать велит.

О желто-красной розы цвет! О нём тоскуя, умер я —
Лишь кровью слез да бледнотой я выдам свой позор и стыд.

Не верь, что сердце Хусайни — во прахе у твоих дверей,
Оно — в плену твоих очей, твой взор его в себе хранит.

* * *

В мой мрак от молнии разлук метнулся, будто в стог, огонь,
В обитель мук моих запал и вмиг её зажег огонь.

Любовь ли мне затмила свет или вокруг бушует дым?
О нет, то — в страждущую плоть влил ад моих тревог огонь.

То — искры огненной любви сожгли все сердце мне дотла,
Или от жарких стонов мук все тело обволокло огонь?

Как много в этом мире душ людскою злобой сожжено!
Любимой любо жечь меня: увы, и в ней жесток огонь.

Не хмель ли пламя страсти дал твоим рубиновым устам,
А может быть, от искр вина всю душу мне обжег огонь?

Я ей сказал: «Стрелу метнешь — сто молний в кряжах мук
моих», —

Она в ответ: «Сам небосвод для стрел моих берег огонь!»

Не надо Хусайни корить за жаркий стон его души, —
Моим стенаниям любовь дала на вечный срок огонь!

* * *

Чем строже запретят любить, тем больше страсть пылает жаром,
И тучи искр исторгнет вздох — они летят в порыве яром.

Мою измученную плоть огонь любви испепеляет —
Увы, былинке не спастись, когда весь мир объят пожаром.

Да распадется на куски от мук измены мое тело,
Мечом разлуки изрубил — покорен я жестоким карам.

Темнее ночи цвет кудрей — их тьма темней ночного неба,
Сквозь сито неба мрак измен рассыпал мускус свой не даром!

Твой стан — оживший кипарис, пройдешь — и Судный день
настанет,
Не вздумай смутой мир томить, дав волю лучезарным чарам.

Без милой, виночерпий, жить душа и тело не желают —
Ты яд разлук мне в душу влей, отравным напои отваром.

Для любящих, о Хусайни, порог любимой — чудо рая,
Рай — дар святошам, а тебе — порог тот будет лучшим даром.

* * *

Исчез мой розовый бутон, боль от шипов в груди осталась,
В отцветшей навсегда душе — не вешний цвет, а тлен и вялость.

Ни кипарисам, ни цветам, увы, не радуется сердце:
Как быть, когда в мирском саду ему та роза не попалась?

Свиданья чашу осушив, цветеньем распускалось сердце.

Сто тысяч мук! Вина уж нет, а есть похмельная усталость.

Когда видалось сердце с ней, оно веселью радо было,
А ныне в сердце плач и стон, оно в печалях изрыдалось.

В дни наших нег я был готов пасть жертвой за тебя всечасно,—
Где ж ты, души моей покой, что ж ты ушла, забыв про жалость?

А без любимой, Хусайни, как будешь жить ты в этом мире?
С другими в степь небытия брести тебе судьба досталась.

* * *

Уста-рубины чуть видны, под кладью кос спина сокрыта,
Утаена от всех душа, и нить души сполна сокрыта.

Не спрашивай: «Что от меня в глубинах сердца затаил ты?»
Там — как монеты, пятна ран, там целая казна сокрыта!

Я сердце горем не сгублю: врагам любимую не видеть, —
В глубь тела спрятана душа, а там, в душе — она сокрыта!

Да знает тот, кто в сердце скрыть все тайны страсти призывает:
Не скроешь искру под снопом—была ли хоть одна сокрыта?

Когда ни веры, ни молитв не знает сердце, мусульмане,
О, не стыдите: в нем ведь та, что зла и неверна, сокрыта!

Тебе в вине открыт весь мир, вовеки с чашей не расстанься,
А тайна от людских очей в любые времена сокрыта.

У Хусайни мрачна судьба, ему затмило мглою очи, —
Увы, на пиршестве его нет солнца, и луна сокрыта!

* * *

О меч мучений, взрежь мне грудь, на части рассеки!
А ты, о друг, развороши кровавые куски.

С безумным сердцем совладай — сыщи его, найди,
Его ты в степь небытия скитаться завлеки!

А если в степь небытия с тобой не побредет,
Ты силою отринь его в зыбучие пески!

И, ради бога, чтоб оно не возвратилось вновь,
Ты тело от него спаси всем силам вопреки.

Когда ж ты немощную плоть от смут его спасешь,
Гони его скорее прочь, на муки обреки!

А если сердце вновь придет — чтоб не проникло в плоть,
На грудь мне пластырь наложи, срасти все лоскутки.

И если душу Хусайни от сердца охранишь,
Да будут дни твои вовек молитвой велики!

* * *

Сверкает алый рот-рубин, пушок—как изумруд на нем,
Нет, то — родник живой воды: побеги трав растут на нем!

Я изумлен: покров отняв, узрел я стан и дивный лик, —
Ведь это—стройный кипарис, —зачем же роза тут на нем?

И малой птахе—даже той теперь не свить на мне гнезда:
Все мое тело — прах и тлен, покров одежды худ на нем.

От искр разлуки мир сгорит, —напрасно не трудись, о врач:
Когда рубец разлуки жгуч, что пластыря лоскут на нем?

Когда б на небосвод взвалить поклажу всех моих невзгод,
Вращаться уж не смог бы он: их груз—страшнее пут на нем!

Несправедливости судьбы сравняли плоть мою с землей,
Каменья бедствий бьют мой прах — не сосчитать их груд на нем!

О, заступись же: Хусайни сто чаш кровавых слез пролил, —
О, заступи ногой мой лик: ведь слезы рану жгут на нем!

* * *

Брось в огонь ненужный кипарис, если девы с чудным станом нет,
Розу кинь на ветер, не жалей, если милой с ликом рдяным нет!

Не нужны мне ни соцветья роз, ни цветущий в роще кипарис,
Если кипариса моего, розы, что с челом румяным, нет.

И зачем твоим хмельным очам прятаться за ровный строй
ресниц,
Если у них умысла губить, души завлекать обманом нет?

Разве в дол безумств меня гнала б участь неприкаянных бродяг,
Если б я, безумный, не страдал по твоим кудрям-смутьянам? —
Нет!

Сердце, не сыскать тебе вовек жемчуг твой—заветную мечту,
Если у пролитых в горе слез сходства с морем-океаном нет!

Виночерпий, дай же мне вина, — как от мук разлуки упасть,
Если нынче чаши у меня с пенистым вином багряным нет?

Сон или забвенье, Хусайни, — всё мне в этом мире горше мук, —
Есть ли вечной жизни благодать, или исцеленья ранам нет!

* * *

От злосчастной участи измен упаси, предвечный рок, меня,
От людской молвы убереги, отрешись от вздорных склок меня!

Я в садах разлуки изнемог, в горестях рыдая и скорбя, —
Радость встреч, избавь от этих кущ, уведи от их дорог меня!

Смертной карой не пугай, судьба: может, ты меня бы извела,
Если б раньше тяжкий гнет измен от могилы уберег меня!

Может быть, обрел бы я исход от мучений страсти и разлук,
Если бы жестокий жребий мой нынче гибнуть не обрек меня!

Сколько мне соперник мук пи слал, как он ни был мстителен и
зол,
Отвратить от мыслей о тебе он ничем, никак не смог меня!

Говорят: «Терпи, владей собой!» — Да ведь это, кравчий, ни к
чему:
Ты единой чашею вина отрешись от всех тревог меня!

Только не пристало Хусайни от богатств и власти гордым быть:
Говорят, что нищая юдоль привела на твой порог меня!

* * *

В моей любимой и во мне, знать, мало было пламени,
Уж если третий тут как тут — горит от пыла пламени!

Я сердце мукой жгу себе, мне душу жжет любимая,

А пуще мук — печальник тот: и в нем хватило пламени!

Один огонь — сверканье бед, другой—пыланье адово,
А жар им дарит тот, чью страсть судьба лишила пламени!

Что соловей и роза! Жар займется даже в терниях,
Когда пылают три огня, как три светила пламени!

И сердце, и душа, и грудь — трех очагов пылание,
Ста преисподних горячей в них пышет сила пламени!

Мой жар, моей любимой пыл от слез да успокоятся,
А как же третий? От него сто вспышек взмыло пламени!

И если сердце Хусайни стократ от мук не вспыхнуло,
Что ж вверх он, словно Навои, весь мир в горнило пламени?

БАБУР

ГАЗЕЛИ

* * *

О, сколько долгих-долгих лет я отдал горю и досадам,
Когда и праздник — горше бед, а радость в кубок льется ядом!

Я, сломленный, почти без сил, из чаши рока пил отраву,
И кубок Джама горек был, безрадостен и чужд усладам.

О друге в милой стороне не надо говорить, о други, —
Что целый мир, что люди мне, — от них отторгнут я разладом!

Мне радость пиршеств не нужна, когда с тобою разлучен я,
Благословенны времена, когда с тобой я буду рядом!

Пока, Бабур, ты стонешь тут, стеная в горестной разлуке,
Пусть на пиру певцы поют и горестным и тихим ладом!

* * *

Снискал я тягостный позор моей любовью сумасброда, —
Никто не ведал до сих пор в любви столь горького исхода!

И сколько раз, сдержав порыв, себя я связывал зарокком,
И вновь, посмешищем прослав, был притчей на устах у сброда!

Какая участь мне дана— в разлуке кровью захлебнуться, —
Мужам веселья и вина навек чужда моя невзгода!

Нет, шейху звук стихов не люб: меня корит он за напевы, —
А что поделатъ, если глуп, — уж такова его порода!

Не диво, что уже давно любовь измучила Бабура:
Известно, что любовь — одно, а разум — дар иного рода!

* * *

Смертельным сном забылся я и стал от мира отрешен,
Свести со мною вас, друзья, отныне может только сон!

Когда назначена судьба, ее никто не обойдет,
И не помогут ни борьба, ни боль терпения, ни стон.

Весельем одолей недуг и скорбью мира не томись:
Единого мгновенья мук, поверь, совсем не стоит он!

О сердце, сыщется ли где на этом свете хоть один,
Как ты, влачившийся в беде, как я, познавший гнет времен?

Увы, от тягот бытия покоя я, Бабур, не знал,
И только смертью буду я от козней мира отрешен!

* * *

Мечом той пери не страши меня, соперник-лиходей,
Всё — и любовь и боль души — ниспослано судьбой моей.

Когда я верен стал тебе, я дом и кров свой позабыл, —
Скитальца в горестной судьбе, о чаровница, пожалей.

Мне участь нестерпимых мук и гнет безумья суждены,
Когда та пери выйдет вдруг в одежде красочной своей.

О лекарь, больно вынимать в душе засевшую стрелу, —
Ты понапрасну сил не трать, моим страданьям не радей.

От розы будет ли ответ на стон твоих стихов, Бабур, —
Ей, беззаботной, горя нет, когда стенает соловей!

* * *

Тьма кос и лика лунный свет отняли всё сполна:
И днем душе покоя нет, и ночью не до сна!

К каким пределам ни пойду, везде со мной печаль,
Везде ношу свою беду, судьба моя грустна.

И сотни горестных забот, и тысячи невзгод, —
Та доля, что меня гнетет, другому не дана!

С моим светилом разлучен, горю в горниле мук,
Мне сердце жжет со всех сторон, душа истомлена.

Когда ты от страданий хмур, бедою не делись,
На людях не рыдай, Бабур, им боль твоя смешна!

* * *

Кому среди людей дано блюсти обет добра?
От самых лучших — всё равно не жди в ответ добра!

Что жду добра я от времен, не ставьте мне в вину, —
Весь век свой был я осужден не знать примет добра.

И от красавиц доля бед досталась на беду:
Хоть и влюблен, мне в этот свет не светит свет добра!

От добрых знало ты и ложь, о сердце, и обман, —
Чего же от дурных ты ждешь, в которых нет добра!

Всю жизнь свою отдай делам, добрей которых нет,
И скажут: «Он, радея нам, оставил след добра!»

Ты дружбы от людей земли не требуй, как Бабур,
Кто видел, чтобы люди чли в делах завет добра?

ТУЮГ

Лишь вспомню я разлуки боль, мне стан как лук прогнет,
Как про огонь души сказать, про горе и про гнет?
О роза, ветру я сказал о горестях моих,
Но передаст ли он тебе, как горе стан мой гнет?

МАШРАБ

ГАЗЕЛИ

* * *

Когда я в этот мир пришел и в бездне мук его погряз,
Лекарств не ведая от зол, взывал я к небу - сколько раз!

И видел я: трясина мук - губитель тела и души,
И метил я, нацелив лук, в два круга нечестивых глаз.

Пил в кабачке я, не тужа, - и я познал в себе огонь,
Пошел в мечеть - и, как ханжа, заледенел я и угас.

С ханжою - пост, со мною - хмель, и я вовеки не отдам
За сотни праведных недель бутылъ вина, что я припас.

Хмель единения себе из рук наставника я брал,
Встречал на висельном столбе я, как Мансур, свой смертный час.

Моей безумной головы молвой не пощадил весь мир,
Я ж за единый звук молвы пыль двух миров от ног отряс.

И не корите, о друзья, Машраба за его недуг:
Познать юдоль небытия ему начертан был наказ.

* * *

Оставлю Наманган и дом, - кому есть дело до меня?
Умру я в городе чужом, - кому есть дело до меня?

Я в мире хмель любви обрел, кипел я страстью, как котел,
Я этот бранный мир прошел, - кому есть дело до меня?

Любовь горька и тяжела: она, послав мне бремя зла,
Меня безумцем нарекла, - кому есть дело до меня?

И оставаться здесь невмочь, и нету сил уйти мне прочь,
И пыл любви не превозмочь, - кому есть дело до меня?

Страдать ли здесь от жгучих ран, уйти ль обратно в Наманган,
Пойти ль к пределам дальних стран, - кому есть дело до меня?

Как горек этот дол, Машраб, не знают люди, как ты слаб,
Уйти отсюда, но куда б? - Кому есть дело до меня!

* * *

В пустыню, страстью отрешен, я брел, влекомый к бедам, право,
И жизнь минула, словно сон, а разум мне неведом, право.

Там не цвели бутоны роз и благодатный сад не рос,
Жизнь протекла потоком слез, плутал я ложным следом, право.

О, если ты с охотой льнул к дурному суесловью мулл,
Ты алчной спеси не минул - был другом их беседам, право.

Притворна мудрость у святош, их путь с путем шайтана схож,
Присущи лезть, корысть и ложь мздоимцам-дармоедам, право.

Хоть, правду скажешь - не перечь, правдивая чужда им речь:
Спешат безверием наречь да и объявят бредом, право!

Машраб, сверкает твой совет, как драгоценный самоцвет, -
Слов не бросай себе во вред невеждам-привередам, право!

* * *

О, я к моей возлюбленной питаю страсть особую:
Нальет мне - хоть и сгубленный, а все ж вина попробую!

И рай не славословлю я с дворцами и чертогами:
Вот заведу торговлю я - продам его с утробю!

И вижу, горемыка я: весь мир - что тьма кромешная,
И в ней ты, серебролика, сверкаешь высшей пробю.

Всегда ханжой-святошею влюбленный порицается, -
Найду стрелу хорошую на злобу твердолюбю!

В жар преисподней прогнанный, Машраб рыдает горестно, -
Твоей любовью огненной расплавить ад попробую!

* * *

Не надо вязать мне ни руки, ни ноги:
Жду смерти, — нет силы мне жить без подмоги.

Но ты мою голову сечь и не силься:
Я больше не жертва тебе — недотроге!

Не ведает глупый, что жизнь — только искра,
А быть ли спокойным мгновенью тревоги!

Возможно ль укрыться от пыла безумцев?
От них нет покоя и в шахском чертоге!

Машрабу счастливая доля досталась —
Сложить свою жизнь на заветном пороге!

НАДИРА

ГАЗЕЛИ

* * *

О солнце красоты твоей! Тем солнцем озарен весь свет:
В мельчайших бликах — отблеск твой, круженья и смятенья след.

О стройный станом кипарис в садах нетленной красоты!
На кипарисе том венец благоухающий надет.

Соперник пери колдовской, явись, очам моим предстань —
Хотя бы на единый миг мне, страждущей, пошли привет.

Ты дремлешь в легком забытьи, и сладкий сон тебя пьянит,
А я, увы, совсем одна среди моих невзгод и бед.

Всю ночь на улице твоей рыдала и стенала я,
И стлался неумный гам собак, залаявших в ответ.

К каким пределам ты теперь, скажи, отправился в поход?
В оставленных тобой краях известий от тебя все нет.

Согнулся стан мой, словно лук, трепещут стрелы стонов в нем,
Прицелом этих острых стрел полет соперниц-звезд задет.

Зачем Меджнуну покидать свою любовь, свою Лейли?
Любви к Юсуфу Зулейха святой нарушит ли обет?

Как мог подумать ты, что вдруг тебя забудет Надира?
Не может быть таких речей, души моей краса и свет!

* * *

Ты украшаешь мир, ты — солнце и луна,
А в солнце лишь краса твоя отражена!

Виденье дивных уст в душе не утаить —
Оно и в блестках брызг искристого вина.

Две пряди, как дракон, извивами крутятся,
Твой кипарисный стан замкнули в два звена.

Глаза его сравню с нарциссами в саду:
В миндальных тех очах — колдунья-пелена.

Зачем встревожен ты стенаньями любви, —
Боишься, что на мне — неверия вина?

Ты выйдешь в путь — горят все девять сфер небес,
И вся твоя стезя огнем освещена.

И тот, кто духом тверд, пойдет, тобой ведом,
Туда, где даль времен, пределов крутизна.

Ты — солнце в небесах, где властвует пророк, —
Сверкающих твоих достоинств имена!

Усердна Надира в служении тебе,
И — веру и весь мир в награду ждет она.

* * *

Душа моя — устам твоим медовым жертва,
Вся жизнь моя — твоим волшебным оковам жертва.

Разлука губит всех, кто ждет с тобой свиданья,

Душа их, вся их жизнь — манящим зовам жертва.

А если не меня гнетут печаль и ревность,
Ну что ж, моя печаль — владельцам новым жертва.

И солнце и луна — лишь выдумка и сказка,
Ты — солнце, я ж — лучам твоим багровым жертва.

Поток алмазных слез из глаз моих печальных —
Рубинам уст твоих, устам пунцовым жертва.

Для стана твоего, мой кипарис прекрасный,
Я в жребии моем — таком суровом — жертва.

Как горестна судьба, о Надира, в разлуке,
Когда моя душа любви оковам жертва!

* * *

Вином врачуют боль измен — так сказано давно.
Держи, о кравчий, в кабачке для страждущих вино.

Отшельник, поученья брось, не причиняй мне мук, —
Что делать, сердце и без них страданьями полно!

Я без твоих рубинов-уст в вине ищу услад,
Но сердце — радостью вина утешится ль оно!

Тебе бы дать взамен стремян окружя глаз моих,
И было б твоему коню в дороге не темно!

Не выгибай в смятенье бровь: с тех пор, как вера есть,
В смятенье пред Каабой быть михрабу лишь дано.

Влюбленный ведь хмельным сродни: кровь душу опьянит,
И сердце, будто от вина, смущенья лишено.

Следы вина с рубинов-губ — как слезы цвета роз,
И словно розовой водой лицо окроплено.

Где луноликий мой кумир — души моей покой?
Где был он, там лучился свет — сияния пятно.

И хмель не дал забвенья мне в моей тоске о нем, —
Вино не стало, Надира, лекарством все равно.

* * *

Сеть вьющихся кудрей меня поймала,
И ранят брови — два язвящих жала.

Клинкам бровей тех робко покориться —
Смиренье сердцу путь предначертало.

Кто у костра уснул, золой согретый, —
Зачем ему соболье покрывало?

Из глаз моих потоки слез струятся, —
Они взбурлят — любимого не стало!

И жерновам времен не знать покоя:
Извечны стук колес, вращенье вала.

Нет, в людях мира верности не сыщешь:
Ведь редких драгоценностей так мало!

Без милых губ пылает кровью сердце, —
Дай, кравчий, мне пригубить из фиала.

Влюбленные подобны каравану:
В поход идти — лишь с верными пристало!

О Надира, из глаз твоих в разлуке
Не слезы — кровь сама стекает ало.

* * *

Приди, любимый, верен будь, неверностью меня не мучай,
Да засияет в темноте прекрасный лик твой — пламень жгучий!

С возлюбленным разлучено, с его рубинами-губами,
О сердце, в горести своей ты кровью захлебнись горячей.

Польются слезы из очей, едва твои увижу кудри, —
Ведь это ливень хлынул вдруг, пролитый чернокудрой тучей!

Забудь жестокую печаль неверного и злого мира,
Налей вина, утешь себя, не упусти счастливый случай.

Ведь должен мужественным быть и тот, кто не в доспехах брани,
Кто без усов и бороды, кто силою — не муж могучий!

От крови сердца моего, от печени кровоточащей
Вино, как яхонт и рубин, сверкает краснотою жгучей.

Ты этой песней, Надира, любви и верности взыску ешь,
И на судилище людском оправдан лад твоих созвучий.

* * *

Уж я давно дружна с другим, и весь тот долгий срок.
Огонь утраты изнурял, терзал меня и жег.

Так нужно было: я ушла, велению верна, —
Иначе бы хозяйский кров покинуть раб не смог.

Очам души моей сурьма — прах от дверей твоих,
Уйти ж от дома твоего — нет для меня дорог.

С тобой — счастливая звезда, судьба твоя светла,
Богатство, власть — твои рабы, и жребий твой высок.

Залог покоя слуг твоих — прислуживать тебе:
Нет в мире счастья для того, кто бросит твой порог.

А я к порогу твоему устало преклонюсь:
Мне без тебя иной приют — пристанище тревог.

Любимому рабою быть готова Надира, —
Хоть эту милость от него пошли мне, ветерок!

* * *

Жизнь изведать сумей и — уйди,
Мир познай и людей и — уйди.

От жестоких обидчиков — прочь!
Стоном горе излей и — уйди.

В цветнике бытия погости,
Как меж роз соловей, и — уйди.

О слеза! Окропи этот мир
Всею болью своей и — уйди.

Лжив и тленен цветник бытия,

Вздохом листья развей и — уйди.

Для влюбленных пристанище — сад:
Выйди в путь поскорей и — уйди.

В мир пришел ты — какая в том цель?
Лишь поведай о ней и — уйди.

Тайну чувств береги от толпы,
В сердце тайну взлелей и — уйди.

В путь любви соберись, Надира,
Слезы-жемчуг пролей и — уйди.

* * *

Когда исполнен человек живых примет любви,
Он и в возлюбленном найдет ответный след любви.

Достоин пиршества любви, кто ночи напролет,
Глотком единым вдохновлен, являет свет любви.

Достоин тот, кто, позабыв мирскую суету,
Пьет залпом чашу и хранит хмельной завет любви.

Когда ты страстью сокрушен, таи свою печаль,
Соперник спросит про нее — скажи, что нет любви.

Покоя хочешь — береги своей любви приют:
Под сенью крепких стен его грозит ли вред любви?

Мессия снизошел с небес, чтоб страждущим помочь,
И стало солнце в небесах больным от бед любви!

Когда от недругов-врагов себя убережешь,
Не выдай и друзьям своим — в пылу бесед — любви.

Притворно четки тебе, гордился тем ханжа,
Но, оплетен безверьем, он забыл обет любви.

Когда увидишь, Надира, аскетов на пиру,
Ты им не выболтай, смотри, святой секрет любви!

* * *

Мир ненадежен: добро и тщета — все бесполезно,
Осени тленья, весны красота — все бесполезно.

Нужно ли горе тяжелых невзгод — тяготы жизни?
Тщетны печали, тревога пуста — все бесполезно.

Если влюбленный не встретит в любви страсти ответной,
Стоны и крики, ссор суета — всё бесполезно.

Если влюбленной нет счастья в любви, нет единенья,
Страсти напрасны и жизнь отнята — всё бесполезно.

Если не внемлет народной беде шах нерадивый,
Слава ли, власть ли, тщеславья мечта — всё бесполезно.

Мудрый властитель жалеет народ, милостив сердцем,
Злым не поможет и крепость щита — всё бесполезно.

Если томиться в любви, Надира, тихим гореньем,
Выдашь ли горе, смолчат ли уста — всё бесполезно.

* * *

Пламя страсти в разлуке — такая беда,
Что померкнет пред ней преисподней страда!

Сердце — рана сплошная, рубец на рубце, —
Это след твоих стрел — к борозде борозда.

Равнодушие с любовью нельзя примирить:
Жаркий пламень — противник холодного льда.

Шаху пышное ложе приносит цокой,
Я же, странница, местом у печки горда.

Этот мир, Надира, и жесток и кровав,
А покоя не сыщешь, где кровь и вражда!

* * *

Притворство, алчность, корысть — вот суть песнопений шейха!
Не слушай их: нет лжеца наглей и презренней шейха.

Внушает он юным ложь, что радость любви греховна,
Но разве не грех — притон, гнездо преступлений шейха?

На подлой своей стезе он зла и порока алчет,
Весь мир потопить во лжи — предел вожделений шейха.

Я пыл его притушу горячим дыханьем правды,
Хоть в огненной злобе слов и нет дерзновенней шейха.

Он все превращает в лед своей ледяною речью:
Пробрало злом до костей, как стужей осенней, шейха!

Цветистым тряпьем чалмы ему красоваться любо, —
Бахвальство и похвальба — вершина свершений шейха.

Найти б тебе, Надира, средь шейхов мудрого старца, —
Склонилась бы ты челом пред высью ступеней шейха!

* * *

Когда былую верность он безжалостно пресек,
Как стал от тела моего огонь души далек!

И диво ли, что мне грозят войска моей беды?
Ведь войско твердости моей не выслало подмог!

Бессильна я, больна: ушел луноподобный мой, —
О, как превратна ты, судьба, и как злосчастен рок!

Душа! Безмолвен мой язык, а ты приказа ждешь,
Твой путь — в страну небытия по пустырям пролег.

Блажен, кто принят в тот приют, где властвует любовь:
Его беседою никто еще не пренебрег!

Терзаясь мукою своей, узнала Надира:
С разлукой рядом — адских мук огонь не так жесток!

* * *

Благодарение вовек: мой не отвергнут труд,
Приметы преданной любви опоры мне дают.

Ты для неверных — божество, ты — идол мусульман,
Кааба, капище — твои: два храма — твой приют.

Когда сразит тебя печаль — скорее в кабачок,
Проси поддержки у гуляк: они ведь добрый люд.

Хозяин стену здесь воздвиг - сплошной заслон из чаш,
И толпы диких орд сюда вовеки не пройдут.

Доступен ли урок любви отшельнику-глупцу?
Смотри: заученно бубнит заклятья словоблуд!

Походкой плавной мой кумир выходит гордо в сад,
Все кипарисы он затмит, он — самый стройный тут.

С манящим зовом мой кумир подходит к Надире,
А на любом ином пути — его преграды ждут!

* * *

Десница смерти тем горька стократ,
Что ею будет труд всей жизни взят.

Не тщись украсить зданье бытия:
Ветха опора — бранный мир утрат.

В чертоге сердца вечна боль любви,
Пока на свете вечен жизни сад.

Хитер в обмане и неверен мир,
В нем даже верность лишена услад:

Ширин томилась, мучилась Лейли,
Меджнун терзался, горевал Фархад.

Все связи мира — звенья цепи зла, —
Не так ли ловчий ставит сеть засад?

* * *

Во всех садах земли, о несравненный мой,
Самшит и кипарис сравнятся ли с тобой?

Приди ко мне, приди, мой стройный кипарис:
В моих мечтах — твой стан, красивый, молодой.

С моим любимым, рок, меня ты разлучил
И сто несчастий мне послал своей рукой.

Терзай меня, терзай разлукою, судьба, —
И горе, и печаль сроднились со мной.

Смиренью обучись — и сердце заблестит,
Как чищенная сталь, зеркальной белизной.

Скорбящая душа из тела рвется прочь, —
Ах, вызволь соловья из тесной клетки той!

Ты дерзко возжелал Каабу укрепить,
А сердце - как пустырь, — его благоустрой!

Жестокости измен и горести судьбы —
Как тяжело, Надира, жить с мукою такой!

* * *

Я захлебнулась кровью, скорбь — в дыхании оледенелом,
Как листья осени, лицо в разлуке стало пожелтелым.

Я на дороге ниц паду туда, где он ногою ступит, —
Не страшно превратиться в прах душой измученной и телом.

Врач прикусил смущенно перст и молвил мне в недоуменье:

«Любовь — недуг твой, для нее лекарств не сыщешь в мире целом!»

Кто жаждет суеты мирской, того погубят путы страсти,
Но вольных в цепь не заковать, капкан не будет им уделом.

Не будь беспечным, если вдруг войска разлуки набежали,
О сердце, в битву устремись, отдай всю силу стонов стрелам.

На теле немощном моем — разлуки горестные пятна:
В игре любви два цвета есть, и черный цвет здесь рядом с белым.

Ты не находишь, Надира, тропинку к цветнику свиданья,
Скитаешься среди пустынь в отчаянье оцепенелом.

* * *

Прошла счастливая пора, и нет, увы, вестей о нем,
И сердце на его пути скорбит в рыдании немом.

Где кипарис взметнется ввысь, цветут бутоны нежных роз,
Но сколько стройных тех деревьев ушло, покинув сад — свой дом!

И он на пиршестве времен вознесся гордой головой,
Но, как свеча, в недолгий срок сожжен губительным огнем.

Весной бутоны роз цветут в садах, где верность и любовь,
В разлуке ж сердце, как тюльпан, кровавым рдеет лепестком.

Степи безумья суховой, то — сердце мечется мое,
Но путь к заветному огню ему поныне незнаком.

И если пес его придет о сердце горестном узнать,
Я брошу печень перед ним — приманкой, лакомым куском.

От мук разлуки я больна, и скорбно я на мир гляжу,
А он на слезы Надиры уже не глянет и тайком.

* * *

О судьба, ты меня в жертву мук превратила,
И в забаву в когтях у разлук превратила.

Стрелы стонов моих к дальним звездам взлетают,
Ты для этих вот стрел стан мой в лук превратила.

Справедливой судьбы ты не ведало, сердце,
И роптанья соблазн в мой недуг превратило.

Луки — брови его, словно стрелы — ресницы,
В муку сердца любовь всё вокруг превратила.

Ты насупил чело — зерна родинок скрылись,
В серый пепел мой лик горе вдруг превратило.

Но свиданье прошло, и настала разлука
И цветенье весны в темень вьюг превратила.

Сердца стон Надира затаила глубоко,
В боль и муку души этот звук превратила.

* * *

В те дни, когда я без друзей, без их бесед одна,
Я в одиночестве своем печальна и грустна.

С любимым я разлучена, в моей лачуге мрак,
Мне вместо пищи — горечь слез, и желчь — взамен вина.

Лишь он один был у меня среди мирских сует,
И от земных раздоров я была отрешена.

Что солнце мне и что луна, о грозный небосвод!
Над повелителем моим сошлась земля черна.

Чертог любви я возвела ценой таких трудов, —
Поток событий снес его, мой труд погиб сполна.

Зачем, друзья, твердить мне ложь, что будто бы он жив?
Нет больше жизни и во мне — смотрите, как бледна.

В разлуке с ним нет и следов того, чем я жила:
Жива я или же мертва — загадка та трудна.

И сколько б ни было богатств под властью рук моих,
Без светоча моей души ничтожна и казна.

Шербет свиданья был в мечтах, а рок судил мне яд, -
Моя жестокая судьба была предрешена!

Надежд не стало, Надира, и нет уж веры в мир:
Моя надежда — шах Дара ушел в обитель сна.

* * *

Твой стан-кипарис я вспомню — и горе меня крушит:
От стонов моих и вздохов расколот мой стан-самшит.

В груди — ураган стенаний, рыданий страшен потоп:
Судьбы моей дом разрушен, и камень под ним размыт.

Кумир мой, тебя б увидеть, увидеть твою красу, —

Меня твой волшебный образ влечет и к себе манит.

В силках моей страсти бьется, как пойманная, душа:
Жестоки ее страданья, мучительна боль обид.

От вечера до рассвета, пугая твоих собак,
Стонала я и стенала и плакала я навзрыд.

Кудрей твоих вьются кольца, и чудится будто мне:
Аркан ловца-зверолова на шее моей навит.

С тобой кипарис сравню я — он станет твоим слугой:
Не пленником в гуще сада, а участью горд стоит.

Я в буквах ишу сравнений: как «нуны» — дуги бровей,
Как «сад» у очей-нарциссов миндальный изгиб орбит,

О Надира, неприступна гора любви — Бесутун,
И я, как Фархад, упорно страданий крушу гранит.

* * *

Увы, круговорот времен разлуку шлет с моим джигитом, —
О сердце, как печальна я в моем рыданье неизлитом!

В долине горестной любви по ветру в пыль мой прах развеян, —
В песках, ища целебный прах, Меджнун блуждает следопытом.

Багряной кровью слезы лью, в лице — мертвящий цвет гпафрана,
Где осень, где весна моя — иди, попробуй, различи там!

Разрушен дом моей любви, приют былых восторгов сломан, —
Как мне найти теперь покой в моем пристанище разбитом?

Пески пустыни обойдя, я не нашла родного следа, —
О ветер, дай о милом весть — я жизнь вручу могильным плитам.

Когда любимый вдалеке, мне край мой и друзья — чужие,
Я без него в родном краю одна терзаюсь пережитым.

То, задыхаясь, ворот рву, то кровь в стенаниях глотаю:
Что стало с сердцем, Надира, сплошными ранами покрытым?

* * *

Что случилось? Где прекрасный мой? Доселе он нейдет!
Уж все пришли, кто в ратном был с ним деле, — он нейдет.

Ах, ярче утра светлых встреч был луноликий мой!
Стал мрак, где светоча лучи мне рдели, — он нейдет.

Нет, мне тех встреч не возратить, — душа горит огнем.
И не текут живящих слез капели: он нейдет.

Надежд зеленые ростки не распустили роз,
Настал Навруз, но дни весны не грели: он нейдет.

Что если огненной тоской спалило целый мир:
Где все сгорело, как мне жить — в огне ли? — он нейдет.

Властитель мой покинул мир, тебе же, Надира,
Рыдать о горестном твоём уделе: он нейдет!

КАМИЛЬ ХОРЕЗМИ

ГАЗЕЛИ

* * *

Не новый месяц, о друзья, на небесах встает -
Смертельным жалом остряга грозит нам небосвод!

Иной, как солнце, вознесен в зенит благих времен,
А лишь стемнеет - смотришь, он во прах глубин сойдет.

В ином бурлит любовь, хмельна, да за глотком вина
Тоска разлуки суждена - страдать за годом год.

А от иного людям вред: нарушит мир-совет
И кругу дружеских бесед погибель принесет.

Да будь стократ на сердце мгла - представь, что даль светла,
Твори добро - не будет зла, и сменит тьму восход.

Любому гнет страданий дан, никто не жил без ран -
Мудрец, глупец, бедняк, султан - все знали боль невзгод.

Кто в мире - жалок, кто - высок, - всему не вечен срок:
Вносил на трон Юсуфа рок, гнал под тюремный свод.

Кто ждет от неба в милость благ - неумный он чудак,
А кто всю спесь в себе напруг - невежда и урод!

И что для неба твой упрек! Всему властитель - бог:
Ведь, как и ты, небесный рок велений свыше ждет.

Не вечен этот бранный свет: едва придет рассвет,

В молитве будет стих пропет: "Все гибнет в свой черед!"

Не мучь, о роза, соловья, - не вечна жизнь твоя:
Застонет он, тоску тая, - тебя огнем сожжет.

Имей хоть золотой чертог - с людьми не будь жесток:
Каких владык на смерть обрек времен извечный ход!

* * *

Если небо злых не любит и к порочным не пристрастно,
Что ж оно достойных губит, подлых чествуя напрасно?

Благосклонен рок к бездумным и враждебен к многодумным:
Будь, как Афлатун, разумным, а судьба твоя - злосчастлива.

Окружен почетом-славой, вид имеет величавый
Тот, кто крив душой неправой, - лжет вседневно и всечасно.

Не поддайся вражьим силам, будь суровым и не хилым:
Жир смывают только мылом, что само к жирам причастно.

Перлам душ не быть товаром, что развозят по базарам, -
Деньги копишь - все задаром: над душой казна не властна!

Будешь умным - и в помине нет в тебе тоски о чине:
Дьявол был из-за гордыни посрамлен творцом ужасно.

Тот не друг, кто в лести прыток, верить хитрецу - убыток:
Сколько от Шамуна пыток претерпел Юсуф безгласно!

Хочешь быть непричастным и к подвластным и к всевластным -
Побратайся с хмелем красным, не гляди на хмель бесстрастно.

Добрый отклик - вот основа, чтоб ценить правдивость слова:
Сердце рассказать готово обо всем, чья суть прекрасна.

Все в мирском саду не вечно, и ничто не бесконечно:
Жизнь тюльпана быстротечна, а цветет он рядно-красно.

О Камиль, лелей в мечтанье дар терпенья и молчанья -
Даже если слов сверканье блеску перлов сопричастно!

* * *

Трон наглости заняв, верша! своп суд невежды,
Хвастливо на весь мир в литавры бьют невежды!

Забрали сладкий куш, презрев людские беды, —
Не справедливость чтут, а ложь и блуд невежды.

Забыли правый путь, не следуют закону,
Дорогой подлых дел всегда идут невежды.

Смутьянам да ворами они — родня-опора:
Где грабить да урвать, подстроить смут — невежды!

Мешая мудрецам блюсти закон по правде,
Помогут всем подряд, кто вор и плут, невежды!

Им гнет и произвол в делах правленья любви,
А веру и закон не признают невежды!

Как жалобы решать — законы позабыты, —
Лишь словеса плетут и там и тут невежды.

Дать волю им — беда: того и жди, создатель,
Что всю страну, весь край в муку сотрут невежды!

Не диво, что настиг нелегкий рок достойных:
На троне — власть вершить — нашли приют невежды!

* * *

Нелегкая пора пришла достойным -
Несут погибель стрелы зла достойным.

И сила и почет даны негодным -
Пора бесправья тяжела достойным.

Повсюду подлецы-льстецы расселись,
И нет ни одного угла достойным!

Друзья достойных - лишь калям да книга -
Нет друга, чья душа тепла, достойным.

А кто теперь оценит силу слова?
И ум не в прок судьба дала достойным!

Хоть и помогут люди добрым делом,
В ответ - укоры без числа достойным.

Судьба, излишне щедрая к негодным,
Дать волю хлеба не смогла достойным.

Она не сок рубинового хмеля -
Кровавых слез приберегла достойным.

* * *

О сердце, тщетно не питай на честь людей надежды:
Для брэнной плоти щит и сень — души своей надежды!

А если людям не дано ни верности, ни дружбы,
Па чуткость доблестных и то — нет, не лелей надежды!

Что дарит нам коварный мир? Печали и страданья, —
В пучине жизни перлов нет, не сыщешь в ней надежды.

Ни уцелеть, ни упасть от злобных козней рока:
В пустыне зла тайник добра искать — развеи надежды!

Глаза любимой — что палач: не жди от них пощады! —
В безверье—правоверным вред, а вред—сильней надежды!

Ресницы милых глаз — мечи, палач мольбам не внемлет:
Избит, изранен, а молчи, — не даст злодей надежды.

Вино страданий — не родня нектару благ заветных:
В краю, где нет живой воды, — не ждать вестей надежды!

К чему соперника молить о дружбе и подмоге?
От скряги милостыни ждать — питать не смей надежды!

Ты тщетно ищешь меж людьми и добрых п достойных, —
Камилю друх — лишь сень добра, и нет верней надежды!

* * *

Рубины дивных уст твоих—родник, поящий красотой,
Твой кипарисный стан влечет своей манящей красотой.

Рабыня стана твоего, попалась горлица в силок,
Не люб ей плен: она поет напев, щемящий красотой.

Твоя пленительная речь — как жемчуг из морских глубин,
Журчит усладный ее звук животворящей красотой.

Твоим смутительным речам дано безвинно всех казнить:
В них перлы слов — как будто град, сгубить грозящий красотой.

Завесой вьющихся кудрей прикрыто лунное чело,
А благовонье темных кос гнетет томящей красотой.

Жемчужных перлов ровный ряд скрывают створки сладких уст,
Но горек слог их, словно соль, боль ран язвящий красотой.

Под стать светилу дивный лик, с небес ниспосланный как дар,
Подобна ночи тьма кудрей беду сулящей красотой.

Нарциссам черных глаз твоих дано истомою пленять,
Шербет медвяных уст твоих—нектар, пьянящий красотой,

О, сколько жертв у чар твоих: Ширин, Лейли, Фархад, Меджнун, —
Ты участь смерти им сулишь красу губящей красотой.

Душистый мускус твоих кос дарует розам аромат,
Твое румяное чело — цветник, горящий красотой.

И что за диво! Твой Камиль — всего лишь робкий ученик:
Обучен и проучен он твоей блестящей красотой!

МУХАММАС

Полюбив тебя, попался жалкой птахой в силоч я,
За Лейли брожу Меджнуном - одержимый, изнемог я.
День и ночь в степях скитаюсь, мыкаюсь, сбиваясь с ног я.
Словно смерч, мечусь в пустыне без путей и без дорог я.
Будто маг-огнепоклонник, пылом страсти душу сжег я!

В мире нет тебе подобной - так же зло сердца гнетущей:
Люб тебе любой мой недруг, ласк твоих с надеждой ждущий!
Не осталось в сердце силы, в тело жизнь вдохнуть могущей,
Ты с соперником пируешь - пьешь вино с ним среди кущей, -
Он вознесся головою, но унижен и убог я.

Ты чужим предстала розой, словно скрытой в повилику, -
Это - локонов завесу разметала ты по лику!
Соловьиной страстью взвитый, стал мой стон подобен крику,
Но из сада роз душистых прогнала ты горемыку:
Ты с другими веселишься, но далек и одинок я!

Если лик твой надо мною светом солнца не взлучится,
Где ж душа моя и сердце станут, как пылинки, виться?
А когда любовь былую помянуть тебе случится -
Среди хмеля и веселья моей болью огорчиться,
Я об этом лишь услышу, знай: хмельным без хмеля слег я!

Вместе нежатся мой недруг и души моей услада,
Словно соловей и роза под зеленой сенью сада.
Мне в разлуке только муки - и отрада, и награда!
Счастлив недруг мой с любимой, и она душою рада,
Мне ж, друзья, - печаль и горе: друг страданий и тревог я!

Не томи меня разлукой, не предай меня страданьям,
Не терзай ты мои очи безысходным ожиданьем!
Горемыку меж влюбленных ты не обдели вниманьем.
Не грози мне жалом гнева, и Камиля ты не рань им,
Ну а плох или хорош я - все стерпеть себя обрек я!

РУБАИ

Когда служу - так я служу надежно:

Во всем мне доверять и верить можно.
Что ж от меня ты видела дурного:
Что ни скажу - ты все толкуешь ложно.

МУКИМИ

ГАЗЕЛЬ

Когда я с милой дружбу вол, хорошая пора бывала:
Хоть и терпел я произвол, да боль не так остра бывала!

Едва завидится вдали — я перед нею жертвой падал, —
Ей слезы под ноги текли дождем из серебра, бывало.

И разве был я позабыт? Хоть и неслись бесплодно годы,
Хоть раб терпел и зло обид, а всё ж она добра бывала!

Когда в душе цвести весне, а реки слез пересыхали,
Она — как вешний ливень мне, нахлынувший с утра, бывала!

Я трепетал и гнал печаль, ее пути подстерегая,
И тщетно вглядывался в даль и ждал все вечера, бывало.

О, сколько я терпел невзгод от чаровниц неблагоприятных,
Мечтая вызнать наперед, дождусь ли я добра, бывало.

Шло время, Мукими, твое — она не шла тебя проведать, —
Ты не страдал бы от нее, когда б не так хитра бывала!

МУХАММАС НА ГАЗЕЛЬ НАВОИ

О, если б той, что я люблю, весть обо мне была нужна, —
Ведь мне заря желанных нег, а не ночная мгла нужна!
Не горе сердца—чаша мне, чтоб радость принесла, нужна!
Мне нет отрады среди роз — та, что душе мила, нужна,
Не розы мне, не кипарис — краса ее чела нужна!

Свою маюсь я в глуши, и жизнь — одна досада мне,
Жестоко треплет меня рок, а будет ли пощада мне?
Хоть козней недругов не знать дана одна отрада мне,
И пусть все пери прочь летят — вовеки их не надо мне, —
Мне та, в которой мой покой, в которой нету зла, нужна!

О виночерпий, как я пьян, —дай чашу влаги мне хмельной,
Уж лучше в погребке сидеть, чем без подруги быть воспой!
Все дружбе верные друзья вражду обходят стороной!
Вез веры правоверным слыть — двуличие, порок дурной, —
Мне та, что веру не блюдет, душой черна и зла, нужна!

С тех пор, как целится в сердца ее изогнутая бровь,
Померкнул взор моих очей — не слезы капают, а кровь!
Пи розы мне па ум нейдут, пи молодых побегов новь,
И белых лилий, красных роз ты мне, садовник, не готовь, —
Мне та, что косами темна, а красотой светла, нужна!

Всю жизнь один я брел в степи, в тоске влача свой жалкий плен,
Истерзан мукою разлук, изранен стрелами измен!
О, если бы за верность я хоть милость получил взамен!
Эй, обитатели трущоб, я — к вам, другими я презрен, —
Мне та, что с вами заодно беспечно весела, нужна!

О, если б раз изведать жизнь — горька она или сладка!
В смятенье смолкли мудрецы—не знают, в чем моя тоска!
Нет толку в четках, Мукими, гляди— израна рука.
Поверь страдальцу, Навои: боль моих тягостей горька, —
Мне, как кувшину в погребке, печаль в тиши угла нужна!

ФУРКАТ

ГАЗЕЛИ

* * *

Если розы весной нежит воля цветущего луга,
Если каждый в любви обретает любимого друга,

Если ранней весной снова плещут вино и веселье,
А казалось, навек погубили их стужа и вьюга,

Если тучи полны, если душу так радует зелень,
Близ арыков - луга и зеленое пиршество юга,

Если воздух пригож, и прозрачны журчащие воды,
И, бурля в ручейках, волны бьются о берег упруго,

Если хмель, как рубин, блещет искрами в золоте чаши,
Если кравчий в пиру - луноликая дева-подруга,

А у роз - соловьи, стайки горлиц в ветвях кипариса
Дивный облик и стан вспоминают, томясь от недуга, -

Что нам райский цветник, да и нужен ли он человеку,
Если этой красотой так богата земная округа?

Но в мирском цветнике как Фуркату быть столь же счастливым,
Если дом его стал точно полная скорби лачуга?

* * *

То ль испарина хмеля на лице румяном,
То ль на розе роса рдеет блеском багряным?

Это — бровь или сабля, облитая кровью,
Или горняя синь в этом цвете сурмяном?

Это кудри ли вьются, твой лик обвивая,
Или змеи красу полонили обманом?

А откроешь чело — соловьи изнывают,
Млеют горлицы, словно объята дурманом!

Прах с пути твоего люди жадно хватают,
Будто золото — нищие в рубище рваном!

Колдовские нарциссы-глаза сеют смуту,
Сабли-брови спешат на подмогу смутьянам!

О лукавая, брось искушенье коварством, —
Ведь под ним, как под ношей, сгибаются станом.

От очей и бровей твоих — гибель Фуркату:
Звезды всходят на небе, луной осиянном!

* * *

Вышла пери моя, расплела пряди кос в саду,
И поник гиацинт от завистливых слез в саду.

Перед ликом ее меркнет цвет тюльпанов в полях,
От пушинок — райхан посрамленье понес в саду.

Все обеты свои превратила пери в обман,
Выдав тернии тьмы за цветение роз в саду.

Стан и облик ее — кипарисов краше и роз, —
Замолчи, соловей, — время ль стонов и грез в саду?

А такая краса — разве лишь султанам сродни,
Столь красивый цветок ведь вовеки не рос в саду!

Кипарис возомнил, будто стану ее чета, —
Посрамленье ему! Стертым деньгам — не спрос в саду!

А ее красота — как цветок в заревой росе:
Словно чаша, тюльпан полон влагою рос в саду.

И когда соловей, рыдая, над розой поет,
Как влюбленному быть, как бы муку он снес в саду?

И когда твоя песнь дивным ладом звучит, Фуркат,
Пусть тебе подпоет соловей среди лоз в саду!

* * *

Увидав твой дивный лик в солнечных лучах рассвета,
Ночь, окрасив небо в кровь, в гневе притаилась где-то.

А когда ты в сад вошла, от лица отняв завесу,
Розы сникли, устыдясь, - стала осень, а не лето!

Где уста, где тонкий стан? Разглядеть их все старались, -
Как ни тщились - не нашли: где ж хотя бы их примета?

И самшит, и кипарис пред твоей чудесной статью
Ниц склонились головой в знак почтения и привета.

За тебя я жизнь отдам, лишь бы ты не знала горя,
Лишь бы вечно ты жила, светлой радостью согрета.

На того ж, кто не ценил счастья быть с тобою вместе,

Пусть падет печаль разлук без исхода, без просвета!

Ты ж величье обрети, стань в прекрасном совершенна,
Будь прямою, как "алиф", - да навек пребудет это!

Зерна родинок твоих - как приманка попугаям, -
Ими в сладостных садах о тебе ведь песнь пропета.

Мне б любимую найти - я ее, как душу в теле,
Затаил бы и берег больше всех скоровищ света!

Плох тебе, негод Фуркат среди всех других - хороших, -
Ни хорошим, ни плохим не кори его за это!

* * *

Багряный тюльпан в степи — то тень твоего чела,
Иль это в степях судьбы — кровавая пиала?

Хвалитель назвал твой стан подобьем райских деревьев,
Ведь он кипарис сравнил с гнилой корягой ствола!

Хоть ты красотой — луна, увы, к тебе не дошли
Те стоны, что в муках слёз разлука к небу взвила!

От горестей умер я, томясь в тоске по тебе,
А ты и этот недуг притворством моим сочла!

О память давних времен! Как счастлив я был с тобой —
Я дней разлуки не знал, не ведал такого зла!

И розам в садах дано твое превосходство знать:
Поникли они к земле, едва лишь ты в сад вошла!

Молва о твоих устах проникла и в медресе, —
Из каждой кельи неслась вослед тебе похвала

О, смилуйся надо мной, нет сил разлуку терпеть,
И в сердце — боль о тебе, и скорбь моя тяжела.

Истерзанный, изнемог в разлуке с тобой Фуркат,
О, если б милость твои ко мне снизойти могла!

* * *

Блеском чудного виденья дева мне предстала ночью:
Томно шла, играя взором, вскинув брови-жала, ночью.

Разлучился я с рассудком — ни крупички не осталось, —
Знахарь был, шептал заклятья—только хуже стало ночью!

А придет моя красотка — как ее узреть, о небо?
Смилуйся, зажги все звезды, чтоб светили ало, ночью.

Раз она, мой пыл увидев, скинула с чела завесу, —
Я красе ее дивился, ясной, как зеркало, ночью!

О, верните жизнь мне в душу! Изошел я кровь сердца, —
Ведь со мной души услада гостьей пировала ночью.

Всем негодницам бесстыдным быть неверными привычно:
Казнь готова, люто точат острие кинжала ночью.

Ждет Фуркат, в слезах кровавых распростертый ниц во мраке, —
Где же та, что с лунным ликом, светом воссияла ночью?

* * *

Друзья, забрел я в погребок — дай, мол, печаль размыкаю,
И повстречался вдруг мой взор с красною луноликою.

И сник я, а она, узрев мою страду похмельную,
Дала мне чашу, сжалась вдруг над бедным горемыкою.

Зачем меня стыдить, друзья, что не со всеми дружен я?
Да разве можно боль души делить с недоброй кликою?

Каких, друзья, зловредный рок не насылал мне горестей, —
Смотрите, как я посрамлен молвою стоязыкою!

Два завитка ее кудрей лишь вспомню я — и мнится мне:
Драконы оплели мой дом, где горький плен я мыкаю.

Твой хмель, о виночерпий, — смерть, но жизнь отдам я с
радостью,
Лишь одари меня хоть раз ты чашей превеликою!

В огнемолельне чудных чар Фуркат сгорит, и диво ли?
Как не обжечься мотыльку о свечку солнцеликою?

* * *

Бог любимую послал мне - молода, моложе всех,
Хороша да сумасбродна: все ей - повод для потех.

Сколько лет в приюте скорби одиноко я страдал,
А теперь под кровом сердца есть подруга для утех.

О своей любовной муке я ей робко говорил,
А она все разгласила - подняла меня на смех.

Лунный лик ее прекрасный так блестит во тьме кудрей,

Что летучей мышью станет птица сердца, впав во грех.

Я рыдаю и стенаю, вместо слез струится кровь -
Видно, каменному сердцу нет в жестокости помех!

Рок меня вконец измучил, в горемыку превратил -
Мне бы друга для совета, да и в этом - неуспех!

* * *

Лунолика, ты губишь равнодушием суровым,
А дано устам-рубинам воскрешать единым словом!

Ты не слушаешь, как плачу, как кричу я в ночь разлуки, —
Можно ли, аллах, столь долго быть жестокой к этим зовам?

Как но плакать мне ночами, от огня свечой сгорая, —
Ты — с другим, пока не станет утро от зари багровым!

Сердце горестями полно, только как скажу об этом?
Я с тобой и часа не был вместе под единым кровом!

Сгорбился самшит смущенно, кипарис поник ветвями
В час, когда ты засверкала в цветнике, от роз пунцовом.

Ты соперников приветишь, а меня томишь разлукой, —
Дорогая, где ж твой разум — под каким сокрыт покровом?

Так, любимая, негоже — не спросить меня ни разу:
«Ты, Фуркат, по ком стенаешь, жертвой стол каким оковам?»

* * *

Стан твой — будто ветка розы, с лепестками — схоже платье, —

Боже, пусть тебя не тронет злобный вихрь — самум проклятья!

Чаровница! Я ошибся: стан твой тоньше нежных веток,
И сравнение то обидно, — как такое смог сказать я!

Розоцветной винной влагой залиты твои одежды,
Или втиснул кровью сердца там багровую печать я?

Лишь увижу след подковы — рухну ниц: твой конь промчался, —
Звук ловлю и прах лобзаю, землю заключив в объятья.

Дом души моей разрушен, в нем ты не найдешь приюта,
Только лишь в зенице ока смог тебя бы удержать я!

Чем бы ты мне ни платила — дружбою пли враждою,
Недруги твои—враги мне, а друзья твои—мне братья!

Ежечасно ревность губит тысячью смертей Фурката, —
Злить меня, любя другого, — вот теперь твое занятие!

* * *

Как соловья колючки роз, меня шипы твои кололи,
Терзался я и день и ночь, стонал от нестерпимой боли.

«Где точка сладких уст твоих?» — тебя молил открыть я тайну.
Улыбкою сверкнула ты — и этой тайны нету боле!

Когда-то, милость мне даря, со мною часто ты видалась,
Потом — разлукой извела, и муки сердце побороли.

Ты, на пленительном челе приманкой родинки рассыпав,
Поймала птицу сердца в плен — силками кос лишила воли.

Теперь со всеми ты мила, на всех глядишь с улыбкой нежной,
Готова их любовь принять, лишь я—чужой в моей доле.

Ты о силках своих кудрей молву посеяла повсюду,
Открыв безумцам мой позор, другим неведомый дотолле!

Красавица! Блаженства пег навек лишила ты Фурката,
Чтоб зеркало его очей терзанья страсти раскололи!

* * *

Дух и тело мне любят терзать твои косы, —
Пощади, о жасмин мой, пригладь твои косы!

Это шах одержимых твоей красотой
Для победы над ней вывел рать — твои косы.

Иль сама ты — властитель красы, а над нею
Гумаюн распростер благодать — твои косы?

Иль на свитке чела живописец предвечный,
Будто строчки, сумел начертать твои косы?

Смутой судного дня истомили мой разум,
Тяжко мучат опять и опять твои косы.

В цветнике красоты твои очи — нарциссы,
Гиацинтам душистым под стать твои косы.

Тонкий стан твой искать ли? Фуркат надорвется,
Приподняв драгоценную кладь — твои косы!

* * *

В цветнике красы твой облик рдеет, пышной розой став, —
Соловьем, я в страсти млею, от багряных слез кровав.

Сжался, к берегу свиданья помощи скорей доплыть, —
Захлестнет меня разлука, морем вспенившись стремглав.

Если праведник к моленью призовет меня в мечеть, —
Не склонюсь перед михрабом, бровь твою не увидав!

Я твои уста хмельные лишь увижу на пиру —
Истекаю кровью, сломлен чистым хмелем без приправ.

Волен я, едва увижу твой бесстрастный, томный взор, —
Кто сказал: «На вялость глянешь — станешь вял» — вовеки прав!

Не стыди, когда на шею пряди кос твоих я вью, —
Ведь у взбалмошного сердца и в любви строптивый нрав!

Затаил на сердце раны от меча любви Фуркат, —
Слезы из очей струится, цвет у крови переняв.

* * *

Твой лик все розы пристыдит — ведь нет краснее ролы,
И мнится: больше ни одной нет по весне и розы!

Ты выйдешь — путь твой, как ковром, устелется цветами, —
Ступай по ним — того и ждут, душой робея, розы!

Уста и лик, чело и стан — цветы единой ветви,
Вся стать твоя — цветник из роз, сдружились с нею розы!

В саду времен немало роз, но нет тебе подобных,
Ты — словно роза без шипов, и нет чуднее розы!

И разве прошлую весной не сгнули с позором
Возросшие вокруг тебя, равняться смея, розы?

В охапку их садовник сгреб и из базаре продал,
И поделом погибли все от той затеи розы!

Когда одеждою стеснен твой нежный стан — не диво:
Ведь от своих же лепестков всегда в беде и розы!

Зачем Фуркату зреть цветник, где ты не зреешь розой?
В любом цветке колючка есть, нет розно с ною розы!

* * *

Впору лоб разбить о камень - так со мною ты хитра,
А другим ты - будто светоч в их веселье до утра!

Сок медового нектара источают перлы губ -
Ты превыше попугаев в сладкоречии быстра.

Твой халат сравнил я с розой и, наверно, оплошал -
Так изящна и прекрасна стана легкого игра.

Хочешь - жизнь пролью по каплям я серебряным дождем,
Серебро тебе любезно: стать твоя - из серебра.

Все дано тебе с избытком: красота, веселость, ум, -
Жаль, что рушишь ты обеты и со мною не добра.

Но поймешь ты, как я жалок, в мой убогий дом придешь,
Не чужда ты состраданию - и в тебе есть свет добра.

Нет, Фуркат, тебя не сгубит это диво красоты -

Говорил ты неучтиво, и одуматься пора!

* * *

Пришли, настали дни весны, я страстью обуян,
В душе тюльпанами цветут сто тысяч свежих ран.

Пахнёт весенний ветерок — и зелена земля,
В цветных коврах и скаты гор, и ширь степных полян.

Благоуханьем охмелен веселый гомон птиц,
И горлицу и соловья томит любви дурман.

Покров свой скинули цветы, соцветья распустив,
Нарциссы, лилии цветут, и розы лик румян.

И божьей волею леса зазеленели вдруг,
Встают тюльпаны меж камней, их вешний цвет багрян.

Но беспечальна ли душа среди веселых кущ?
Прекрасны розы, а в душе от их шипов изъян!

Сто тысяч смут в душе моей от дивных чаровниц,
И сердце волнами бурлит, как грозный океан.

О мусульмане, как сказать о жаре мук моих?
Все тело сожжено дотла, и пепел тлеет, дрян.

Как пленник горя и разлук, смятен душой Фуркат,
Рыдает горлицею он, от мук стенаний пьян.

МУХАММАСЫ

* * *

Сколько мне досталось, братья, от моей любви тревог!
Мчусь, как ветер, без приюта, — я без крова изнемог,
Я в пустыне испытаний неприкаян, одинок.
Ни друзей, ни близких нету, и богатств я не сберег,
Век суров, врагов—без счета, от друзей—какой мне прок?

Мы с моим несчастным сердцем гак сдружились — нет родней.
Давят душу кудри милой, как сто тысяч злых цепей!
О, она ведь беспощадный, кровожадный лиходея:
Всех кровавой казнью губит, кто посмел перечить ей,
На коне она промчится — остр и лют ее клинок!

Приоткинув покрывало, лишь покажет дивный лик —
Сердце соловьем застонет, захмелеет в гот же миг!
Что за прелесть, что за диво, — меж людей раздор и крик.
Что за мускусные косы — их извив и зол и дик,
Аромат от них струится — амброй землю обволок!

От моих ночных стенаний в мир запало много бед,
Только пери им не внемлет, ей до них и дела нет!
У меня ж к моей желанной просьба есть — один завет.
Разузнала б о бедняге—есть ли в нем хоть жизни след, —
Весь, дотла сгорит влюбленный — ей и это невдомек!

Плоть моя слаба к хила от камней ее обид,
Грудь терзая, жар страданий душу с сердцем пламенит,
А от слёз моих рыданий мир потоками размыт!
Ведь она отравным зельем даже небо напоит, —
Умер я и сгинул в небыль, жизнь мою позор пресек!

Знать, судьба любовь такую в наказанье мне дала,
Кару на меня низвергла, мук наслала без числа!

Где она такое диво на беду мою нашла —
Луноликую смутьянку — воплощенье мук и зла:
Разорила мне всю душу — вот как гнет ее жесток!

Злобный рок всю жизнь мне губит и бедой гнетёт меня,
Бросив в плен в силок измены, вверг во власть невзгод меня.
От любимой отлучает, повергает в гнет меня,
Я в разлуке с луноликой, любит волчий сброд меня, —
Вот каким лихим напастям гнев небес меня обрек!

На судьбу ропщу, стеная, — только мало, то — не в счет.
Сердце кровью истекает, кровь из глаз моих течет!
Мне — такое наказание, а сопернику — почет,
Друг мой—зло, приятель—мука, а печаль—мой доброхот
Обо мне никто не спросит, я покинут и убог!

Я коварством злого рока до предела изведен,
Кровь измен я пью и кровью обагрён со всех сторон!
Словно кудри дев прекрасных, вьюсь я, всей душой смятен
Без луны моей ночами мой удел—лишь вопль и стоп, —
Ах, каких невзгод, несчастный, на себя я не навлек!

Да падет твой свод, о небо, — сколько бед наслало ты!
Мучишь ты меня любовью, кар мне шлешь немало ты.
Ты слезам моим не внемлешь, казнь моя, опала — ты!
Что ж, карай меня, как хочешь, как всегда карало ты!
Нету силы жить, — я сердце от безумств не уберег!

Рок отторг меня от милой, истерзав мечом обид,
Горький дол державы сердца той шахиней не забудь!
Почернела от печали белизна глазных орбит,
Зацветут тюльпаны кровью там, где буду я зарыт, —
Их цветы — как боль разлуки, язв души сплошной ожог!

Доведется ли, о боже, лунным ликом тешить взгляд,
Плача, рассказать любимой, как жесток души разлад?
Сколько дней в степи разлуки я страданиями объят!
И хоть кто-нибудь спросил бы: «Где поверженный Фуркат?
Здесь ли тот, кто посрамленья от любви снести не смог?»

* * *

О, побудь только миг! Не останешься - что ж, не обижусь.
Вот тебе пиала, до конца не допьешь - не обижусь.
Не сержусь я совсем, укоришь, что негож, - не обижусь,
Хоть какую виной сироту попрекнешь - не обижусь,
Даже имя мое хоть сто лет не тревожь - не обижусь.

День и ночь ты со мной, ты - судьба моей горестной доли, -
Кто ж еще, как не ты, исцелит мое сердце от боли?
О, прости мне грехи, умираю, и силы нет боле!
Мой соперник с тобой, а презренье сносить мне доколе?
Мне бы видеть тебя, а не глянув, пройдешь - не обижусь.

Не придешь, но живи! Жив ли я или сломлен напастью,
Даже ядом измен лечишь ты, как живительной сладью!
Навестишь или нет - не взыщу, не привык я к участию.
Если ты весела - мне ль томиться по большому счастью?
Хоть измучен тобой, а не спросишь - я все ж не обижусь.

Все скажу я тебе, о Юсуф в одеянье пунцовом,
Пусть шалаш Зулейхи на пути твоём станет мне кровом!
Лишь с мечтой о тебе буду я и живым и здоровым,
Ты ведь шах красоты, я же нищ - о, внемли моим зовам,
Ни слугой, ни рабом ты меня не возьмешь - не обижусь.

Здесь в Коканде, не видя тебя, не встречая, не жить мне,
Не обняв тебя ночью - не спать, дорогая, не жить мне!

Ведь измучен совсем я, в разлуке блуждая, - не жить мне.
Грудь ножом рассеки, не почую ножа я - не жить мне!
А и мертвым не вспомнишь - и то ни на грош не обижусь.

О луна моя, сжался, порадуй отверженных новью -
Разве трудно тебе снизойти, расспросив о здоровье?
Дух и тело темны, взор мой застыт мучения кровью,
Исцеленьем от мук хоть на миг подступи к изголовью,
А не вспомнишь Фурката, к нему не придешь - не обижусь.

* * *

Не поймут моих бедствий люди, я тепла людского лишен,
От отчизны вдали скитаясь, я друзей, их слова лишен,
Как безродный, бездомный нищий, я всего земного лишен,
На далекой чужбине кинут, одинок я, крова лишен,
Как заблудшая птица маясь, я гнезда родного лишен!

Что ни миг, то новые беды тучей вьются над головой,
Что ни миг, опалает сердце новой мукою огневой,
Небосвод в меня стрелы мечет, натянув свой лук тетивой, —
Будто жив я, а все гадают: мертвый я иль еще живой, —
Вид мой будто схож с человеческим, да всего живого лишен!

Если брошен я на чужбине, то всему причина одна,
Если слезы я лью в кручине, то всему причина одна,
Если, хворый, скитаюсь ныне, то всему причина одна,
Если крова нет и в помине, то всему причина одна:
Отлучен от порога милой, я всего сурово лишен!

Ах, пленен я, пленен безумно красотой лукавой и злой,
Я в разлуке измучен сердцем, взор мой словно бы застлан мглой,
Опаленный пламенем страсти, весь стрел я п стал золой.
Весь дотла я спален любовью, вместо тела—лишь пепла слой, —

Я и малой приметы жизни бурей вихря злого лишен!

Если плачу я, где бы ни был — в море, в долах, — в том дива нет,
Если перлы из глаз роняю слёз тяжелых, — в том дива нет.
Не жалейте, друзья, таких вот — в горе квелых, — в том дива нет,
Если жгуч соловьиный стон мой, словно всполох, — в том дива
нет:
Вешних куц я, где зреют розы и цветут пунцово, лишен!

Если мне такую недолю даровал бег времен, — как быть?
Если горьким попреки стали мне и птица и сон, — как быть?
Если влаги в жестокой жажде и глотка я лишен, — как быть?
Если тусклым солнцем чужбины светит мне небосклон, — как
быть?
Я навек и защиты неба и его покрова лишен!

Ведь того, кто мужеством славен, храбрецом завятым зовут,
Кто в беседы друзьями принят, все его собратом зовут,
Кто заброшен в степи забвенья, все его проклятым зовут,
А меня по этой причине жертвой бед — Фуркатом зовут, —
Сколько лет я забыт любимой — и любви и зова лишен!

* * *

Я от куц родимого сада, как от роз соловей, отторгнут,
От моей чаровницы стройной и от розы моей отторгнут,
Кровью сердца я от любимой что ни день все сильнее отторгнут,
Мой приют теперь на чужбине, я отчизной своей отторгнут,
Словно птица от мест гнездовья, от родимых ветвей отторгнут!

Только вспомню уста-рубины — обливается сердце кровью,
А припомню глаза-нарциссы — сникну я, где уж быть здоровью!
Высох я — лишь кожа да кости, — так в разлуке сожжен любовью.
«Будто жив, а с людьми не схож он!» — предается народ

злословью.

В ком разлад меж душой и телом, тот навек от людей отторгнут!

Помутился вконец рассудок, а виною — одна причина,
Если темен мой ум, а разум не со мною — одна причина,
Если я заблудшим ягненком бляя, ною — одна причина,
Если я расстался с родимой стороною — одна причина:
Я от той, что милостью сердца всех на свете добрей, отторгнут!

Как безумный Меджнун скитаюсь, клича призрак Лейли в
пустыне,
Я закован накрепко в цепи, нет ума во мне и в помине!
Ведь любой по уму и силам путь себе избирал доньше, —
Не судите меня за прихоть мыкать горе в дикой долине:
Я, как пес, забыт караваном, в глушь пустынь и степей отторгнут!

Я изранен вконец печалью, грудь открыта гибельным стрелам,
Обессилен жестокой мукой, рухнул я изможденным телом,
Славен бог, перед ним хоть чист я и служу ему добрым делом!
А любовью дотла сожжен я, — жалким, прахом стал обгорелым,
Вихрем бедствий я в глубь пустыни, где кружит суховей,
отторгнут!

Лишь припомню я сад цветущий — времена отошедшей были, —
Повесть бед моих мне расскажут лепестки облетевших Лилий,
Скажут розы в крови багровой, как шипы мою боль язвили,
По листочкам увядшей розы я прочту об остывшем пыле, —
Я в мирском цветнике от песен, как больной соловей, отторгнут!

Ты — как солнце небес предвечных, ты — луна в высях их
чертога,
Ты—владычица стран небесных, ты—светило у их порога,
Всё величие Искандера пред тобой во прахе убого.
Ты царишь над пределом истин, тайн сокрытых ведаешь много,

—
Я от той, что всех совершенней, благородней, мудрей, отторгнут!

Как мне жить меж людей безбедно, чтоб не гнула меня кручина?
А сказать о моем сиротстве или скрыть его — всё едино!
Что за прок от моих дастанов, будь стократ в них длина аршина?
Как найти мне такое средство, чтоб минула меня чужбина?
Я вращеньем небесной выси от надежды моей отторгнут!

Кто увидит мой стан согбенный, — «Это — тяготы страсти!» — скажут,
Про недуги больного тела — «Это — злые напасти!» — скажут,
«Где же видано, чтоб изгнанник ведал дружбу и счастье?» — скажут,
И «Фуркат» его имя в людях — за такое злосчастье!» — скажут:
Сколько лет я от той жестокой, сколько тягостных дней отторгнут!

* * *

Мук, не пережитых мною, в мире не найдет никто,
Мной не веданных не сыщут бедствий и невзгод никто,
Расскажу — моих мучений, верно, не поймет никто, —
И не стерпит из влюбленных столь же тяжкий гнет никто,
Даже слов об этих бедах не перенесет никто!

В горестях любви вращаться, как небесный круг, я стал,
Неприкаянным скитальцем всех земных округ я стал,
Я от горя умираю, пленником разлук я стал,
Напролет все ночи плачу, изнывать от мук я стал, —
Не идут друзья проведать, все наперечет — никто!

Рать печали набежала, плоть мою лишила сил,
Гнет разлуки жилу жизни в тонкий прутик превратил,

От набегов войска горя сердце потеряло пыл,
Сонм лихих мучений стан мой, словно букву «даль», сломил,
Мысли тонки, как ресницы, — их не разберет никто!

Как ночами я томился, в горе одиноком был,
В кровь изранен, вечной жертвой я людским попрекам был,
Мало этих двух напастей, — я раздавлен роком был,
Ах, да что там — я в несчастье, горьком и жестоком был,
Но со мной, как друг, не ведал тех моих забот никто!

Радостно бродить по свету тихим долом я хотел,
Жить беспечно, ставши другом всем веселым, я хотел,
С ними быть, цепляясь крепко к их подолам, я хотел,
Помогать другим в уделе их тяжелом я хотел, —
Всем мечтам моим напрасным кто же знает счет? Никто!

Все, кому чистосердечно всей душою я радел,
Мне любовью не платили, злых свершив немало дел,
Нету равных мне в злосчастье, кто бы столько бед терпел,
Все, кому стократ был верен, клали верности предел, —
Видно, верных в мире нету, верность не блюдет никто!

Сколько мыкался по свету, день и ночь сбивался с ног,
Сколько дел я переделал, сколько бед я перевозмог,
На любой служил с усердьем, сколько ни было дорог!
Хоть сложил и жизнь и душу я у многих на порог,
Ласкою меня не встретил у своих ворот никто!

Долго в мире я метался, одержимый суетой,
На беду себе сгубил я жизнь бездумностью пустой,
Благ смирения не знал я, занят глупой маемой,
Шел я гибельной дорогой, а уйти с дороги той
Не помог, пока счастливый не приспел черед, никто!

Так вот жил я, неразумьем годы меряя, увы,
Не сберег себя от скверны лицемерия, увы,
Мне рассветом и не брезжил мрак безверия, увы,
Жизнь прошла, и горько каюсь в той потере я, увы, —
Жаль, не смог мне в той гордыне указать исход никто!

Помышляя я днем и ночью лишь о зле мирских сует,
Доброго служенья старцам не исполнил я обет,
Так вот — в безысходном сраме — я влачился много лет!
Мне б о вечной жизни думать, совершать добро, — так нет,
Зло вершил, с каким не знался — знаю наперед — никто!

Все заблудшие — мне братья, все злосчастные — друзья,
Все, кому мечи страданий в грудь вонзили остря;,
В прах унижен, приклонился головой на камень я,
Я — родня в пустыне бедствий всем, кто бродит без жилья, —
Слезы лью в приюте горя, как вовек не льет никто!

В мире каждый, кто спознался с муками п злом любви,
Кто благой душою принял тяжкий гнет истом любви,
Шахом красоты обласкан, будет позван в дом любви,
Будто милостыней нищий, наделен добром любви, —
Я ж у милой двери счастлив, где не знал щедрот никто!

Сломлен страстью к дивной пери, я томлюсь в плену, Фуркат,
Словно горлица, стенаю, люб мне томных песен лад,
Жала стрел — ее ресницы, брови — саблями разят,
Я, как сыч среди развалин, скорбной думою объят,
Но ко мне из всех красавиц гостьей не придет никто!

МУХАММАС НА ГАЗЕЛЬ НАВОИ

Когда она, смягчась душой, ко мне прийти была готова,
В разлуке я изнемогал, страдал и мучился сурово.

И вдруг она в мой дом пришла — под сень заброшенного крова,
—

Витки кудрей спустив па лик как бы завесою покрова,
Зардевшись розой, и спеша, и разрумянившись пунцово.

Грозил мне казнь меч ее — бедой отточенное жало,
А очи — будто мир пленить внезапно войско набежало,
Жестокий взор череда ресниц, как будто стража, окружала,
И в каждой, как коварный враг, таилось острие кинжала,
И косы обвивали стан, светясь от мускуса лилово.

Когда я разум потерял, и речь мне немотой томило,
А сердце и душа мои стенали горько и уныло, —
Ты, чаровница, мне зажглась в ночи, как яркое светило,
Как будто в мрачный мой уют, пылая, солнце вдруг вступило,
И я пылинкою дрожал в лучах сиянья золотого!

О, как тот вечер светел был, каким тогда я был счастливым,
Когда моя отрада вдруг вбежала, дверь открыв порывом,
И я сказал: «О, снизойди к моим безропотным призывам!»
И улыбнулась мне она, дыша участием терпеливым,
И было краше перлов мне в ее устах любое слово!

«Поверь, — мне молвила она, — ведь я тебе верна, — ты ждал ли?
Ведь я, разлукой истомясь, теперь к тебе нежна, — ты ждал ли?
Ведь верностью подобных мне не знали времена, — ты ждал ли?
О горький дыхатель мой, — сказала мне она, — ты ждал ли?
А я, растерянный, молчал, не в силах молвить и полслова!

Мой горький дом узрев, она скорбела, всей душой сгорая,
И сжалилась и завлекла, н понял, как она добра, я!
Ей внятен стал мой скорбный хмель, что пил я, в горе умирая,
И мне она вина дала, наполнив кубок мой до края,
А хмель испив, она меня стократ гнела лукавством снова!

«Что, видно, ветер ласк и нег волненью твоему причиной, —
Не обо мне ль ты цвел мечтой, стеная песней соловьиной?
С чего ж ты так внезапно смолк, как будто сломленный
кручиной?»

Эх ты, Меджнун! Узрел меня — весь ум утратил в миг единый!
Хоть слово молви, будь смелей хотя бы от вина хмельного!»

Ее лицо, ее глаза так властно звали к поцелуям:

«Не отрывай от уст уста, лобзанья страстные даруй им!»

И я не мог сдержать себя, словами нежными волнуем,
Я пал без чувств и застонал, как стонем мы, когда горюем, —
Ист, не вином я был сражен, а негой ласкового зова!

Когда любимая придет, Фуркат, не быть тут сновиденьям, —
В любую Пору ночь встречай всечасным неусыпным бденьем,
Внемли наставникам любви, урокам их и наставленьям!
И да изгонит муку сна навек ночным увеселеньем, —
Ты сна не знай, как Павой, вплоть до судилища земного!

МУХАММАС НА ГАЗЕЛЬ МАШРАБА

Я влюблен, околдован страстью, про любовь мою не пытай,
Опален я любовным жаром, а кого люблю — не пытай!
Где скитался — в морях, на суше, жил в каком краю — не пытай.
Ветер! В горе я. путь-дорогу к моему жилью не пытан.
Как, дотла огнем опаленный, вновь и вновь горю, — не пытай!

От коварств неверного рока было бедствий немало мне,
От рыданий по скорбной доле все глаза застилало мне,
Тешить сжатое мукой сердце лишь мечтами пристало мне!
Если ж вспомнит Лейли скитальца, — сколько б писем ни слала
мне,
Ты вовеки не гождь в Меджнуны, — что я в них таю, — не пытай!

Лишь свободный от мук страдания счастье радостной воли знал,
Разве кто-нибудь из бездольных о властительной доле знал?
Кто ж из доблестных разумением мрак простецкой недоли знал?
Только мыкавшийся без крова жизнь скитальческой голи знал!
Если ты — не собрат в несчастье, — что за слезы лью, не пытай!

Страсть повергла меня в безумье, мне с дороги бед не свернуть,
В сокрушенном от горя теле дух мой мечется, словно ртуть!
Счет потерял печалю сердца, — свой укор, отшельник, забудь, —
У не ведавших этой муки не дымилась от жара грудь, —
Если сердцем не знал ты Скорби, про беду мою не пытай!

Только с диким зверьем да с птицей я дружу, оборван и гол,
И не знаю, тропой ли доброй или злою стезей я шел!
Я по свету бродягой маюсь от набега невзгод и зол,
Я отторгнут в страну бездомных, стал мне люб бесприютный дол,
—
Джебраилом любви парю я, где полет взовью — не пытай!

Но прошел я огонь и воду, гнева их не страшась ничуть,
И ни разу сиянье правды не старалось меня минуть,
Чтил всегда закон шариата, только праведный знал я путь,
В море милости растворил я тленной плоти земную суть, —
Если истины ты не ведал, что за перл таю — не пытай!

Если этой стезей идешь ты, не сбивайся ни вкривь, ни вкось,
Будь доволен долей смиренья, дол скитаний пройди насквозь,
А назвался, Фуркат, скитальцем — не рыдай и стенанья брось!
Если жемчугом стать Машрабу в море мудрости довелось,
Ты о перлах, добытых мною, если чужд чутью, — не пытай!

МУСАДДАСЫ

* * *

О вызволи лань, зверолов, ей любо па воле, как мне,
Скинь сети, ведь ей нелегко в сиротской юдоли, как мне,
Без друга бродить суждено и ей поневоле, как мне,
Ей счастья в удел не дано в злосчастной доле, как мне!
Впились в нее стрелы измен, ей тяжко от боли, как мне,
Все сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли, как мне!

Обрежь ей тенета, пусти — помчится прыжок за прыжком,
Чужбина ей — мука и гнет, смертельный недуг ей знаком,
Пускай она в дальних горах резвится с любимым вдвоем!
Что стоит тебе? Отпусти, не мучь ее тесным силком!
Впились в нее стрелы измен, ей тяжко от боли, как мне,
Все сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли, как мне!

И пусть лишь единственный миг побудет с тобою она,
Помчится опять меж подруг, бегущих гурьбою, она,
Напьется из горных цветов водой голубую она,
И в смертный свой час о тебе вспомнит с мольбою она!
Впились в нее стрелы измен, ей тяжко от боли, как мне,
Все сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли, как мне!

Скитальцев бездомных не счесть, а ты — одного пощади,
Из бедных собратьев твоих одно существо пощади.
От слез твоя жертва дрожит, и всё в ней мертво, — пощади!
Не жаль тебе? Это — твой друг, — будь добр и его пощади!
Впились в нее стрелы измен, ей тяжко от боли, как мне,
Все сердце у пей сожжено, всю грудь ей вспороли, как мне!

Весной по зеленым холмам тюльпаны меж гор зацветут
И тесно ей станет от уз в плену у безжалостных пут,
Не вырвется — так и умрет в лихом одиночестве тут,

А вырвется — снова ловец на шее затянет ей жгут!
Впились в нее стрелы измен, ей тяжело от боли, как мне,
Все сердце у пей сожжено, всю грудь ей вспороли, как мне!

Ведь ты приневолил ее, арка и свой сумел затянуть,
Ты жертву волок на убой, тащил, не жалея ничуть,
Тюльпанами рдеющих ран, как клеймами, сжег ее грудь,
А хочешь продать — лучше мне продай ее, милостив будь!
Впились в нее стрелы измен, ей тяжело от боли, как мне,
Все сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли, как мне!

Она помраченным в уме, от мук бесноватым сродни,
И чаще, исполненной слез по скорбным утратам, сродни,
Погибшим в потоке сердцам, на части разъятым, сродни,
Ей павший от мук Сагдулла, воспетый Фуркатом, сродни.
Впились в нее стрелы измен, ей тяжело от боли как мне,
Все сердце у пей сожжено, всю грудь ей вспороли, как мне!

* * *

Трое нас - гуляк бездомных, кабачок нам - целый свет,
У кувшинов мотыльками вьемся, трое непосед,
Одержимы и хмельны мы, от вина впадаем в бред,
Мы забыли кров родимый и мирских не знаем бед!
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое горемык, мы бродим за любимую вослед,
Мы за ней идем до дома - от людей на нас навет!
Опьянеем, захмелеем - от ума пропал и след,
Не боимся мы ловушек, и приманка - нам не вред!
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое нас, мы - каландары, нас связал один обет,
А к другим, увы, не вхожи, дом чужой для нас - запрет!
Где вино, где наши чаши? Не осталось и примет.
В кабачке хозяин гневен, к нам участием не согрет.
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое братьев, всех зовем мы с нами обрести покой,
По земле бродя-скитаясь, обойти весь мир мирской,
Перед старшим мы склонимся со смиренностью такой,
Что претерпим все невзгоды под высокою рукой.
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое странников, мы просим всех поведать, кто - какой,
На врагов излить обиду, поделаясь своей тоской, -
С нами жить в уединенье, двери подперев доской,
Или в кабачке укрыться - в его смуте колдовской!
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое бедняков, зовем мы с нами плакать день-деньской,
Кто печален, кто обижен - с нами сердце успокой!
Мы мирским пренебрегаем, не блюдем закон людской,
Воспарим мы соловьями - нам заботы никакой!
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое скорбных, в сад с собою - кто не горд, того зовем,
С соловьями порезвиться на простор того зовем,
Мы из листьев, роз и веток жечь костер того зовем,
Сорок присных нам не надо, мы четвертого зовем!
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое нас - скитальцев, всех мы выйти в сад гурьбой зовем,
С соловьями потягаться всех, кто смел, с собой зовем,
С кипарисами повздорить - "Выходи любой!" - зовем,
Горлинок стыдить стенаньем - всех наперебой зовем!
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое верных, всех, кто хочет, выйти в сад гулять зовем,
Разделить в саду любимой с нами благодать зовем,
Спать любимой не давая, "Время зря не трать!" - зовем,
То мы сами засыпаем, то ее вставать зовем.
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое горемык, мы вместе чудной девой пленены,
День и ночь в мечтах мы с тою, чьи слова как мед вкусны,
Как-то раз мы к ней приходим, смотрим - спит и видит сны,
Видим: с нею врач-целитель - в изголовье той луны!
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое грустных, мы приходим - с ней соперники-лгуны,
Не от этой ли причины пери спит и видит сны?
Мускусом благоухая, пряди кос расплетены,
Блеск испарины подернул щеки томной белизны.
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Трое нас - кутил, пришли мы - видим: спит и видит сны, -
Знать, от муки и страданий плотно очи смежены,
На постели распростерта, и все члены холодны -
Видно, мы пришли напрасно из далекой стороны!
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,

Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Ах, зачем пришел к любимой ты, неумный, вдорный врач?
Ты - наш недруг и соперник, в глупостях упорный врач!
Отойди, ты здесь не нужен, лживый и притворный врач!
Лишь вздохнем мы - ты погибнешь, кончишь смертью черной,
врач!

Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Ах, зачем же сел ты рядом с ней, такой красивой, врач?
Мало сделал, а желаешь быть с большой поживой, врач!
Не подмешивай подруге зелье в пищу, лживый врач!
Лишь застнем мы - сгоришь ты, отойди, спесивый врач!
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

Ах, зачем сюда пришел ты - по какой причине, врач?
Сам ты всех погубишь жаром, в самозванном чине врач!
Отойди, ты здесь не нужен, в сладостной личине врач!
Эй, остерегись Фурката, ты - как ни лечи - не врач!
Кто любим - тот будет с нами, кто красив - тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет.

* * *

В зимний холод тепла никогда отыскать я не мог,
Я усладой запить никогда я, о братья, не мог,
Сладким хмелем любви горький разум попать я не мог,
Сколько было мне мук — я забыть их проклятья не мог!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Небосвод не радел мне пи разу во все времена,

Сколько я ни стенал, а судьба была злобе верна,
Мир меня не щадил, уж, казалось, измучив сполна,
Спало счастье мое, не очнувшись от тяжкого сна!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с пей отрады познать я не мог!

Жизнь проходит, увы, подневолен утратам я был,
Хоть бы раз п этой жизни счастливым, богатым я был!
Под поклажею мук непрестанно горбатым я был, —
О, когда б меж людьми их достойным собратом я был!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Кто — утечи в любви с девой, дивно красивой, обрел,
Кто — плоды всех услад в кущах жизни счастливой обрел,
Кто — раденьем судьбы свой удел справедливый обрел,
Кто — в Ташкенте, в торгах, свое счастье наживой обрел!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Горько юность прошла — лишь утратами срок ее мерь
Как ни тщился, не смог отпереть я заветную дверь,
Дом надежд моих пал под ударами бед и потерь,
От огня моих мук сожжено мое сердце теперь!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Жизнь летела стремглав, и в душе мне изъяны не счесть,
На груди моей язв, что от крови багряны, не счесть,
А на теле моем сколько горестных ран — и не счесть,
В сердце — ноющих клейм, что цветут, как тюльпаны, не счесть!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Для чего же я жил, так страдая жестоко, увы,
Для чего свет очей был мне дан волей рока, увы,
Вот и жизнь прожита без удач и без прока, увы.
Сколько тягостных дней прожил я одиноко, увы!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

На мирском торжестве я душою горел, как свеча, —
Чадом горе вилось, боль рыданий была горяча,
Каждый день, каждый миг был я жертвой в руках палача,
Весь истерзанный, я изнывал, свою муку влача!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Ах, лишили меня всех веселых услад небеса.
Затемнили мне свет горькой ночью утрат небеса,
Не на миг — навсегда мне страданья сулят небеса,
Даже пользу во вред обернули, Фуркат, небеса!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

АНБАР АТЫН

ГАЗЕЛИ

* * *

Открой глаза, — в кромешной тьме, увы, горюют горемыки,
Их счастье тьмой затемнено, безмолвны стоны их и крики.

Но всех детей вскормила мать — глаз не смыкая, их растила,
С любовью нежа у груди, — заботы матери велики!

И если мать ты чтить свою, ты уважать всех женщин должен, —
Взгляни: меж них красавиц тьма, они светлы и лунолики!

Мать и сестра милы тебе, но и в безвестном сонме женщин
Немало есть достойных, знай, — они прекрасны, не безлики!

Они—как плодоносный сад, цветущий спелыми плодами, —
Всем человеческим сынам — нетленный свет в их дивном лике!

Анбар, не их ли красота отражена в твоих газелях?
Поешь — в светлые слова, как светлые па волнах блики!

* * *

Увы, жестоко бытие — пришел черед лихих времен:
Одним—все блага и дары, другим—суровый гнет и стон!

Печальна молодая жизнь, и все развеяно бедой, —
Не лепестками чудных роз — цветет колючками бутон!

А госпожи, чей знатен род, в беспечной холе жизнь ведут—
Красуясь, в зеркало глядят, — все блага есть у знатных жен!

А у самих — ни красоты, ни нежной речи, — все дурны.
И тот, кто истинно красив, их клеветою окружен.

И для таких в твоих очах, Анбар, ресницы-стрелы есть, —
Метни в них дождь летящих стрел, разящий их со всех сторон!

* * *

Меж правоверных бедняки, и нищи и безгласны, есть,
Но и муллы и богачи, что над другими властны, есть.

Есть люди, в чьих руках закон, обычай, вера, шариат,
Но и обманутые злом, забиты и злосчастны, есть!

Смирению учат бедняков, а сами урывают куш, —
Такие, что к себе добры, а к бедным безучастны, есть.

Не ведать труженику благ, среди невзгод влачит он дни,
А рядом—гнусный лицемер, чьи ложь и гнет опасны, есть!

Но есть и люди, жен и дев готовые любить и чтить, —
Такие, что добры душой и с совестью согласны, есть!

Мужи добра для счастья всех чертоги блага возвели, —
Такие, чья душа чиста и чьи глаза прекрасны, есть!

Но есть влачащие свой век, и тех и этих сторонясь, —
Анбар подобные красой, что в темноте несчастны, есть!

* * *

Мои глаза — не бездна среди гор,
И не завеса двух миров — мой взор!

Взгляни в мой взор открыто — всё узришь,
И черных туч в нем нет — он не хитер.

И если видеть суть тебе дано,
Узри, что он не робок, — это вздор!

Что значит робость смиренных, если в ней
Есть сила злу идти наперекор!

Ведь зев тандыра как ни прикрывай,
А запах пищи рвется на простор!

Не верь, что вечны смуты злой судьбы:
Притухший уголь на пыланье скор!

И твердо знай: горит в Анбар огонь, —
Тюльпаны искр взвивает ввысь костер!

* * *

Удары рока жестоки — разбитой стала моя грудь,
Страдает от мечей судьбы, терпя их жала, моя грудь!

О братья! Тяжко мне в беде, на мне без счета язв и ран, —
И странно, что еще дышать не перестала моя грудь!

И как мне боль изобразить? Горит все тело, словно печь,
Все раны в сгустки запеклись, — кроваво-ала моя грудь!

И как дыханье описать? В печи горячий вьется чад, —
Не в силах выход он найти, — гореть устала моя грудь!

И пышет пламенем в груди, и все внутри обожжено,
И в жарком сердце плавит кровь, как сплав металла, моя грудь!

И давит тяжестью металл, и мне от смерти не спастись, —
Окаменевшая от мук, молчит устало моя грудь!

И сколько в этом мире есть спаленных горем, как Анбар, —
И образом их жгучих ран и боли стала моя грудь!

* * *

Цветы от горя увядать в мирском саду доколе будут?
Доколе юные ростки хиреть, томясь от боли, будут?

Нет, минет ночь, и тьма уйдет, подует предрассветный ветер,
Взойдет заря — и на лугах цветы расти на воле будут!

Светило яркое взойдет и солнечный шатер воздвигнет,
Уста смеющегося дня цвести в счастливой доле будут!

Невежда-суфий! Сетью зла да не погубишь ты мне сердце, —
О, долго ли твои глаза подачек ждать от голи будут?

И но запугивай меня, о кровопийца, клещ постылый, —
Твой саван и твое тряпье, о грешник, вечно что ли будут?

Ты проповедью не слепи глаза людей, о шейх двуличный, —
Когда-нибудь твои мечты разбиты поневоле будут!

Когда-нибудь у нас в стране исчезнут все оковы гнета, —
В стихах Анбар готов им плен—они тужить в неволе будут!

* * *

Ты совершенством красоты превыше всех чудес светла.
Но ты и смелостью, умом, рассудком—многих превзошла!

Моя любовь к твоей красе не знает граней, о луна, —
Сад моей жизни—шов навек, в нем алым розам нет числа.

Сиянье прелести твоей мне в поучение дано, —
Чтоб людям ревностно служить ты ум п силы мне дала!

И рада я дружить с тобой, и слушать сладость слов твоих, —
Когда ты речь свою ведешь, с меня спадает бремя зла!

Какое счастье мне дано: я с этою красой н родстве, —
Про ум и красоту твою Анбар стихи сложить смогла!

* * *

Нет, не ладьтесь к моим недугам, пойте, женщины Ферганы,
Вам трудиться под стать мужчинам, бодры духом вы и сильны.

Вкруг меня мотыльками вьетесь, радость дружбы своей даря,
Любо слушать вам пенье песен под звучанье моей струны.

Только, видно, теперь не хочет отступиться от тела хворь,
Чаша жизни пенится влагой, ей пределы чаши тесны.

Нет, подруги, мне полегчало, отпустил меня злой недуг:
Мы сегодня свиделись с вами,— хворь достойна такой цены.

А когда через край прольется чаша жизни моей, друзья,
Спойте людям мои газели, чтобы были всюду слышны.

Да вовек не иссякнет в розах аромат газелей Анбар,
Да цветут подруги улыбкой, как бутоны в тепле весны.

* * *

Если я умру, о братья, замуж дочь мою отдайте,
В чуждую сутягам-баям честную семью отдайте!

Дочь мою, мою бедняжку, потерявшую опору,
Мужу, что привык к заботе, к умному житью, отдайте.

Да такому, что на слабых не срывает зло обиды,
Кто не тронет бранным словом жизнь и честь ничью, отдайте.

А умру — не надо плакать, и от савана остатки,
В красный цвет окрасив, людям — флаг нести в строю — отдайте!

Сына моего сиротством, горьким хлебом не унижьте, —
Мудрецу, который мудрость даст ему свою, отдайте.

О Анбар, да будут дети, как отец, всю жизнь трудиться!
Их — благоуханью пастбищ, вольному жнивью отдайте!

* * *

Обновит бедный край мой счастливых потомков череда,
В разоренных просторах да станут цвести города.

Школы — детям на радость — откроются всюду, везде,
Будет новая смена богатством ученья горда.

В реках встанут запруды, безводная степь оживет,
Сельский люд от безводья вовек не познает вреда.

Будет женщинам чуждо моею печалью стенать —
Создадут они песни и будут их петь без стыда.

Увайси — моя бабка в оковах влачила свой век,
Ее счастье в Коканде развеялось в прах без следа.

В Маргилане отец мой томился вдали от родни,
Дед в разлуке с сестрою рыдал, отлучен от гнезда.

Верю: время наступит и радость все семьи найдут,
Будут счастливы жёны судьбою потомства всегда.

Жаль, Анбар не увидит, как светел и счастлив тот мир,—
О, как небо сурово и как быстротечны года!

* * *

Фергана примкнула к русским — жизнь тогда чудесной стала:
Русский стал узбеку братом, братство дружбой честной стало.

Русские в труде умелы и в делах благоразумны,
И от них простому люду польза дел известной стала.

Наши — те, кто образован, много знаний переняли,
Им в трудах подмога русских—как подарок лестный стала.

Но от гнета сильной власти скоро зло пошло повсюду, —
Сколько смелых в горьком горе жить в темнице тесной стало!

Были злы и встарь поборы, а теперь их стало вдвое.
Для людей ярмо налогов мукой повсеместной стало.

С острой саблей прежней кары пистолет теперь сдружился.
Жизнь от страха пред оружием — как недуг телесный стала.

Люди было взликовали: дескать, гнет ушел навеки,
Но у пришлой клики дружба с кликой знати местной стала!

Наши главари смекнули: цель одна у двух законов, —

Их тревогам сила власти помощью уместной стала.

А парод опять страдает и отчаяньем терзаем,
Меж людьми расти роптанье на обман бесчестный стало.

О Анбар, не подобают женщинам такие речи, —
Уйма жен, тебе подобных, сгинула, безвестной стала!

* * *

Слагайте песни, Мукими, в часы мужских бесед, —
Для женских песен наречен обычаем запрет!

Ведь лучше женщин, говорят, бог сотворил мужчин, —
Пусть ваши песни чтут и вас, а к нам почтенья нет!

Но если вправду вас корят за непокорный нрав,
Отмстите тем, кто изобрел такой закон-навет!

Вам любо правду говорить льстецам наперекор, —
Настанет время — ваша речь познает высь побед!

Перо, бумага — мне друзья в затворной тишине,
Но день придет — найдут тетрадь, и стих мой будет спет!

Мне хоть бы в семь десятков лет увидеть этот день!
А погребут Анбар — ну что ж: дана ей доля бед!

* * *

Думаю о светлой я поре, что другим годинам не чета,
О стране, которая красой всем земным долинам не чета!

О пустынях, где простор степей расцветет, как вешние луга,

О садах, которым все сады даже и помином не чета!

Там богатства, скрытые в горах, просятся: «Возьмите нас себе!»
И ручьи там—падающим с гор водяным лавинам не чета.

Шахи-повелители тех дней — Искандеру, Дарию сродни,
Пестунам сегодняшней поры, нашим властелинам не чета!

Что там слава сказочных волков, будто бы спасающих овец!
Благодатный мир грядущих лет никаким личинам не чета!

Нынче служат сорок дев одной, над другими властной, госпоже,
—

Жизнь свободных женщин тех времен прежним их судьбинам не
чета!

Баи, ненасытные к деньгам, у кого богатству счета нет,
Пастырям народного добра свойством ни единым не чета!

Тысячи поэтов пели песнь о страданьях любящих сердец, —
Свежий, ароматный стих Анбар этим их зачинам не чета!

* * *

Я у вас прошу защиты: вам, Фуркат, поможет русский,—
Пусть и мне в смиренной просьбе, словно брат, поможет русский.

Что ж, пришел — пришел во благо, пусть он новшества заводит:
Школы новые построить для ребят поможет русский.

Он сулил простому люду всё, что надобно, уладить,—
Пусть же будет верен слову — чем богат, поможет русский.

Я о докторах слыхала и подмоге русских рада:

Мне от хворей излечиться без затрат — поможет русский.

Видно, ноги клятву дали не пускать меня из дома —
Чтоб скорее излечение шло на лад, поможет русский.

Мне невмочь уже лечиться зельем знахарской отравы —
Дать мне снадобье в аптеке, а не яд, — поможет русский.

О друзья, нет сил мне зябнуть у остывшего сандала —
В моем доме печь построить, говорят, поможет русский.

И купить кровати детям — Амине, Биби, Усману —
Пусть они в уюте нежась мирно спят! — поможет русский.

Пусть старухи молодятся, укрываясь паранджою,
Юным стих Анбар — что мускус, им стократ поможет русский.

* * *

Для захватчиков-злодеев вожделенный плод — война,
Лихоимцам всем на благо реки крови льет война.

Кровожадные утробы насыщаются войной,
А народу ветер бедствий и смертельный гнет — война!

Живодеру любо сало, а барану свой живот, —
Кровопийцам дарит радость и утехи шлет война.

Лик войны бесчеловечен — зверю дикому под стать:
Как шакалы, крови жаждет алчный живоглот — война.

Цель войны — копить богатства, сеять смуту и грызню, —
Словно клад сокровищ, тешит весь собачий сброд война.

Только силою в могилу в злобе сильного сведешь,
Только в крепкой силе мира злую смерть найдет война!

Подними, Анбар, свой голос, женщин на врага зови, —
О, какое море бедствий и поток невзгод — война!

МУХАММАС

О творящая слов созвучья, детям, родичам дай совет, —
Пока бьется сердце, да будет им наказ тобою пропет!
Людям рода тебе родного и народу оставь завет,
В дар отчизне твоей прекрасной да останется песен след,
Передай дар искусства детям — довершат они твой обет!

Пусть познают язык парода — как реченья его звучат,
Пусть поймут, на каких дорогах им не будет в пути преград,
Пусть провидят, кого в тех далях заприметит их зоркий взгляд,
Пусть постигнут, как светят звезды — где восход их и где закат,
Научи, пока видят очи, их премудрости тех примет!

Повторяй это слово, сын мой, сделать думой его сумей,
Послужи своему народу и отчизне мудрой своей,
О беде и благе народа как о близком, своем радей,
Знай и верь, что в грядущем счастье станет долею всех людей, —
Эту веру твою воспримут поколенья грядущих лет!

Укрепи этой думой сердце, будь с каламом всегда, везде,
Речь веди с разуменьем дела, помышляй о людской страде,
И слагай стихи неустанно, передышки не знай в труде,
Все правдиво поведай миру — о любой печали-беде, —
Чтобы чтили твои заветы, кто придет за тобой вослед!

С чистым сердцем иди к поэтам, их достойным собратом будь,
Пусть перо твое будет острым, сам—делами богатым будь,

Утешай всех людей, опорой их невзгодам-утратам будь,
Будь с людьми, среди гуц парода — как глашатай добра там будь,
Пусть далеким потомкам будет твой зачин до конца допет!

Я теперь на бумаге сею, словно жемчуг, слов семена,
Будет время — увидят люди, что таит моих тайн казна!
Путы бедствий с моих потомков будут сброшены все, сполна,
И отпустят мне грех мой тяжкий—тот, что женщина я, жена,
И признают в женщине храбрость, для которой пределов нет!

Эй, Анбар, помолчи немного, понапрасну речей не трать,
До поры сдержи эти речи, их не время теперь писать,
Лучше пусть в твоём сердце зреет новых помыслов благодать,
И не надо стенать так горько, хоть па время с волнением сладь, —
Будет час, быть может, зардеет предсказаний твоих рассвет!

СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ

Ты славою, мой край, весь мир пройдешь,
Но где ни ступишь ты землей иною,
Будь сам собою, будь с собою схож —
С любимой и родимой стороною!

А. Арипов

ХАМЗА ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ

ГАЗЕЛИ

* * *

Лик твой — ясных зорь светлее, он сгубил и сжег меня,
Колдовских ресниц кинжалы губят, словно рок, меня!

Глаз твоих волшебных чары колдовством меня гнетут,
Каждый взор твой повергает в тысячи тревог меня!

Мне бедой нарциссы-очи, лунолика, грозят, —
Сжался! Грудь подставить стрелам твой укор обрек меня.

В час, когда походкой плавной величаво ты прошла,
От волненья даже разум убережь не смог меня.

По речам твоим тоскую, по нектару сладких уст, —
Зло измены наделило бледного щека меня!

В день, когда я, сломлен горем, от тебя привета ждал,
Вверг во тьму жестоких бедствий твой ответ-упрек меня.

Не взглянула на Нихана — что ей стоны и мольбы?
Ты — с другим, — какой суровый жребий подстерег меня!

* * *

Попроси у любимой, ветер, пусть, жалея меня, придет,
Пусть, красуясь повадкой властной, красотой маня, придет!

Одарила б она беседой изнемогшею от любви, —
Мне не надо лекарств целебных, пусть, хотя бы дразня, придет.

Сколько дней я вдали от милой, опечаленный и больной,
Пусть же злая шалунья-пери, милосердые храня, придет.

Пусть, когда я томлюсь в темнице, словно пойманный соловей,
Мрак измены рассеет роза п цветением дня придет!

Если ж гибнущих от разлуки нужно злобой ей погубить,
Пусть кинжалом в руках играя и невинных казня, придет.

Подступила судьба-разлука к изголовью моих скорбей, —
Пусть же мук моих врачеватель, боль из сердца гоня, придет.

Силы прочь изошли из тела, цвет румянца шафраном стал, —
Пусть она, чтоб утихло в сердце полыханье огня, придет.

Да простит она добрым сердцем все ошибки и все грехи, —
Пусть, когда от мук покаянья в сердце боль и грызня, придет.

Сколько верности обещала безответному Нихани!
Пусть обетов не губит ложью—за любовь не кляня, придет.

* * *

Под небосводом мир простерт немислимым базаром:
Там каждый со своей бедой, как продавец с товаром.

Там цены тяготам низки, а на добро — высоки,
И смерть приносит в жертву всех своим коварным чарам.

Хоть с виду добр и скромн бек, а на подачки жаден:
Богатый ждет его в дверях, встречает щедрым даром.

А тот, кто с истиной в ладу, — рыдает, мукой сломлен,

Его одежда так ветха, что не возьмешь задаром.

Быть может, в море правых дел мой кубок не потонет:
В том море, верно, тайна есть, что неподвластна карам.

Любого за упорство ждет жемчужина в награду, —
И бесталанного любовь своим одарит жаром.

Не будь беспечным — мук своих не открывай и другу:
Ведь бывший друг из всех врагов бывает самым ярым!

У мудрых в каждом слове есть решение многих истин —
Советам мудрецов внимай, чтоб не пропали даром!

И если люди упрекнут тебя, Нихан, — не бойся:
Укор полезен всем, кто смел, — п молодым, и старым!

* * *

Изранишь сердце — болью ран не упрекай меня!
Когда от мук я словно пьян, не упрекай меня!

Не жаждай крови слез моих и сжался надо мной,
А яд дала — так за дурман не упрекай меня.

Нет, не стрелю я сражен, а пиками ресниц, —
За то, что полон твой колчан, не упрекай меня.

О луноликая, взгляни на преданность мою!
Что мне Меджнуна жребий дан, — не упрекай меня.

Перед соперником, прошу, меня не опорочь
И — что любовью обуян — не упрекай меня.

Я — гость в стране твоей души, — не прогоняй, прими
Что я чужак из дальних стран — не упрекай меня.

Не надо так корить меня, с издевкой не гляди,
Не говори, что плох Нихан, не упрекай меня!

* * *

Красавица! Страстью объят, о как по тебе я тоскую!
Я, словно в ветвях соловей, рыдая и млея, тоскую.

Как много томительных дней прошло без свиданий, о пери,
Сдружился я с тысячью мук, в жестокой беде я тоскую.

Кумир мой! Вовеки никто, как я, не страдал от разлуки,
Все тело огнем занялось — душой пламенея, тоскую!

Бескрайни страданья мои, меня обрекла ты на муки:
Безумный, брожу я один, гонимый везде, я тоскую.

Пришла бы меня навестить, к мученьям моим сострадая!
Ты несколько дней не придешь — и я всё сильнее тоскую.

«Любовь твоя скоро придет», — едва лишь мне кто-либо скажет
—

Кружу я над ним мотыльком, в надежде робея, тоскую.

А вспомню, что ты далеко, что я, неприютный, покинут,
Кровь к горлу подступит комком, и я всё грустнее тоскую.

Я спрашивал всех о тебе, по улицам дальним скитался,
Молва осудила меня — погрязнув в стыде, я тоскую.

Но вот ты к Нихану пришла, и душу наполнила радость, —

Надежду — быть жертвой твоей всем сердцем лелея, тоскую.

* * *

Не говори, что для людей во всем нужна корысть,
То — участь грубого скота, удел лгуна — корысть!

Заслон добру и красоте, погибель славных дел,
Смиренью — недруг, вере — враг, всему вина — корысть.

Убийца чести и стыда, проклятье и позор,
Причина тягот и невзгод, с бедой дружна корысть.

В ловушку муха попадет — ее прихлопнут там, —
Смертельной карой за грехи воздаст сполна корысть.

Когда достойный продал честь, стал подлomu рабом,
Знать грузом спину гнет ему в дугу мошна-корысть.

А сколько позабывших честь спозналось с нищетой!
Повесить на плечи суму обречена корысть!

Ногами попран, словно сор, унижен добрый люд:
Когда страную правит зло, всему цена — корысть.

Голодным будешь — все равно не жадничай, Нихан:
Печать порока, божий гнев, сосуд без дна — корысть!

* * *

Если хочешь, чтобы в сердце был не мрак, а яркий свет,
Дружбы с мудрыми не бойся, не чуждайся их бесед.

Сил не тратя понапрасну, пустословием не грехи,

Если смел ты — вырви душу из оков пустых сует.

Помни, в чем залог смиренья: делай благо для людей,
А зовешься справедливым — но живи другим во вред!

Если цель твоя — быть добрым, к добронравию стремись,
И тебе в награду благо даст и тот и этот свет.

Никого нет в этом мире, кто бы бедствий не терпел,
И тебе, Нихан, придется в судный день держать ответ!

* * *

Во тьме измен завеса слёз в очах когда появится,
О сердце, верь: взойдет заря — твоя звезда появится!

Не будь беспечным, чувств своих не одолей гордынею:
Бывает — сытный день уйдет и вдруг нужда появится.

И малый промах не прощай, дав волю беззаботности:
От малой искры и пожар ведь иногда появится!

Упорным будь и верь в успех, простись с нетерпеливостью, —
О капля, в раковине зрей, и жемчуг да появится!

Да вскормит саженцы надежд родник высокой истины,
И верь, что поросль, зелена и молода, появится.

Бесцельна жизнь ханжей-святош в силках корыстолюбия,
Ступай с гуляками купить, и цель тогда появится!

Собою жертвой, никого не наделяй обидами,
Забудешь бога — сгубишь мед, и яд стыда появится.

Когда другим совет даешь — прожить по справедливости,
Да будет прям твой путь, Нихан, не то беда появится!

* * *

Ты — сама красота, твой пленителен лик,
Описать тебя — нем и бессилён язык!

Стрелы глаз твоих — словно недремлющий страж, —
Мир без них бы навек от покоя отвык!

Но нектар твоих уст не вливал в меня жизнь,
В злых укорах иссяк их живящий родник.

В лук жестокой рукою ты стрелы кладешь,
Никому нет спасенья от жалящих пик!

Легкий стан твой я с нежною пальмой сравню —
Тоньше, лучше сравнений мой ум не постиг!

Прядь кудрей я хотел у нее попросить, —
Ей смешно — мол, пустая мечта горемык!

О, яви мне, творец, милосердьё свое —
Как постигнуть её совершенства тайник?

Жар и пламя тех стонов, что жгут Нихани,
Даже сталь не могла бы стерпеть ни на миг!

* * *

Безумец, жаждущий любви, всегда томим надеждою,
Достойная сказаний страсть живет одним — надеждою.

Весь день томится мотылек мечтой об искрах пламени,
Приходит ночь — и гибнет он, в огне палим надеждою.

В саду бутоны уст твоих манят и закрываются,
Но утро к страждущим придет и будет им надеждою.

Влюбленных может ли страшить клинок твоей жестокости?
И перед смертью тоже мы дышать хотим надеждою.

Едва покинешь ты, Нихан, порог своей возлюбленной,
И обернется сто грехов врагам твоим надеждою!

* * *

Черты высокой красоты даны ее приметам,
Но чудо прелести земной лишь ей дано при этом.

Нацелясь стрелами ресниц и брови выгнув луком,
Привычно поражать людей очам, красой согретым.

Она прищуром властных глаз разит влюбленных насмерть,
Ее чело в венце кудрей красой сродни букетам.

Сто тысяч бедствий источать в единое мгновенье
Привычно зовам ее глаз, лукавым их обетам.

Она затмит и соловьев сладкоречивым пеньем:
Когда слова текут из уст, дано им быть шербетом.

Разъято сердце на куски — они висят, как нити:
Ей любо гребнем их чесать, в нутро мое продетым.

А твой удел, Нихан, один — молить любви и счастья
И лнуть к возлюбленной своей всегда — зимой и летом!

* * *

Быть верным вероломной — бесполезно,
Пылать к ней страстью томной — бесполезно.

В степи любви и мук бродить Меджнуном,
Скитаться, как бездомный, — бесполезно.

Когда в любви не встретишь чувств ответных,
Жить страстью неумемной бесполезно.

Когда к твоим страданиям равнодушны,
Влачить их груз яремный бесполезно.

Соперника, когда он лицемерит,
Встречать надеждой скромной бесполезно.

Хоть к горлу меч — молить о снисхожденье
Ту, что с душою темной, бесполезно.

И зря ты будешь клясть свое терпенье:
Тушить свой пыл истомный бесполезно!

И если ты, Нихан, стремишься к правде,
Дружить с той вероломной бесполезно!

* * *

Для влюбленного вовеки пет своей любимой лучше,
А возлюбленной — влюбленный, страстью одержимый, лучше!

Тьма невежества—погибель тем, кто ждет любви высокой,
Свет немеркнувшей надежды, знанием даримой, лучше!

Шейх, оставь чалму и четки — благочестия приметы,
Ты вином из доброй чаши злую душу вымой лучше!

От измен любви не скрыться даже в тысяче пристанищ,
Жить совой среди развалин, от людей гонимой, лучше.

Ниязи отверг в неверье жаркий пламень преисподней, —
Жар, что мотылек познает, пламенем палимый, лучше!

ДИДАКТИЧЕСКИЕ СТИХИ

ОБ УЧЕНЫЕ И НЕВЕЖЕСТВЕ

Будешь знаньями богат —
Все дела пойдут на лад:
Для ученого ни в море,
Ни на небе нет преград.

Будешь знаньем небогат —
Много понесешь утрат:
Побредешь в степном просторе
Как скотина — наугад.

Если грамотными будем,
Добрый мир построим людям,
Участь славную себе
И другим тогда добудем!

Если ж неучами будем,
На беду себя осудим:
Будем только соль глотать,
Сладкой пищи вкус забудем.

Просветимся — наш народ
Скоро славу обретет:
Воздадут нам в дальних странах
Уваженья я почет.

Неучу, наоборот,
Слепота — один исход:
Побредет, пути не видя,
Да и в яму попадет!

Одолеем твердь наук —
Всё подвластно нам вокруг:
Сила знанья нам поможет
Излечить любой недуг.

Будет разум глух и туг —
Всё уйдет у нас из рук:
Одолеют нас болезни.
Будет жизнь — сплошной недуг

Силу знанья привлечем —
Всё нам будет нипочем:
Тьму невежества погубим —
Насмерть поразим мечом!

ШКОЛА

О науке, нравах, знаньях издавна радела школа.
Будет в них успех высокий—знай: свершит то дело школа.

Как цветник, дождем политый, пышно зелень распускает,
Так цветущий сад прогресса орошать умела школа.

Школа — как рудник бесценный славы, радости и счастья:
В двух мирах даст всё, что надо для души и тела, школа,

Ведь народ, лишенный знания, обречен бесславно гибнуть, —
Потому у всех народов и почет имела школа!

Школа — верная опора для наук и просвещения,
Из своих сокровищ дарит мудрость без предела школа.

Посмотри: вокруг сто тысяч созданных трудом предметов!
Как плоды на древе жизни, их взрастить сумела школа.

Мы с людьми сомкнемся, сделав человека человеком,
Если будет к свету знаний приобщать нас смело школа!

КНИГА

Родник живой воды, душе отрада — книга!
Разумному, как жизнь, даст всё, что надо, книга.

Начало всех начал, бесценный перл дерзаний,
Недугам — как Лукман, страде услада — книга.

Поверженным сердцам — как лунный свет во мраке,
Целебный пыл души и светоч взгляда — книга.

От всех неожиданных бед надежная защита,
Невежеству и злу, как меч, преграда — книга!

Кто в пору юных дней приложит к ней старанье,
Тому всегда во всем быть другом рада книга!

НАУКА

Наука — путь к любой заветной цели.
Мы с нею бы и к звездам взмыть сумели!

Когда бы школ и знаний нам хватало,
У нас врачей могло бы быть немало!

Когда б у нас ученье было в силе,
Мы сами бы философов взрастили!

Одно лишь знание может быть вожатым —
В пути к прогрессу другом быть и братом!

КАЛАМ

Когда я стал учиться, мне был другом школьных лет калам:
Он ум п память мне развил и дал мне знанья свет, калам!

Он обучил и воспитал, стремленье мне к добру внушил,
Преподал скромности урок — не жить другим во вред — калам.

Когда не всё могли мне дать, как ни старались мать с отцом,
Ты верный путь мне указал и подал мне совет калам.

И вот прошел ученья срок, я мудрость грамоты постиг, —
Ты, за старанья мне воздав, в душе оставил след, калам!

Заветы, что мне дал калам, я никогда не забывал, —
За преданность поведал мне разумных слов секрет калам.

ЖАЛОБЫ НАПУГАННОГО «ОТВЕТСТВЕННОГО РАБОТНИКА»

Получить бы мне совет дяди Чигирика!
Я погряз в пучине бед, горький горемыка.

Сколько лет уж на виду я — «ответработник»,
А теперь попал в беду, сбился с панталыка!

Обучил свою жену — власть над ней утратил:
Как ее ни припугну — не боится крика.

Март подходит, с паранджой жены сводят счеты,
Как мне быть с моей женой, — вот ведь закавыка!

Если нет пути назад — жить, как прежде было, —
Значит — взять жену да в ад? — Это ж просто дико.

Будь она лицом плоха, был бы я спокоен:
Не было б тогда греха от такого «лика»!

Как мне быть — уйти совсем или примириться?
От беды я словно нем, стал почти заика!

Как?! Ее лукавых глаз и речей, что сахар,
Вдруг всего лишиться враз? — Нет уж извини-ка!

Что теперь ни предприму, как ни ухитрюсь,
Сам не верю никому — с мала до велика.

Дядя Чигирик, сосед! До прихода марта
Дай мне, бедному, совет, делом помощи-ка!

ЭРГАШ ДЖУМАНБУЛЬБУЛЬ-ОГЛЫ

МОЯ БИОГРАФИЯ

Отрывки из поэмы

* * *

Обо всем, что припомню, спою я для вас,
О былом по порядку начну я рассказ.
Все, что было со мною, поведаю вам —
Я цветник сладкозвучных речений припас.

Прародитель мой — праотец в пятом колене,
По прозванию Ядгар, жил, не ведая лени,
И прославлен был редкой искусностью слога —
Совершенством ему лишь доступной ступени.

А четвертый мой предок, что звался Лафас, —
Стихотворец отменный — скажу без прикрас, —
Был известен в народе как славный поэт —
Он на тоях и свадьбах налаживал саз.

Мулла-Таш — третий предок — был тоже поэтом,
Да еще и повсюду известным при этом,
Всюду славился он разумением мудрым —
Все внимали его наставленьям-советам.

А родитель отца — дед Мулла Халмурад
Поэтическим даром был тоже богат:
Дивный слог его, ведомый людям везде,
Был усвоен потомками и перенят.

И взлелеянный в сердце Муллой Халмурадом

Дар поэта он: передал трем своим чадам.
Джашузак — имя старшего сына-поэта,
Обучившего многих петь сладостным ладом.

Средний сын Ёрлакаб, даровитый поэт,
Слыл искусником, выше которого нет.
Джашузак был искусством его превзойден, —
Он народу стихами служил много лет.

И у младшего — Джуманбульбуля поэты
Мастерству обучались и брали советы.
На пирах, торжествах, да и в дружеском круге
Сколько раз его песни бывали пропеты!

Бог послал ему дар небывалых высот —
Им везде и всегда восхищался народ.
Состязаясь, поэты той давней поры
Ожидали: когда же Бульбуль запоем.

Песни нравились всем, хоть судили их строго, —
Восхищало звучание слова и слога.
Что Бульбуль ни споем, песнь какую ни сложит,
Одобрений поэту бывало премного.

Все любили его — и богач и бедняк,
Знатный муж досточтимый и нищий босяк.
Был известен в народе он, всеми любим, —
Слава шла перед ним, ускоряя свой шаг.

Выводил свой распев он на двадцать тонов —
Двадцать разных напевов, и каждый был нов!
Стар и млад восхищались, и пенье его
Потрясало сердца их до самых основ.

Безучастный к мирской суете, он не мог
Никакого богатства прикапливать впрок,
Все искусство свое он внимающим нес,
Веселил и смешил, доводил их до слез,
Но и то и другое — и смех и печаль —
Восхищало внимавших Бульбулю — всерьез...

В десять лет он впервые стал петь для гостей,
И прославился сразу певец-чудодей.
Пел он всюду, везде — в самых разных домах,
Свои песни слагал он для блага людей!

Мир наживы людской был ему ненавистен,
Не был жаден он, не был в деяньях корыстен.
Высшим радостям предан, он жизнь свою прожил,
Весь народ помнит мудрость пропетых им истин!

Знал он радость утех и жестокость невзгод,
Знал восторги веселья и горечь забот.
Он печалью печалился вместе с людьми,
Он дастаны слагал, утешая народ.

И молва о Бульбуле была повсеместна,
Было имя его в каждом доме известно,
Он узбекским народом любим был повсюду:
Только раз его слышать — и то было лестно!

Жизнь его была радостью песен светла,
Крепла день ото дня его пенью хвала.
Он унынья угрюмого в жизни не знал,
За собою народ его песня вела!..

И когда ему было уже пятьдесят,
Я родился на свет, и, восторгом объят,

Задал пир он великий, созвал весь парод,
Не жалея ни сил, ни огромных затрат.

И когда первый раз я лежал в колыбели,
Снова праздник был, гости собрались, шумели,
И три дня — днем и ночью — они пировали,
Многолюден был дом наш на этой неделе!

Много радости было в душе у отца,
Толпы родичей шли — веселились сердца.
Вот, мол, бог мне под старость п сына послал, —
Говорил им отец, веселясь без конца...

Родом перл-самоцвет, я увидел свет,
Был рожден-обогрет, был обут-одет,
Знал совет и привет с самых малых лет, —
Первых радостей-бед это были дни.

Прожил я только год — стал я краше роз,
Краше стал всех красот яркий блеск волос,
Соловьем — без забот — я и пел и рос, —
Году пятому счет положили дни.

В пять — работать был рад, доброй силой был,
В шесть — у малых ребят заводилой слыл,
В семь — в учение взят, я зубрилой был, —
Так дела шли на лад, и спешили дни.

Мне мулла показал, как писать «алиф»,
А потом я узнал буквы «бе» извив,
Был я мал да удал, был правдив — не лжив, —
Много щедрых похвал мне дарили дни!

В восемь — был тароват, был главой ребят,

Хоть и млад, был я хват — всем помочь был рад.
Что учил — всё подряд повторял стократ, —
Знаний редкостный клад мне открыли дни.

В девять — твердо рука знала вязь письма:
За строкою строка гак и шла сама!
И сильна, и легка, крепла мощь ума, —
Проходили пока без усилий дни!

В десять лет я привык чтить премудрость книг:
Их уча, я проник не в один тайник!
Первый был ученик, все познал-постиг, —
Каждый час, каждый миг вдаль спешили дни.

Я в одиннадцать лет кончил курс наук, —
Мил был родичам спет от моих заслуг!
Принаряжен-одет, стал красивым вдруг,
Проводил я без бед в юной силе дни!

У муллы стал слугой я в двенадцать лет,
Каждый день раз-другой принят в круг бесед,
Гнул я спину дугой, исполнял обет, —
Мне урок дорогой подносили дни.

День и ночь молодцом был я в гости вхож,
Вел себя не глупцом, говорил не ложь,
И в мольбе пред творцом — как, мол, сын хорош
Преклонясь, мать с отцом проводили дни.

Я в тринадцать на луг выходил борцом,
Был я телом упруг, сильным слыл юнцом,
Выходил я на круг, окружен кольцом,
Побеждал без натуг, — то-то были дни!

Через год взрослым став, я еще подрост,
Отвечал — прав, не прав — на любой вопрос,
Был спесивым мой нрав — задира я нос, —
Много разных забав мне дарили дни!

Лет в пятнадцать пошел я взглянуть окрест —
Кто где добр, кто где зол, — видел много мест,
А коня приобрел — совершал объезд,
Повидал много сел, — так спешили дни.

При отце — жизнь мила, был я лих и смел,
Без конца, без числа я друзей имел,
А врагов я дотла сокрушать умел,
Жизнь была весела, — то-то были дни!

Был отец очень рад: «Сын мой — просто клад!
Что ни сделает — в лад, — как ему велят.
Не поставишь ребят с ним в единый ряд,
Он друзьям — словно браг, а с врагами — хват!»
Так вот мы — стар и млад — проводили дни.

Мне в шестнадцать отцом был поручен дом:
«Раз ты стал молодцом — помоги трудом!»
Став жнецом и дельцом, я радел о том.
Чтоб в житье не худом проходили дни.

Принял я с отчих рук непомерный груз,
Стал нести тяжкий вьюк всех его обуз,
К делу разных послуг приобрел я вкус, —
Знанию трудных наук научили дни!

Дал мне в руки он кладь — все свои дела:
«Научись отличать доброту от зла,
На добро — все истрать, лишь бы честь была!»

Жить — добро наживать приучили дни.

В мой семнадцатый год стал женатым я,
Собрался весь наш род — вся родня-семья.
От отцовских щедрот для житья-бытья
Дом был дан мне в уход, — так судили дни...

Юность — словно весна, молодцу — расцвет:
Если сила дана с самых малых лет,
Если юность полна, радость пьешь до дна,
Старость тоже красна — не познаешь бед.

Молодая пора что цветок цветет:
Жизнь примчится: быстра, как потоки вод.
Коль судьба недобра, не сулит добра,
День — с утра до утра — словно долгий год.

Будет умной жена — нет добру преград,
Славу мужа она вознесет стократ,
А смирна, да верна, да тиха-дружна —
Не жена, а казна: дома тишь да лад!

А отмыт добела да улажен дом —
Тоже: «Мужу — хвала», — говорят о том,
А жена весела да мила-незла —
Скажут: «Ну и дела, всё-то ладно в нем!»

Если муж нехорош, все равно он муж,
Если мил да пригож — он и люб к тому ж,
А плохую возьмешь — как ее ни строжь,
Будет жить невтерпеж — хоть семью разрушь!

Да не знать молодцу от жены вреда!
Молодцу — не к лицу, коль жена худа.

А жена не худа — ей и нет суда:
К молодцу-удальцу не придет беда!

Двое ладных сошлись — есть у друга друг,
А плохи — как ни тщись — будет узел туг!
А плохую прельстись — значит, зло приблизь,
Туг ярись, не ярись — всё уйдет из рук!

Теперь и у меня была семья.
Внимайте же словам моим, друзья:
Такая суматоха тут пошла,
Что мне совсем не стало и житья.

Разумницей моя жена была,
Ей редкая краса дана была,
Заботливой, умелой, деловой,
Прилежную в труде она была.

Два младших брата — двое пареньков,
Один — восьми, другой — шести годков,
Мне на руки остались от отца,
И каждый был разумен и толков...

Оба дружны с домброй, как пойдут на двух —
Как займутся игрой — занимался дух.
И один и второй пели так порой,
Что стихов ладный строй зачарует слух.

На домбрах зазвенят да польется звук —
Все от этих услад затомятся вдруг.
Каждый, негой объят, похвалить их рад:
«Да не тронет разлад столь умелых рук!»

У обоих напев — слаще всех утех,

Все сидят присмирив, страсть объемлет всех.
Десять дней нараспев как ведут запев,
Им наг рада — не гнев, а хвала-успех.

Восхищался весь люд, их искусству рад,
Их хвалили за труд все — и стар, и млад.
«И отца превзойдут!» — говорили тут.
Что там суд-пересуд, если строен лад!

Звали их петь-играть в очень знатный круг,
Там их слушала знать изо всех округ.
Дом — попробуй-ка сладь! — всех не мог вобрать, —
Приходилось певать, повышая звук.

Лишь зальются уста — гость уйти не мог,
Словно дверь заперта па тугой замок!
Их дастан — не чета тем, чья суть пуста, —
Песня — звуком чиста, да и смысл глубок!

Каждый боек играть, каждый — лих певун,
Им любили внимать все — и стар, и юн.
Где ни встань, где ни сядь — их везде слышать:
Звукам песен под стать были звуки струн.

Как на двадцать ладов зазвучит домбра,
Каждый слушать готов, как их песнь добра.
Много разных тонов — каждый свеж и нов, —
Душу жгло до основ, если шла игра.

«Что за два удалца, — говорил народ, —
Оба вышли в отца, — говорил народ, —
Нет нигде молодца, — говорил народ, —
Чтобы так жег сердца!» — говорил народ.

Жизнь их ладна была: в этом нет прикрас,
Кто видал их дела, не отвел бы глаз.
С кем их дружба свела, те не знали зла,
Им любая хвала будет в самый раз.

Помоложе из них был Абдуджалил,
Старший брат из двоих был Абдухалил.
Каждый был в деле лих, а в повадках тих, —
Кто не слыхивал их, много слез пролил.

Вдруг беда: младший брат в мир ушел иной.
«Молодой смертью взят!» — стон стоял стеной.
Вспоминал я стократ речь его и взгляд,
Вспомню — горем объят, плачу, как шальной...

Саранча

Взошла пшеница порослью могучей,
Да саранча поналетела тучей,
И сколько бедствий выпало народу:
Все смято-сметено бедой горючей.

Выла добра пшеница, высока,
А не осталось в поле ни ростка!
Рыдают дети, о еде моля,
Но горе, горе! — в доме ни куска!

Посев взошел, ухожен п прополот,
И вдруг беда: пришел ублюдок-голод,
У малых и у старых отнял пищу, —
Посев дотла, до крошева размолот!

Народ объят тревогой: саранча!
Ползет беда, шуршащий хвост влача,

Погублен, смят и сожран урожай, —
Ох, эта тварь страшнее палача!

Да, «потрудилась» саранча немало:
Все всходы, сколько было их, сожрала,
Все, что добыто было бедным людом,
С земли содрала, все вокруг пропало!

Снялась вся беднота с родимых мест,
Пуста земля на много верст окрест.
Задуматься пришлось и богачам,
А нищий люд одну мякину ест.

Саранча — лютый враг — понашла-пришла,
Жмыхи гложет бедняк — не найдешь мосла.
Нищий люд, гол и наг, бьется так н сяк:
Мор — урод-вурдалак все сгубил дотла.

Наш народ, что ни год, жито сеет-жнет,
Злак иной, что ни всход, — всё сплошной осот.
Подоспел живоглот — разорен народ:
Весь свой скарб продает на голодный рот.

А какой нынче сбор? Лишь трава да сор!
Как ни ешь — будешь хвор: всюду голод-мор.
Живоглот поднапер — жадный рой обжор, —
Не вместит этих свор даже бездна гор!

Словно войско пришла саранча — что рать.
Толкам нет п числа: всяк горазд приврать.
И весна-то была вся теплым-тепла, —
Саранча все смогла за семь дней прибрать.

Люди плачут. «Беда!» — говорит народ,

«Съели все без следа», — говорит парод,
«Будут мор п нужда», — говорит народ,
«Ах» да «ох», «пег» да «да», — говорит парод.

Добралась за шесть дней до предгорий гор,
Сушь и водь — уж за ней: ход заразы скор!
Что ни день — все сильнее, путь ее длинней,
За хребтом из камней — ей опять простор.

А оттуда опять повернет назад —
Людам — только бежать: больно страшен гад!
Не боясь, лезет вспять та зараза, — глядь:
Уж ее не унять — прет за рядом ряд!

Вид у лезущих груд — словно быстро прут,
Сзади — будто ползут, слышен хруст да гуд.
Сладко, горько — жуют, треск и там и тут,
Видно, голод их лют — всё за миг сожрут.

Не наелись овсом — тут пшеница в ход,
Жрут — весом, невесом — каждый злак и плод.
Черный вал — колесом, черный пласт на всём:
В черном клине косом даль земель и вод.

Не ушли, не поев весь съедобный злак, —
Зеленевший посев стал и гол и-наг.
Лезли, зелень раздев, на припек-угрев,
В лютой жадности съев даже горький мак!

Средь ползучих громад был особый гад:
Пил из мака он яд, опьяненью рад!
Алчным пылом объят, он не знал преград:
Корни мака подряд обглодал стократ.

Там, где стаям в пути не попался рис, —
Ну к деревьям ползти — гложут верх и низ.
Грубый корм — не в чести, мягкий — не спасти!
Здесь листве — не расти: гад стволы погрыз!

Как в толченье людском — суета забот,
Каждый лист, каждый ком — всё на зуб берет.
Летом — лютым броском за любым куском,
А зимою — ползком, выжидать черед.

Все посевы пожрав, как огонь взъярясь,
Показав лютый нрав, отступила мразь:
Горы-долы поправ хуже всех потрав,
Выводить тьму орав — яйца класть взялась.

«То-то будет приплод!» — говорил народ,
«Все вокруг обдерет!» — говорил народ,
«Жито нам в этот год сеять — плох расчет,
И посеем — сожрет!» — говорил народ.

Даст весною приплод этих тварей блуд,
Не упомнит народ, чтоб их род был худ.
Нынче выдался год — все года не в счет, —
Значит, новый помет будет зол и лют.

По весне тот помет все места займет:
Голод, мор, недород — все его неймет.
Роют рвы — он вразброд, в разворот, в обход,
Снег ему или лед — всё ничто: не мрет!

В этот год от нолей и не жди зерна,
Нет зерна, нет стеблей — лишь стерня одна.
Как народ ни жалей — люди всё хилей,
Жита нет — голод злей, а на хлеб — цена!

Весь народ изнемог, от нужды убог,
Помрачнел от тревог да сбивался с ног.
Шел голодный ходок по пыли дорог:
Голод лют и жесток, путь-поход далек.

Тесным скопищем шел люд голодный прочь:
Тот, кто беден и гол, рад другим помочь,
Путь скитаний тяжел — много бед и зол:
Лютый гад лих и зол — людям мстить охоч!

Как безжалостна тля, вам рассказ я вел:
Много, голод суля, разорила сел,
Почернела земля, сором вдаль пыля, —
Опустели поля, стал бесплодным дол.

Сколько пагубный враг понанес обид!
Степь оделась во мрак — как зола дымит,
Горько стонет бедняк — хоть в могилу ляг,
Гибнет скот у бедняг, весь посев изрыт.

Призадумался люд: как нам быть теперь?
Всюду толки идут: мол, не счесть потерь.
Ну а те, кто не худ, чей карман раздут,
Дома досыта жрут, подперевши дверь!

Сколько слов ни потратить — не сочтешь обид,
А захочешь смолчать — вся душа сгорит.
Да, нелегкую кладь нам пришлось вздымать, —
Слово правды сказать — никому не стыд!

Вот я, поэт, сложил вам ладный стих,
И подтвердят вам правду слов моих.
Что было, как, — у старых узнают:

Доныне слышишь просьбы молодых.

А я — поэт, в словах п в речи спорый,
Больших поэтов списки мне — опорой.
У нас в роду все семь колен — поэты:
Они не знали речи краткой, скорой!

Наследник преискусных мастеров,
Я верен правде-истине их слов.
Они слова не расточали зря,
И выбор их речений был суров.

Иные стихотворцы — не чета им:
Слог их поэм нескладен, нечитаем,
В неслаженных словах, лишенных соли,
Не сыщем смысла, сколько ни читаем!

Убогий стих прочтешь — и желчь бурлит,
А ладный стих в уста как будто влит:
Искусны строки, ладно сложен слог, —
Как ни читаешь — внемлющий не сыт!

Но... ни к чему непрошеное слово —
О пережитом расскажу я снова, —
Уж лучше я опять вернусь к рассказу
О том, как было бедствие сурово.

Лили ливни из туч — вешний ливень рьян.
Рост пшеницы могуч: стебли — до стремян.
Теплый воздух пахуч, ярок вешний луч,
А в тепле гад живуч, хоть не ждан, не зван.

Саранча налегла, словно бремя зла,
От села до села весь посев смела.

А пшеница была! Тяжела, бела...
Только дрянь — удала: съела всё дотла.

Всё подъело ворье — не прошло и дня,
Поле — словно жнивье: лишь видна стерня.
«То, что было твое, то теперь — мое!» —
Лезет гад на жильё, людям вред чиня.

Не до свадеб-пиров — тут обедкам рад!
Сыт зеленый покров ободравший гад.
Степь — голее паров, голый вид суров,
От набега воров не сочтешь утрат.

Натерпелся парод — сколько дел-забот:
Как пойдет, как пройдет этот трудный год?
Кто у пастбищ живет, тот имеет скот:
Невеликий доход, ну а всё же — в счет!

И младший брат решил тогда, что впредь
Он пеньем добывать нам будет снесь:
«Ты рано впал в отчаяние, брат, —
Пойду я — песни людям буду петь!

Хозяйство, дом, — расходов-трат немало,
А ты ослаб, запасов нет нимало.
Я перейму отцовское искусство
И буду петь, как оп певал, бывало!»

«Побудь-ка дома, — я ему сказал, —
Повремени, еще ты очень мал,
Ну год, пу два, — ведь люди говорят:
Кто дольше ждал, тот лучше пировал».

Но не дошло до брата слово это —

Он не послушал моего совета,
Увы, напрасны были уговоры...
И сколько песен было им пропето!

Что сам решил, то для него закон.
На сборищах никто не пел, как он:
Среди людей о нем пошла молва,
Что так, как он, не пели испокон.

Всю зиму дивно пел он, повсеместно,
Где он певал, там людям было тесно,
И гёсех певцов искусством превзошел он:
«Нам так не спеть!» — они признали честно.

В любой кишлак придет — уже бегут:
«Абдухалил пришел!» — теснился люд.
Среди узбеков он известен стал:
«Что за бахши! Нигде так не поют!»

Везде он лучшим признан был по праву,
Кто его видел, всем он был по нраву,
Игре его и сладостному пенью
И стар, и млад — все возносили славу.

Слова журчали, словно ручеек:
Сердца людей оп к чистой влаге влек.
Собою ладен, сладкоречен, мил,
Как жемчуг, оп низал за слогом слог.

Теперь немало есть певцов бродячих,
Они в степях словес — трух-трух на клячах!
Им вместо уваженья — униженье, —
И — не хвали, а понадежней спрячь их!..

Зимой бродил он — мерил твердь дорог,
Пришла весна, и вышел песням срок:
Тепло весны сменил палящий зной,
И мне судил беду жестокий рок...

ПРИЧИТАНИЯ СЕСТЕР ПО УМЕРШЕМУ БРАТУ

Младшая:

Мой бобреночек заплутавший,
Ручеек ты мой запропавший,
Жить да жить бы тебе, мой братец,
В двадцать годиков смерть принявший!

Милый братец ты мой, младенчик,
Черным косам моим ты — венчик,
Роду-племени ты — надежда,
Золоченый ты мой бубенчик!

Скакуночек ты мой бегучий,
Верблюжоночек мой прыгучий,
На пирах соловьем-Бульбулем
С песней дружен ты был певучей.

Уж не ты ли мне был надежей,
Милый братец ты мой пригожий!
До ста лет тебе жить да жить бы,
Не видать бы судьбы негожей!

Посетило бы счастье братца —
Век бы жить да сиять-смеяться.
Ну, а был бы твой век счастливым —
И сестре бы с бедой не знаться!

А уж пел ты — нет звуков слаще, —
В лад струне, звонче всех звенящей.
И за что мне такая кара,
Где ж ты, братец мой запропаций?

И зачем не пришлось сестрице
Умереть — за тебя вступиться?
Отдала б себя па закланье,
Чтобы мог ты жить-веселиться!

Самым первым бывал ты всюду,
Пел на радость честному люду.
Умереть бы твоей сестрице, —
Как я жить без тебя-то буду?

А такого не стало братца —
Как сестре-то в живых остаться?
Боль и мука моей разлуки
Не меня ли сгубить грозится?

Как мне выжить в тоске палящей,
Огонечек ты мой светящий?
Как себя не сгубить кручиной,
Болью сердца такой щемящей?

Я по брату горюю-маюсь,
Одинешенька я скитаюсь.
А бывало я веселилась,
В злато-серебро наряжаясь.
Все-то косточки покололись,
Об камень дробясь-ломаясь.

Умер братец — скучаю-таю,

Без дорог по степи плутаю.
Если птице подбили крылья,
Не летать ей в родную стаю.

А уж братец был — таких-то мало!
Был острее острого кинжала,
Всех его притожестей-пригожеств
И на сотню молодцев бы стало!
Рядом с молодца ми-удальцами
Жгучим жаром он горел удало!
В синем небе над родимым краем
Слава ею соколом взлетала.
Кто его ни видел, кто ни слышал, —
Всем бывал он по сердцу, бывало!..

Как и все-то я жила-была,
Ни беды не ведая, пи зла.
Похвалить кого хотели люди —
Мне бывала первая хвала!

Приумолкла я, безгласной стала,
Неприметной, безучастной стала,
С милым моим братцем разлучившись,
Я несчастней всех несчастной стала!
Меж людьми я — будто бы чужая,
Жизнь моя — как сон напрасный стала!

О моей кручине думу думаю,
Стала молчаливой да угрюмою.
Нет, друзья, теперь со мною братика, —
Как мне одолеть лиху беду мою?

Старшая:

Грозный сокол, добычу рвущий,
Конь, быстрее всех коней бегущий,
Молодец, молодцов ведущий,
За собою друзей зовущий!

Братец-сокол крылатый; вай-вай,
Заводила-вожатый, вай-вай.

Младшая:

Мой утеныш в траве росистой,
Резвый птенчик мой голосистый,
Как же мне, не печалюсь, жить-то —
Коротать мой век неказистый?

Братец резвый да скорый, вай-вай,
Братец умный да спорый, вай-вай,

Старшая:

Всех пригожей ты да милее,
Всех речистей да веселее,
Всех-то молодцев ты смелее,
Силачей-то всех удалее.

Братец, братец-львеночек, вай-вай,
Гроза всех стороночек, вай-вай.

Младшая:

Коршуночек серый да ладный,
Ястребочек мой ненаглядный,
Скакунок в степи неоглядной,
Сокол-кречет в борьбе нещадный!

Ловок кречет — мой братец, вай-вай,
Всех размечет мой братец, вай-вай...

Старшая:

А уж статью-то братец — статный,
Да наружности-то приятной,
Весь-то ладный он, весь опрятный,
Речью-говором-то занятный!

Братец мой, певун голосистый,
Братец мой, говорун речистый!

Младшая:

Нет искусней его на слово,
Молодца не найдешь такого,
Всем заметен да всем приметен,
Меж друзьями — видней любого!

И смельчак и храбрец мой братец,
Да какой молодец мой братец!

Старшая:

Крепок он соколиной силой,
Да веселый, а не унылый:
С малых лет на пирах-пирушках
Он во всем бывал заводилой!

Распригожий мой братец, вай-вай,
Мне надежей был братец, вай-вай!

Младшая:

Добр да ладен по всем приметам,
Был для всех образцом-советом,
Верховодил он целым светом,
Да сверкал под стать самоцветам!

Драгоценный мой братец, вай-вай,
Свет вселенной, мой братец, вай-вай!

Старшая:

Как тебя, сестрица, жалел он,
Мне радеть о тебе велел он!
Да таких-то найти непросто:
Так отважен и храбр и смел он!

Несравненный мой, ясный, вай-вай,
Братец мой сладкогласный, вай-вай!

Младшая:

Он — алмаз в колечке блестящем —
Был прилежным да работающим,
Он светил над родным жилищем, —
Мы такого нигде не сыщем!

Самый лучший доселе, вай-вай,
Ты — душа в моем теле, вай-вай!

Старшая:

Лился твой голосочек, звонок, —
Где ж он — в далях каких сторонок?

Как не плакать бедной сестрице,
Черноокий мой олененок!

Братец мой ненаглядный, вай-вай,
Черноокий да ладный, вай-вай!

Младшая:

Снова речь, подружки, веду я, —
Л кому ж скажу про беду я?
Разлучившись с родимым братцем,
Где же силушку жить найду я?

Мне бы жизнь положить за братца, —
Горем сломлена, как в бреду я!
Братец, сокол мой ясный, вай-вай,
Смелый мой да прекрасный, вай-вай.

Старшая:

Был одет-то всегда как надо!
А смотрел-то — нет ярче взгляда!
Видно, рок не судил мне счастья,
Чтоб была мне в тебе отрада!

Милый братец любимый, вай-вай,
Голосочек родимый, вай-вай!

Младшая:

Малый птенчик в гнездышке тесном
На скале, на краю отвесном;
Среди всех удальцов-джигитов
Был ты самым добрым да честным!

Милый мой, справедливый, вай-вай,
И во всем-то радивый, вай-вай!

Старшая:

Самый лучший да самый скромный,
В дружбе верный да неумный,
Приключилось с тобой несчастье —
Я спозналась с судьбою темной!

Мой бесценный, я не с тобою, вай-вай,
Ты — сердечко мое живое, вай-вай!

Младшая:

А собою-то был приметный,
Славен песнею был заветной!
Хоть и мудр, и ученьем славен,
Тихий был оп да безответный.

Золотой-золоченый братец, вай-вай,
Да и умный-ученый братец, вай-вай!

Старшая:

Всем джигитам он был выжатым,
Для достойных он был собратом:
Как Хатам, приветливый-щедрый,
Был в друзьях и в дружбе богатым!

Был к друзьям милосерден братец, вай-вай,
Был в заботе усерден братец, вай-вай!

Младшая:

Друг веселым играм-забавам,
Мог он словом блеснуть лукавым,
А в борьбе да в кулачных схватках,
Словно волк, был горяч он нравом!

И руками-то он — умелый, вай-вай,
И душою и сердцем — смелый, вай-вай!

Старшая:

Все гадаю я — чет да нечет, —
Боль-печаль мою кто излечит?
На пирушках цвел-красовался
Братец мой, словно сокол-кречет!

Братец — сокол летучий, вай-вай,
Богатырь мой могучий, вай-вай!..

* * *

Я без брага стал одинок,
Вышел бедному смертный срок!
Черный день меня подстерег,
Жить без брата меня обрек!
Много я исходил дорог,
Да любимый, увы, далек!
Разлучил нас жестокий рок,
Речи-песни его пресек!
Я без милого изнемог, —
Кар мне быть? Я убит разлукой!

Потерял я брата родного, —

Как мне быть? Он не слышит зова!
Сокол мой не взлетит для лова,
Каравану не видеть крова
И торгов не изведать снова!
От любимого, дорогого,
От всего, что имел земного,
В чем для веры была основа,
От садов, цветущих пунцово,
От тенистого их покрова,
От всего, что Старо и ново,
Я отторгнут моей разлукой!

От всего, чем богат я был,
От всего, что растил-любил,
От всего, что давало сил,
От всего, чем на свете жил,
От всего, чем врагов разил,
Что в грозящий им меч вложил,
От парящих в полете крыл,
От всего, что писал-творил
Я при свете ночных светил,
От всего, чем был свет мне мил,
Отлученный, я слаб и хил:
Рок меня опоры лишил —
От всего, что дарило пыл,
Я отторгнут моей разлукой!

Я в смятенье тоской объят,
Меж душой и телом — разлад,
Облетел да увял мой сад,
Все друзья обо мне грустят:
Мой единственный милый брат,
Чей цветник я растить был рад,
Соколенок мой — смертью взят!

О, внемлите же мне стократ,
Как безжалостна боль утрат, —
Я навек с ним разъят разлукой!
Разлучен с моим сладкогласным,
Разлучен я с соколом ясным,
Разлучен я роком всевластным
С самым добрым, самым прекрасным!
И в стенанье моем всечасном,
В беспроглядном горе ужасном,
В упованье, увы, напрасном,
И в отчаянии злосчастном
Кличу братца призывом страстным,
И в рыданье, мне неподвластном,
Плачу я о братце несчастном, —
О, как я измучен разлукой!

Был я гожд да негожд я стал,
Пропадать ни за грош я стал,
На кого же похож я стал?
А грустить до чего ж я стал!
Понимать жизни ложь я стал,
В сердце чувствовать дрожь я стал,
Изнемог, нехорош я стал,
Ни к чему не пригожд я «тал, —
Посудите: ну кто ж я стал?
Злом измученный сплошь я стал,
Только плакать и гожд я стал,
С ветром ноющим схожд я стал,
Сломлен тяжестью нош я стал,
На живых непохожд я стал, —
Кем, и сам не поймеш, я стал!
Мертвым — жить невтерпежд! — я стал.

Очи мои, очи, речи мои, речи,

С милым моим братцем не дожидаться встречи,
Я-то здесь остался, только он далече...

* * *

Дорогие, вам сказ сложил я, —
Сердце мукою сжег, друзья,
Не пытайте, как жил-тужил я, —
Был мой жребий жесток, друзья!

Приключилась беда со мною,
Разразилась грозой шальнойю,
Муки встали вокруг стеною, —
Был мой тягостен рок, друзья!

Сколько слез я пролил в печали!
Мук моих и не замечали:
Все, кто мне сострадал вначале,
Мой забыли порог, друзья!

Лепестки у роз облетели,
Листья крои, как шафран, желтели, —
Ни в душе покоя, ни в теле:
Увядая, я дрог, друзья!

Опалённой душе в проклятье
Сколько мук должен был принять я!
Все рыдали друзья-собратья, —
Было много тревог, друзья!

Торг хорош, да плоха расплата:
Прибыль, разум — все разом взято, —
Старший браг без меньшого брата
Одинок и убог, друзья!

В нищей доле, в бедняцкой были
Враз оглянешь, чем жили-были:
Утки-гуси были да сплыли, —
Нет п пары сапог, друзья!

Горе мучило нас немало,
Скорбь гнела, тоска донимала,
Братья умерли — сиро стало,
Я совсем изнемог, друзья!

Муки путь уступали карам,
Горе нас купило задаром,
Пламя бед полыхало жаром, —
В сердце — словно ожог, друзья!

В прах развеяны все пожитки,
Пообобрана голь до нитки,
Плачут все, считая убытки,
Путь к чужбине пролег, друзья!

Другу — слезы, врагу — услада,
Козни неба — что зелье яда,
В сердце — горе да боль разлада,
Я душой занемог, друзья!

Стали слезы моим уделом,
Грудь открыта смертельным стрелам,
Разум стал от мук онемелым, —
Он от стужи продрог, друзья!

Мне весна не была весною —
Обернулась порой дурною.
Дружит сытый богач с казною, —

Мне никто не помог, друзья!

Потеряли все, что имели,
Всех держали нас в черном теле,
Были живы мы еле-еле.
Каждый был одинок, друзья!

Гнет бесправия — что пучина,
Извела нас тоска-кручина,
Как пи тужься, а все едино:
Нет ни прав, пи подмог, друзья!

Свет свободы — над всей страной,
В вечность кануло всё дурное,
Все равны — стала жизнь иною,
И о том — мой дастан, друзья!

ТУЮГИ

* * *

Подножья гор пологи, косы,
Овечьи травы косят косы.
А три красавицы, косясь,
В колечки заплетают косы.

* * *

Вот этот плод и спел и зрел,
Что ж не берешь? Он долго зрел!
А, впрочем, это хорошо:
Хоть и не брал, а все же зрел.

* * *

Когда коня неволю я,
Его веду в неволю я:
Ему сулю поводьями
Неволю, а не волю я!

* * *

На крупный выигрыш не меть:
Как ни старайся, как ни меть,
А не достанутся тебе
Ни золото-серебро, ни медь!

* * *

Когда хитришь, то раз за разом
Совсем заходит ум за разум:
Не поддавайся никогда
Нас искушающим заразам!

* * *

Дурная слава—как болезнь: не сладишь, если запустил,
Творишь добро—знать, руку ты в чужой доход не запустил,
Запомни раз и навсегда: не будет пыли на пути,
Когда ты доброго коня хорошим шагом запустил!

ГЛЯДЯ НА РОЗУ

Коварная красавица, послушай это слово.
Ну как тебе понравится жестокий небосвод:
Одним дано прославиться, нося венец Хосрова,

А у других убавится от нищенских невзгод!

Одни взнесен к высотам короною и тронном,
Он окружен почетом — к нему идут с поклоном.
Другой привык к заботам, к стенаниям и стомам:
Он под тяжелым гнетом привычно спину гнет!

Один привык к утратам, другой привык к удачам,
Один рожден богатым, другой сроднился с плачем.
Обижен супостатом, бедняк живет незрячим —
Искать еду ребятам он с посохом бредет!

Одни живут богато неправедным доходом,
Судьба других чревата бедой да недородом.
Послушаешь собрата — как он привык к невзгодам —
И сердце, мукой сжато, застынет, словно лед!

Рок разлучит сурово родного брата с братом,
Заставит жить без крова под гнетом бед проклятым.
Мать для детей — основа, — легко ли им — разъятым?
Рок и отца родного от сына оторвет!

Меджнун любовью верной пылал к Лейли прекрасной,
В любви им дар безмерный был дан судьбою властной!
Путь жизнью лицемерной не всем проложен ясный,
И всех, хоть малой, скверной наделит скверный гнет!

Нам всем Лейли с Меджнуном дают пример нетленный:
Суров к страдальцам юным был рок — гроза вселенной!
Пусть с этим злым вещуном весь мир погибнет бренный:
Оп за бедой беду нам неотвратимо шлет!

Сморен любовным чадом, я вдруг во сне неясном
Тебя увидел взглядом, измученным и страстным:

Узрев твой образ рядом, Меджнуном стал несчастным
И соловьиным ладом запел я, сумасброд!

ГАФУР ГУЛЯМ

НАД МОГИЛОЮ НАВОИ

В этот путь меня вел в сердце вечно не меркнувший свет,
У могилы твоей я стою, светлой думой согрет.
Ты не слышишь меня, но всем сердцем я слышу ответ.
От твоих земляков многотомный принес я привет, —
К Навои я пришел, отрешившись от дел и сует.

От Ташкента, от гор Самарканда, от стен Бухары —
Из прекрасных земель, где твои дни бывали добры,
От желанной тебе, новый мир воплотившей поры,
От расцветших пустынь, где ноля разноцветьем пестры,
От несметных Фархадов принес я тебе мой букет.

Нет узбекской семьи, где твоих не читали бы книг,
Голос песен твоих людям в самое сердце иронии,
Твой народ просвещен — света знания великих достиг!
Где в истории век, что расцветом был столь же велик?
Нам сердца осветил просвещения гордый расцвет!

В небе Родины видеть сияние звездных лучей,
Видеть свет ясных лиц, что от счастья цветут горячей,
Видеть светлые дни без зловещего мрака ночей, —
Видеть эту красу, не смыкая вовеки очей! —
«Длится сон Навои до поры, когда вспыхнет рассвет!»

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Когда калам свой Алишер хвалил,
Что ж он забыл чернильницу при этом?
Мне черным оком блеск твоих чернил
Светил в ночах зеркально-ясным светом.

Нет, не чернила в глуби пузырька, —
То — кровь моя, бурлящая пунцово!
Тобой лишь моя слава высока,
Нет на тебя обиды — ни полслова!

С тобой мы, два поэта, по ночам
(В моих стихах твоя есть доля тоже)
По белому листу влекли калам,
Чтоб черный след вел к светлой мысли строже.

Когда в дни тяжелой битвы я творил,
Мне словно кровью капала в тетрадь ты,
И в час, когда я проклинал громил,
«Не я черна!» — хотела прокричать ты!

Спасибо же тебе. Окончен стих.
Дай подолью чернил — их, верно, мало.
И вложен в эту книгу труд двоих, —
Позволь, тебя поздравлю я сначала!

НА УЗБЕКСКИЕ КРОВЛИ...

На узбекские кровли с полета взгляните:
Стягом праздника плещут атлас и кумач.
Так сплести кумачово-атласные нити
Не сумел бы и самый искуснейший ткач!

Тополя порассыпали пух перед летом,
Шерсть с верблюдов сошла, слышен гомон ягнят,
Хорошо, что пришел в этот мир я поэтом, —
Все щедроты весны меня не удивят!

Ребятня — там, где зреют урюк или слива, —

По весне нет заманчивей игр у детей.
Пусть снуют они между ветвей торопливо, —
Мне под деревом сесть — лучше всяких затей.

«Мне бы слив наловить в камышовый мой короб
Здесь на крыше — как ловят в силки соловьев, —
То-то ладно... Лишь бабушкин голос не скоро б
Кликнул мыться меня... Пропадет мой улов!»

Благо вам, зелень веток, скворцы и синицы, —
Еще только придут мои юные дни...
Только раз и дано было с ними сродниться,
Но, клянусь, и теперь я им ближе родни.

Юность помнишь с почтеньем, с сердечной любовью,
Жив на зеркале давний серебряный слой.
Правда, было у предков такое присловье:
«Невозвратная юность умчится стрелой!»

НОЧЬ И ДЕНЬ

(Мухаммас на газель Навои)

Я мрачен, а она светла, — ну словно ночь и день!
Мне — лишь хула, а ей — хвала, — о, это ночь и день.
Я некрасив, она мила, — о, это ночь и день.
Мне — зло, а ей не ведать зла, — о, это ночь и день!
Ну где такая рознь была? О, эго ночь и день!

Я всем неверящим твердил, как мог п как умел,
Всем маловерам говорил про суть любовных дел, —
Что меж хорошим и дурным глубокий есть раздел,
Что лик и кудри, свет и тьму равнять никто не смел, —
У них различьям нет числа, — о, это ночь и день!

Когда смешашь свет и мрак, тут не уйти от бед:
Тьма темных мыслей в голове, и меркнет сердца свет!
А кровь взыграет на беду — покоя телу пет, —
Где день, где ночь — не различить вовеки их примет,
Но мрак кудрей и свет чела — о, это ночь и день!

И ночью мне надежды нет; и утро — не к добру,
Не люб мне аромат цветов ни в ночь, ни поутру,
Ни утром кубок мне не мил, ни па ночном пиру.
Где солнца свет, где мрак ночной — я сам не разберу, —
Ты сокрушила всё дотла, — томны и ночь и день!

Зерцалом сердца твоею вся жизнь опалена,
Нет, ты не хмель из чаши пьешь, а жизнь взамен вина,
И тьма ночная для тебя, как солнца луч, ясна,
И день и ночь — твои рабы в любые времена, —
Будь счастлива и весела, — твои и ночь и день!

Кто от десницы мук и бед свой ворог уберег,
Кто отряхнуть от дел мирских подол одежды смог,
Кто к свету утра пробужден от тьмы ночных тревог,
Кто днем и ночью пьет нектар, от всех скорбей далек, —
К тому вовек судьба не зла, — светлы и ночь и день!

Нет! Ночь темна, заря светла — так верить я привык,
Жизнь, вопреки потугам зла, течет за мигом миг!
Ты чернотой чернил, Мирза, свой пишешь беловик!
Хоть Навои не все сказал про кудри и про лик,
Его печаль о них росла всегда — и ночь и день!

АЙБЕК

В ПУСТЫНЕ

Над притихшею пустыней —
Звездный купол синий-синий,
Не спеша идут верблюды,
Словно движимы гордыней.

Бубенцы поют дорогой, —
Звон умчится непоседой —
И несется отзвук: «Трогай,
Ну-ка эту даль изведай!»

Караван бредет, качаясь,
Позади — пути-дороги.
Кто же мне, попять пытаюсь,
Дал дороги и тревоги?

Нет усталости верблюдам,
Вечен путь их по пустыням,
И звучит чуть слышным гудом
Песня звезд на небе синем.

* * *

Острый ветер предзимья, колючий и снежный,
Обрывает засохшие листья с дерев.
Белый призрак зимы где-то в дали безбрежной,
Словно вечность, до срока лежит, присмирив.

Ледяное дыханье разлуки-метели
Сердце матери стылой золой заметет.
В память сердца порывы ветров залетели, —

Утлый челн низвергается в водоворот.

Распушила зима белоснежные пряди,
Над горбами могил — словно птицы, сердца...
Мать детеныша кличет в глухом снегопаде, —
Нет ни края разлукам в любви, ни конца.

* * *

Здесь деревня стояла. Шумело село
Суемой детворы, перебором гармонии.
Изобилье в веселых оконцах цвело.
Труд и праздник. Мычанье скота на прогоне.

Словно в сказку, бежали столетья-века.
Здесь рождались, выросли, мужали, старели, —
Лес, дарящий земле горький тлен сушняка,
Вновь пускает побег от вешней капли.

Жизнь, и песни, и радость, — о, как их вернуть?
Где былого селенья живая примета?
Горе, словно клещами, сдавило мне грудь,
И на мысли, как обод, железо надето.

Ни куста, ни строенья. Снега и снега.
Ветер кличет пропажу над гладью пустою
Мы должны уничтожить фашиста-врага,
Эту землю поправшего грязной пятою!

* * *

Не отец ли мой здесь погребен на века?
Ледяные бураны над сердцем сошлись...
Над разящей, как был, немотой бугорка

Даже небо от боли отпрянуло ввысь.

Молодой, на лихом скакуне, напролом
Через горы и степи летевший смеясь,
Словно камень, застыл под безмолвным холмом...
О, не здесь ли движенья и времени связь?

Зависть злобы не дремлет, блюдет, стережет,
Даже солнцу готова поставить заслон...
Горьким чадом клубится подавленный стон,
Мысли немые, все чувства вмерзены в лед.

* * *

Мелкий снег сугробами лег,
Все пути замела зима...
Перепутье моих дорог —
У заснеженного холма.

Деревянное пятилучие —
Словно спекшейся крови блик...
Как утишить мне горе жгучее —
Болью бьющийся в сердце крик?

Лейтенантом ли, капитаном
Лег герой под недвижный снег, —
Никаким не сравниться санам
С именами «русский», «узбек»...

Что прошел он — годы ли ранние
Или долгий путь до седин?
Здесь молчат и года и звания:
Был он Родины верный сын...

* * *

Стон, зажатый в груди, замрет —
Ни слезы, ни звука, ни зова...
Словно землю сковавший лед,
На губах замерзает слово.

Индевеют и слух, и вздох,
Я шагаю, от горя слеп,
Голод жжет, а в мешке засох
Зачерствевший от боли хлеб.

В гари изб снежный вихрь кружит.
Нескончаем, нигде не начат...
Тишь, безлюдье и глушь. Навзрыд
Мука Родины в сердце плачет.

О СТИХАХ

Мне говорят: «Стихи — мерцанье звезд», —
Никто не скажет, что их строчкам впору
От бездорожья глинистых борозд
Жемчужной нитью выводить к простору.

Мне говорят: «Стихи — что птичья речь:
Невнятен звук, сокрытый смысл таящий, —
Слепым сердцам дано слезой истечь,
Точащей камни и цветы растящей».

Мне говорят: «Стихи живут мечтой,
Явленной сновиденьем в одночасье»...
Нет! «Озареньям» не вдохнуть настой
Земли, впитавшей кровь, но знавшей счастье!

* * *

На вечернее небо безмолвно гляжу,
Надо мною бескрайняя вечная высь,
Светлой сказкой мечтанья во мне разлились:
Где проляжет мой путь — па какую межу?

Даль небесных лучей золотисто-ясна,
Шелест листьев мне песню о жизни поет,
Реки славят журчанием жизни восход, —
Не один я... Баюкает землю весна...

О, как близко мне все, что простерлось вокруг!
Даже млечные дали объять мне дано.
С этой высью и ширью дышу заодно,
И тепла мне весна лаской шелковых рук.

Словно радуга, взвился над бездною мост,
Полудужьями крепко опоры срастив, —
Трепет сердца, стучащего, словно призыв,
П дороги-распутья бесчисленных звезд!

ВОДОПАД

Он бежит с дальних гор,
Поспешая-спеша, —
На желанный простор
Мчит, преграды круша.

Он белей серебра,
Снежной пеной одет,
И с утра до утра
Он поет, как поэт.

Может кряжи точить
Его буйная прыть,
Им крутой его нрав
Никогда не смирить.

Как потока разбег —
Сердца юного стук:
Незнаком юный век
С ношей горя и мук.

Каменистой тропой —
Все вперед и вперед...
Где же моря прибой —
Гул взбурлившихся вод?

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Мне не выплакать сердца крик...
Мать! Взгляни на меня хоть на миг:
Сломлен ношей скорби моей,
Как осенний лист, я поник.

Радость жизни затмила мгла,
Сердце горем сожгло дотла, —
О, за что в мой веселый мир
Боль разлуки с тобой вошла?

Пышет стон мой жарче огня,
Гарью мир моих дум черня.
Я к твоей могиле припал, —
О, взгляни хоть раз на меня!

Но безмолвный могильный свод,
Словно выстрел, по сердцу бьет,

И от муки спасенья нет,
И не знаю я, где исход...

Год за годом твой путь — туда,
Где бескрайних степей череда.
И не свидеться нам вовек,
Только в сердце ты — навсегда!

СНЕГ ИДЕТ...

И снова ветер ледяной,
И мрачно все вокруг и вяло,
Куда за белой пеленой
Краса деревьев запропала?

Распалась пепельная тишь
Мохнато-белым листопадом, —
Весну лугам не возвестишь
И солнце не проглянешь взглядом.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Раздобывшись тростинкою из камыша,
Мы с тобой абрикосы сбивали тайком.
«Тихо, тихо, — шептал я, — крадись, не дыша!»
Взор твой девичий рдел озорным огоньком.

Нашим играм в садах не бывало конца,
И веселье цвело в твоих черных очах.
Мы раздолью лугов отдавали сердца,
Звуки счастья лились в твоих нежных речах.

По утрам томно нежил весенний восход
Твои косы, волною сбегавшие с плеч, —

Даже солнце тобой любовалось с высот,
Было любо ему тебя лаской беречь.

Эти дни отошли... Где же воля твоя?
В парандже ты незряче бредешь наугад.
Ты узнала меня? Юность в сердце тая,
Я теперь ее вижу как будто сквозь чад...

НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

Долог путь... И крутые откосы и камни
Силюсь я одолеть на тревожном пути,
И дорога в горячих песках нелегка мне,
Но упорство и дерзость велят мне идти.

То — отравная стужа сулит мне объятья,
То — весеннего солнца ловлю благодать я,
То мне жизнь преграждает дорогу потопом,
То, ласкаемый ветром, иду я по тропам.

Не сверну! Не устать мне, не сгнуться в потоке,
Жизнь светла, если цель и мечтанья высоки!

* * *

Я один, без тебя тоскую,
Сердце горем губя, тоскую.
Ты ушла за моря, за реки,
Не сыскать мне тебя вовеки.
Я один, без тебя тоскую.

Ты — загадка с какой-то тайной,
Талисман ты заветный, тайный.
Может быть, ты тоже тоскуешь,

Может, долю нашла? — Какую ж?
Ты — загадка с какой-то тайной...

Ты мечтой мне во сне явилась, —
О, приди ко мне, сделай милость!
За морями, за горной сушей
Сыщем мы вольный дол пастуший,
О, приди ко мне, сделай милость!

БРАТИШКА И ЯГНЕНОК

Ягненок-малышка
Вприпрыжку скачет, весел.
Играет с ним братишка —
Бубенчики подвесил.

А тот — косится глазом,
Устанет — ляжет разом,
Шалит вдвоем с братишкой,
И нет конца проказам.

Чернявенький малышка!
Ему дружок — братишка.

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

Залетная птица с красой неземною
На ветке уселась в кустарниках тала.
«О пташка, — просил я, — побудь же со мною, —
Мне юное сердце тревогою сжало!

Ты песню пропой мне ладами созвучий, —
Вспарит мое сердце на крыльях веселых, —
Целебен, как тайна, напев твой певучий,

И светоч надежд моих вспыхнет, как всполох!»

«О нет, я тоскую по счастью, по воле,
Мне горше, чем в клетке, летать по низовью.
Вдали от садов, в неизведанном доле
Все сердце мое обливается кровью!

Не надо, не кличь меня, в небо взлечу я,
Мне любо на воле, — ответила птица, —
Весна расцветет, и, приволье почуя,
Я буду, к цветам приникая, резвиться!»

И птица окрест оглянулась, и смело
На крыльях в высокое небо взлетела,

ХАМИД АЛИМДЖАН

МЕЧТА ПЕВЦА

Фазылу Юлдашу

1

Словно выси небес, беспредельна мечта,
Ей вовеки не ведать глухого причала.
Ширь ее в грани жизни надежно влита,
И в истоке незримом таится начало.

Неизбывен бурлящий в ней буйный задор,
В вей сокрытую суть разве выразишь словом?
Ей скитаться в просторах степей, в высях гор,
Что ни ночь — прозревать тайновиденьем новым...

Бессловесная повесть, неслышимый звон
Хлынут в речь, будто море, взбурлившее в шквале, —
О, десятки веков сотни разных племен
В небе вымысла звездною цепью плутали...

2

«Внятна думам влюбленных крошечная ночь»:
В час, когда спит светило, уйдя с неба прочь,
Есть заступник у тех, кому горько до слез, —
«Можно слез не скрывать, если сердцу невмочь»...

Плачут двое влюбленных в разлуке навзрыд —
От надежды — один, а другой — от обид,
Их терпения чаша полна через край, —
«Вянет взор, словно роза, слезами омыт».

Бьет о берег волнами бурливый ручей,
Небо никнет к земле с каждым днем горячей,
В дали вешних степей, на цветенье долин
Всё глядит Ай-Барчин, не смыкая очей...

3

Ни домов нет, ни кровель, ни стон среди гор,
В горных долах текут лета, вёсны и зимы.
Гоготаньем гусей, взмывших в небо с озер,
От безмолвия смерти скитальцы хранимы.

Человек здесь не свyksя с оседлым житьем,
Там ему и отчизна, где вешнее поле:
Нынче гость он в долине, где есть водоем,
А назавтра кочует он в новом раздолье.

Караваны с тяжелою кладью спешат,
Бубенцы режут мертвую тишь перезвоном,
Погоняют рабы косяки тучных стад,
Поспешают гонцы по крутым перегонам.

Всюду в поле — для пиршества согнанный скот,
Юрты крыты парчою, толпится народ:
Сорок суток — и ночью и днем напролет —
Пир в честь сына хозяин-богач задает.

4

В долах стонут поящие землю ручьи,
В высях кружатся лунного света лучи,
А табунщики-баи не сеют, не жнут, —
Понукают рабов тяжким свистом камчи.

«Кони скачут — гремит весь окрестный предел,
В битве славится тот, кто отважен и смел», —
Кто из бедных, влачащих свой жалкий удел,
Светоч счастья увидеть воочью сумел?

Черной тучей надвинется враг-супостат —
Смельчаки рвутся в битву, их кони храпят.
Стон вздымая до неба, страдает народ, —
Гнев рабов мятежом и расплатой чреват...

5

Много песен пропето о тяготах бед,
Песни в степи на крыльях летят соколиных:
Если в песне бедняк с его горем воспет,
Внемлют ей пастухи в самых дальних долинах.

Столько в песнях печали, что весь небосвод
Они могут затмить вровень с черною тучей!
Много песен! Все души людские прожжет,
О певец, твоя песня пыланьем созвучий!

Песен много, мечта в каждом сердце жива:
Птичьи песни восторгом звучат неумным,
Утешенье сердцам — добрых песен слова,
Вольно ветру поется в полете бездомном.

В песнях пелось о том, как в кромешную тьму
Дочь певца, опозорив, предали бесчестью,
Как жестокою карой певцу самому
Отомстили каратели — грозною мезтью.

Как жестоко задушен был петлей жених,

Пелось в песне, навывлет до крови пробитой, —
Как поэт, всем известный в раздольях родных,
Прогнан был в глушь пустыни, опальный, забытый.

6

Нынче вольные песни — отрада сердец,
Распрямилась страна силой гордого стана.
Да звучат нашей радостью песни, отец, —
Наше время велит петь сердцам неустанно!

Нынче счастливы степи, раздолья, поля,
И полны звучной песней родные просторы,
И поет неумолчно родная земля,
И гудят голосами и небо, и горы.

И летит в небеса наша песня — до туч,
С песней радостно жить и за счастье бороться:
Соколиный полет наших песен могуч,
А поющий всего, что желанно, добьется!

УСМАН НАСЫР

НАХШОН

Отрывки из поэмы

ВСТУПЛЕНИЕ

Вечереет.
В садах воздух сном объят.
Никнут, влагу вобрав,
Лепестки у роз.
Солнце пить побрело
За крутой откос, —
Как тюльпаны багров,
Гаснет жар-закат.

Жду, смотрю...
Как горит ожиданьем взгляд!
Чаровница моя,
Как румянец ал!
Шелк ресниц ей на грудь
Длинной тенью пал.
Жду, смотрю...
Как томит нетерпенья чад!

Ветерок-озорник
Шаловлив и скор.
Лунный свет — как фонарь, —
Он тобой зажжен.
Ты пришла,
Ты — со мной,
Здесь моя Нахшон!
О русалка моя,

Стрел-ресниц узор...

Ты пришла,
В сердце мне влагой рос вошла.

Ты пришла, —
О, как я этой встрече рад!
Сладкой радостью слёз
Застилает взгляд.
Ты пришла,
В вязь стихов строчки роз вплела.

Юность сердца, Нахшон.
Счастье юных сил!
Этот стих мой —
Любви самый высший дар.
Прочитай!

Я в стихи всю любовь вложил,
Чтобы ими впитать
Уст твоих нектар.

* * *

Стоны к небу взвились
И теряются в тучах,
Как стена — стояком,
Высотой — непрогляд...
В далях гор
Полыхает кровавый закат,
Водопады тоскуют
В ущельях плакучих.

Пыль вздымая,

Вечернее стадо прошло.
Смолк пастуший рожок,
В пыльной тьме замерев.
(Я не вспомню
Ни месяц, ни год, ни число, —
Лишь запомнился мне
Тот щемящий напев!)

Одинокая, тонкая ива —
И га
Тянет к дождику
Высохших веток листки,
Не сдастся на гибель
Ее маета,
Трепыхается
Доле своей вопреки.

В Зангезур
Мои слезы катились, звеня...
(Будто жалкие капли
Нужны для реки!)
Боль все сердце мое
Порвала на куски,
Черной тьмою
Сиротство накрыло меня.

И не стало отца,
Свет всей жизни поблек,
И еще не обсохла
Могильная глина —
Мать родимую
Тот же удел подстерег...

* * *

Как мне быть,
Если горе
На пики ресниц
Слезы
Будто бы зернами ртуть
Нанизало?
Как мне быть,
Если в сердце
Язвящее жало?
Как мне быть,
Если грудь
Безысходностью сжало?..
Если б горе мое
Через край не хлестало,
Если б боль
Не схватила за горло меня,
Остриями кручины
Мне сердце казня, —
Разве я бы
О скорби моей рассказала?
Мне смежила глаза
Этой скорби постылость, —
Что ж поделать —
Беда
Со слезами сдружилась.
Боль души и любовь моя,
Мать...

* * *

Поздний вечер.
Закрыли луну облака.
Отражения туч

Прносила река...
Словно ветер,
Бродягой без дома, без крова
Я спозналась со мраком
Скитанья лихого.

В предрассветную рань
Каждый вздох ветерка,
Каждый лучик,
Рождавшийся
В небыли темной,
Настигали меня
Бесприютной, бездомной.
И со мною — беда,
И со мною — тоска...

Даже грозный Масис,
Что хмельной головою
Над бездной повис,
Не услышал мой стон,
Не сказал мне:
«Приди!
Дай прижму я тебя, горемыку,
К груди!»

* * *

Была однажды
Ненастная ночь.
Мрак такой, что смотреть невмочь,
На улицах
Пеной вскипала вода.
Был словно крепом скрыт небосклон,
Ни зги не видно,

Со всех сторон —
Одна сплошная беда.
В дальнем проулке
Голод и я,
Будто сдружившись, брели.
В глазах темнело.
Все прошлое зло,
Все муки
Бескрайней земли
Теперь в эту тьму вошли...

Темень и мрак.
Нет больше сил.
Голод меня сломил.
Холод, озноб,
Трепет и дрожь,
Вот-вот глаза сомкнешь.

Слабея,
Коснулась рукою лба, —
Струится холодный пот.
Камень под голову...
Как я слаба...
А ветер рвет и ревет...

* * *

Что было после, потом, —
Не помню.
Может быть, утро,
Может быть, ночь.
Чья-то тень надо мной,
Кто-то смотрит в лицо мне,
«Дочка, проснись,

Пойдем-ка прочь!»
Ни от кого
Я не знала добра,
Ласковых слов,
Состраданья несчастьям.
Я разревелась —
Стерпеть не смогла,
Едва мне сказали
Слово с участием.

Сбросил тужурку,
Тряхнув плечом,
Меня в нее завернул
С головой.
«Не бойся, дочка,
Не бойся, я — свой...»
Дорогой не спрашивал
Ни о чем.
Мы шли,
И небо прояснилось вдруг,
И жемчугом звезды
Сияли вокруг...

* * *

Словно радость моя,
Небо — чистою высью.
Воздух ясен и свеж,
Ветер веет, звеня.
На оживших ветвях —
Трепетание листьев.
Но тревога
Нет-нет да пугает меня.

Кто такой он?
И что у него на примете?
Может, ждут меня
Бедствия новых невзгод?
Может, он мои косы
Развеет, как ветер,
Луноликую юность мою
Разметет?

Человек тот безмолвен, как ночь,
Ни полслова.
Я украдкой
Пытаюсь всмотреться вперед.
Заикнусь — испугаюсь,
Молчу бестолково.
А спросить захочу —
Слово с губ не идет.

* * *

В переулке фонарь
Тщится тьму превозмочь.
Бледный свет
Над глухою стеною повис.
Чернокудрым цыганом
Притихшая ночь
Перешла Арарат
И спускается вниз.

«Вот, входи, — он сказал, —
Не бойся, входи!»
Я вошла, чуть жива,
Еле двигаясь тяжко,
«Ты теперь без приюта не будешь

Бедняжка!»
Это слово
Навеки осталось в груди.

* * *

Дом обычный, как все.
Свет коптит огоньком.
Свищет ветер — бродяга ночной
У порога.
«Не стесняйся, дочурка,
Это — твой дом.
Ты голодная, верно, —
Вот хлеба немного!»
Мне хотелось вскричать;
«Ты мне сердце согрел,
Дочкой звал...
Глянь в глаза мне, —
Я горе видала.
Может быть,
У тебя тоже горя немало,
Дай возьму всё себе —
В мой сиротский удел!..»
Словно замер язык.
В сердце стук — еле-еле,
Еле-еле дышу,
Замирая в опаске...
Но всем страхам назло,
Не мигая, смотрели
Мне в лицо те глаза...
Сколько было
В них ласки!

* * *

Немые мгновенья
Бежали, мелькая...
И вдруг он сказал мне:
«Дочурка, ответь,
Скажи,
Почему твоя доля такая?
Кто дал
Твоим черным глазам
Потускнеть?»
И слезы мои
Ему были ответом —
О ранней доле
Коротким рассказом.
И снова умолк он,
Спросивши об этом,
И снова гадал
Мой встревоженный разум:
«Кто он?
Почему даже в позднюю пору
В глухом этом доме
Не знают покоя?»
«Ты, дочка, устала,
Поспать тебе впору.
Усни... отдохни.
Да и время... такое!»

* * *

Мой читатель!
Ты мне
Самый верный друг.
Люб тебе я —
Не жаль мне трудов моих.

Променяв сладость сна
На ночной досуг,
Ночь за ночью в тиши
Я пишу мой стих.
Вот красавица-ночь
И опять пришла.
Не спросившись, тайком
Пробралась в мой дом.
Тихо села со мной
За моим столом,
Властно в думы мои
Острый взор впила...
Это снова — «Нахшон»,
Стих любимый мой.
Совсем незнакома, —
Мне б к вершине его
Поскорей дойти.
Но теперь я прошу:
Погоди, постой,
Дай, читатель, мне срок,
Дай сказать... Прости...

* * *

Я хотел бы писать
За дастаном дастан.
(Буду жив — станут явью
И эти мечты!)
А пока только замыслом
Я обуян,
И для будущих строк
Собираю цветы.

Может быть, не цветист

Будет этот букет,
Может быть, совершенства
Ему не придам,
Может быть, небогат он,
Чего-то в нем нет,
Может быть...
Остальное додумаешь сам!..

А тот незнакомец,
Печально спокоен,
Смотрел, словно тайна,
С неведомой думой.
Нахшон трепетала —
Кто знает, какой он?
Что скрыл его взгляд,
Напряженно-угрюмый?
Нахшон
С тем проходим
Как сможет сомкнуть она
Темные очи?
Остаться под кровом
Вот этого дома?..
Остаться в потемках
Глухой этой ночи?..
Но здесь не пишу я
Об этом далече.
«Скорей!» —
Героиня торопит с досадой.
«Скорее, Усман,
Завершай эти речи.
Я плачу, —
Веселым рассказом порадуй!»...

* * *

Все думы смешались...
Смыкаются веки.
Дремота влечет
В свои сонные реки.
Вдруг словно бы ветер
Коснулся тепла:
Какая-то женщина
В двери вошла.

На хвором лице
Глаза — будто сливы,
На ней —
Бумазейное платье простое.
Взглянула —
И сердце мое боязливо
Как будто заныло
Дрожащей струною...
Она лишь взглянула —
И робко я сжалась.
Она подошла, улыбнулась
И тихо
Сказала: «Ну, здравствуй,
Не бойся, малыха»,
И в ласке ее
Были нежность и жалость.

Глаза мои встретили
Боль ее взора.
«Откуда ты знаешь судьбу мою?
Кто ты?
Откуда ты все разузнала
Так скоро?
Зачем тебе греть меня

Лаской-заботой?»
Была я не в силах
Свести с нее взгляда.
И, видно, мой взор
Был пуглив и тревожен.
«Жена моя это — Маро.
Ты с ней тоже,
Дочурка, сдружись,
И дичиться не надо!»

И гут я как будто
Совсем потерялась,
И снова слезами
Намокли ресницы.
Всплакнулось мне,
Только, немножечко, малость,
И сердце от слез
Стало радостью биться.
Теперь не сыскать меня ввек
Урагану,
Теперь меня солнце
Отыщет повсюду —
В ущельях, в горах ли
Скитаться я стану,
В садах ли, в долинах
Скрываться я буду!

И сон — будто в небыль,
И взор я не жмурю,
Далекою думой
Глаза разблеснулись.
Теперь я не выйду
Ни в ветер, ни в бурю
Искать свою долю

Средь путаных улиц.

* * *

Сон смежает глаза.
Баю-баю, отец,
Баю-баю, Маро,
Ты увидишь во сне,
Как, счастливая,
Я выхожу по весне
В те поляны,
Где рдеет
Расцветший багрец.

Эх вы, долгие думы
Бессонных ночей,
Думы, думы мои,
Вы, как птицы, взвились,
Словно белые голуби —
Крыльями ввысь!
Белокрылые, рейте,
Быстрой, горячей!

Улетайте
Баюкая сердце полетом,
Улетайте в просторы
Небесных раздолий,
Охраните мне душу
От грусти, от боли,
Белокрылые, рейте,
Летите к высотам.

* * *

Я заснула,
Сморенная этой мечтой,
А потом сон стал тоненький,
Как поволока.
Вижу — отблеск рассвета,
Молочно-пустой,
И Маро, пригорюнясь,
Сидит одиноко...
Я привстала.
Маро мне с улыбкой негромко:
«Что, малышка моя,
Уж и сон не идет?
Еще рано.
Давай еще вместе заснем-ка.
На работу отец твой ушел,
На завод».
И зевнула она,
Будто вправду с охотой,
И пристроилась рядом,
Лаская меня.
Вслед за ней и ко мне
Прилетела зевота.
Сон, скорее спускайся,
В дремоту маня.

* * *

На листьях светлеют
Янтарные блески.
Над утренней свежестью
Облачный купол.
И косы Маро
Тонкий лучик нащупал,
И солнечных бликов

Искрятся полоски...
И тянется вздох мой
К такому дыханью,
Чтоб весь этот воздух
Вобрать в себя смог он.
Высокое небо
Глядит из-за окон,
И полнится грудь
Голубой этой ранью.

Маро, поднимайся,
Не хмурься понуро,
Ведь солнце уже поднялось,
Златокудро.
Взгляни:
Хороши в это раннее утро
Раздолья реки —
Берега Зангезура.
Смотри:
Облака пролетают, светлея,
И зелень лесов
Так свежа на рассвете!
Маро, поднимайся,
Вставай поскорее
И ветер
Кудрями лови, будто в сети.

О красавица-пери!
Будь я Гургетаном,
Мои склоны — ковер твой,
А небо — защита,
А краса твоя
Долам без края открыта —
От подножий моих

Вдаль к неведомым странам!
Я узнала тебя,
Ты со мною повсюду.
Грудь моя — словно небо,
А вздох мой — как ветер.
Ты мне — кров
От сиротских моих
Лихолетий.
Я тебя перед смертью
И то не забуду!

* * *

Мы с Маро
Вместе вышли из дома
В сады.
Там, где яблоки зрели
В наряде зеленом,
Миновали мы
Гордых деревьев ряды,
Прикасаясь
К повисшим от тяжести кронам.

— Где, малышка, твой дом,
Где родные места?
— Я из Турции родом,
Из дальних предгорий.
— И Саркис говорил мне,
Что ты — сирота.
— Да, я зла повидала
И видела горе.
— А отец твой — он умер? —
Спросила она. —
— Да, и мать и отец.

Я давно уж — одна...

* * *

Делились мы бедами с ней
Откровенно.
И я ей все сердце свое
Излила.
«Ведь жизнь хороша,
Но до боли мгновенна, —
Зачем в ней так много
Страданий и зла?»
«Как песнь соловья
Отзвучит на рассвете,
Так жизнь улетит
Неизвестно куда!
Саркис говорил:
— В бой идем мы за этим —
Погибнуть иль жить
В добром мире труда! —
И вправду, Нахшон,
Сколько ж быть униженьям?
Не хватит ли жить нем
Под тьмою ненастной?
Пусть край расцветет наш
Привольем оленьим,
Пусть будет, как небо, он
Светлый и ясный!
Ты пойдешь на борьбу,
Если руку я дам?
О Нахшон,
Твое сердце забилося мечтою?
(Даже трепет
Прошел у нее по рукам).

Вот рука тебе,
Дай мне твою —
Мы с тобою!»
Эти речи Маро
Крепко в душу мне
Въелись.
Много мыслей горячих
Меня посетило,
Но они проходили,
Созреть не осмелюсь,
А теперь...
Эта дума
Меня охватила...
Сердце бьется
Отчаянно, гулко, толчками,
И в груди —
Будто лавы палящий накат.
Неприступно и гордо
Глядит Арарат, —
Может, жизни величие
Там — над снегами?..

* * *

Поэт,
Задержи эту повесть большую.
Оставим рассказ,
О героях условясь.
Маро и Саркиса
Теперь опишу я,
Чтоб дальше потом продолжать
Мою повесть.
Когда меня ночью
Зверьком одичалым
Саркис подобрал

В непогоде осенней,
Он был сорокапятилетним,
Бывалым
И вдосталь выдавшим
Невзгод и лишений.

Он рос в свои ранние годы
Подпаском
Под горестный наигрыш
Дудок пастушьих.
Привычный к бездольному детству
Не к ласкам,
Закованный в кряжи, —
Попробуй разрушь их!

На шее —
Рубец красно-синий приметен.
Всю спину
Следы от побоев изъели.
В минувшем,
Как будто цепочкой отметин, —
Зажатых рыданий
Скупые капли.
Забота о хлебе
Голодным,
Разутым,
Бездомным
Кидала его к бездорожью.
Прикованный к рабству,
В плен отданный путам,
Он был ослеплен
Их обманом и ложью.

Когда речь вели

О минувшем-прожитом,
О прошлом своем
Говорить он привык:
«Что память,
Уж лучше и не вороши там!
Рассказывать станешь —
Отсохнет язык!..

Я с горькою речью
В беседу не сунусь —
Все горе и горечь
Не выскажешь тут.
Едва лишь припомню
Сгоревшую юность —
И слезы
Два желоба
В камне прожгут!»
Источится камень,
А гор — не изложишь:
Повытекут очи,
Буравя гранит.
Вся жизнь его
С горами бед была схожа,
Пока повзрослел —
Наглотался обид...

* * *

Так дни проходили,
И месяцы мчало.
С Маро неразлучна,
Сдружилась я с нею.
Я всем существом
Ее речи вбирала,

Мечтанья и думы
Росли, пламенея.
Так дни проходили,
Сливаясь, как реки.
Дню — вечер па смену,
За ночью — рассвет.
Те дни!
Пробуждения памятный след.
А вспомнишь —
Искрошится сердце навеки...

* * *

В ту ночь
Сон и не был
У нас на пороге.
Луна почернела
От мрака несчастий.
И горе
Сердца разрывало на части, —
Ужели безвыходны
В жизни дороги?

И снова на сердце
Кручина — горою,
И слезы текут
Неизбывным потоком.
Что ж смотришь, Масис, ты
В злорадстве жестоком?
Зачем к нам судьба
Так враждебна порою?
Всю ночь
Я Маро не давала покоя:
«Скажи мне,

Я в толк никак не возьму,
За что же Саркиса
Забрали в тюрьму?
Да что он —
Свершил преступленья какое?»

«Нахшон, не пытай,
Где конец, где начало.
Невзгод — через край, —
Что ж рассказывать стану?
Ответа ты ждешь вот...
Но если б ты знала
Души моей
Кровоточащую рану!
Сейчас эти псы
Глумятся над всеми,
Удел наш — побои,
Ярмо угнетений.
Но будет —
Я верю! —
Счастливое время,
Придет оно к нам
Благодатью весенней.
В Москве, в Петербурге —
Октябрьское пламя.
Октябрь —
Это их революции имя.
Восстанем —
И будет победа за нами.
Восстанем —
Покончим с врагами своими!

Теперь наш край
Изнывает от горя,

Но к бою готовы
Рабочие-братья.
«Великой державе
От моря до моря»
И всем дашнакам —
Смерть и проклятье!
Отец твой
Не верил их гибельным целям.
«Восстанем, — взывал он, —
Всей силой народной,
Пусть будет наш край —
Словно сад плодородный,
Пусть жизнь, как вино,
Напитает нас хмелем!..»
Всю ночь
Мы проплакали с нею в печали.
В бессонное утро
Нахлынули зори,
А мы даже солнца
Не замечали,
Как будто затмило рассвет
Наше горе...
О сердце,
Ты — друг
Всем мечтаньям заветным, —
Ужели удачи в желаниях
Нет нам?

* * *

Так дни проходили,
Прошло их немало...
Но радость
Нам дружбу свою не дарила.

Маро мои думы и речи
Питала
И глубь непонятого
Мне приоткрыла.

И словно бы солнце
В глазах загорелось,
И взор мой простерло
К бескрайним пределам.
Пришло мое время —
Познала я зрелость
Открылась мне грань
Между черным и белым.

* * *

Рассветы и ночи —
Всему свое место.
Кружение дней
В задувающем вихре.
И в сердце нахлынула
Буря протеста,
И мысли, как волны,
Вздымаясь, не тихли...

И дрожь
Наливает смятением тело, —
Не знаю,
Откуда такое приспело.
Я гневом своим бы
И небо достала,
В куски бы разбила
И горы п скалы.
— Открой мое небо,

Не хмурь е! о, туча!
Не страшно тебе? —
Моя ненависть жгуча!

* * *

Шумит майский ветер,
Веселый и прыткий.
Весь мир будто вышит
Зеленым узором.
Окутавшись
Черной атласной накидкой,
Ночь бродит, шатаясь,
По стихшим просторам...

* * *

Опять день за днем
Спешат на лету.
Вздывается сердце
Весенним потоком.
Всей радостью сердца
Я кличу мечту,
И счастье любви
В этом зове высоко!
Саркис увидал бы
Решимость мою —
Прижал бы к груди,
В лад стучали б сердца...
За плен,
За темницу,
За муки отца
Возьми меня, битва,
Дай место в строю!

* * *

Поток ли гремит,
Ураган ли окрест?
Морские ли волны
На берег хлестнули?
Обрушились горы ли,
Своды небес?
Весь мир обсвистели
Свинцовые пули.
И я,
Ручейком, что влился в ураган,
На улице,
В львином разгуле раската,
В правой руке
Сжимаю наган,
А левая
В гневе безудержном сжата...

* * *

В едином порыве
Бежали вперед...
Что это? Маро...
Что случилось, — не знаю
Она вдруг упала...
Лежит... не встает.
Закрылись глаза.
О родная, родная!
Погоди, перестань,
Как стерпеть мне всё это?
О Маро, ты — любовь моя,
Жизнь моя, нежность.

Не твоей ли мечтой
Была ширь всего света,
Не с тобой ли мечталось
О далях безбрежных?

Как Нахшон твоя
Вытерпит эту беду?
Неужели пришла нам пора
Распроститься?
О Маро... я ведь горем
Себя изведу.
Мне не жить без тебя.
Как же быть мне, сестрица?
Эх, бедняжка...
Упала, схватившись за грудь.
Все лицо у нее
В сизых прочерках ссадин.
Почему ж
Был короткий твой век беспощаден?
Так вот — темные очи
Навеки сомкнуть!
Я рыдала
Все горше и все безысходней
И свалилась,
Сожженная горем дотла.
Кто-то взял меня под руки,
Бережно поднял.
«Кто? Ашот? — я спросила, —
Маро умерла...»

* * *

А после...
Сознание и разум ушли.

Припомнить, что было,
Совсем не отважусь.
Очнулась.
В руке перевязанной — тяжесть,
И я не могу
Приподняться с земли.

Смотрю —
Надо мною Саркис и Ашот.
То — сон или явь?
Озираюсь несмело.
Как будто
Я только впервые прозрела,
И мир,
Как видение света, встает.
«Отец, а Маро...»
«Не плачь же, постой,
Дочурка, Нахшон, не рыдай
И... ни слова...
Не мучь мое сердце
Ты этой бедой.
Была бы хоть ты-то
Жива да здорова!»...

* * *

Смогу ли сказать,
Как я счастьем богата?
Во всем я стремлюсь
Разобраться сама.
Мечты мои
Выше вершин Арарата,
Как стать кипариса,
Я станом пряма.

Всё горе,
Что болью хлестало по сердцу,
Весельем
В студенческом клубе врачую,
Гоню
Сквозь открытую жизнью мне дверцу
Скитаться в проулках,
Поживы не чужа.

Продолжу,
Еще не закрыта тетрадь.
В ней слез отпечатки
На каждой странице.
А память — как голубь:
Лишь станет летать —
И крыльями
Свет затемни п. мне стремится.
Отец мой...
В глазах его — ласка участия.
Мне лоб он целует
И не наглядится.
Он жив и здоров...
(Это — радость и счастье, —
Ведь сердце могло бы
От горя разбиться!)

Маро...
Язычком чуть мигнувшего света
Потухла,
Слетела листочком осенним.
Она мотыльком,
Не дожившим до лета,
Погибла,
Застигнута смертным мгновеньем.

Как память
Минувшие годы зацепит —
И горе
Все сердце изгрызть мне готово,
И все существо мое
Чувствует трепет,
Слезами
Ресницы смыкаются снова...

Но только взмолюсь я:
«Щади меня, память!» —
Больная рука
Воскрешает былое.
И жизнь я отдам, —
Что там руку поранить! —
Когда призовет меня сердце
К бою!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ветерок-озорник
Шаловлив и скор.
Лунный свет — как фонарь,
Он тобой зажжен.
Ты пришла,
Ты — со мной,
Здесь моя Нахшон!
О русалка моя,
Стрел-ресниц узор...
Сказке жизни твоей
Подошел предел.
Только вот о себе
Рассказать не смог.

Мой читатель,
Ты все ведь понять сумел:
Хоть и мал мой рассказ,
Но и в нем есть прок.
Быстро ночи бегут,
Я сердит на них.
Не закончишь листок —
Подошла заря.
В сказке жизни твоей
Есть неспетый стих.
Будет время —
И он не зачахнет зря.

Твоей жизни дастан!
Нескончаем он.
Тем, что я здесь писал,
Не сведен итог.
Пустяки? Не труни
Надо мной, Нахшон!
Это — только запев
Всех неспетых строк,
Я устал.
Мы пока будем врозь с тобой.
Вникни в суть моих слов —
Что таят они.
Если Родина нас
Снова кликнет в бой, —
Вскинь все пики ресниц —
Тучей стрел метни!

СТИХУ МОЕМУ
(Сонет)

О стих мой! Всё же, право, ты хорош, —
Перед тобой все розы потускнели:
Не я тебе, а ты мне жизнь даешь —
Душою ты в моем трепещешь толе.

В тебе поет боль сердца, его дрожь,
А кто безбедно доходил до цели?
Огонь горит не в любящей душе ли?
Ты — жар моей любви, и тем хорош!

Ты — мост ко мне от дальних берегов:
Мне песни Гейне были в сердце влиты,
У Лермонтова я просил защиты...

О, лишь тобою жив я и здоров,
А смерть меня найдет в песках глухих, —
Пусть! Я — Меджнун, а ты — Лейли, мой стих!

* * *

Иди сюда, взойдем на горы,
Идем со мной!
Там красотой блещут просторы
И белизной.

И снежный блеск алмазных граней
Там так хорош!
В груди твоей — разлив желаний
И в сердце — дрожь.

Ты знаешь сам: ведь нет покоя
У юных дней.
Когда они взбурлят рекою,

Их бег сильней.

Вот почему согреты взоры
Той белизной.
Иди сюда, взойдем на горы,
Идем со мной!

СЕРДЦЕ

Сердце, ты — мой саз поющий,
Ты слова мне наполнишь ладом,
Лунный свет ты даришь взглядам,
Силой ты влечешь зовущей.

Грудь тебе тесна до боли,
Радость — выплеснуть готова.
Языку порою трудно
Выплавлять из сердца слово.

Ты игриво и строптиво,
Побеждать тебе лишь мило.
Зрей, кипи, бурли, играя,
Жив я — пой, что есть, что было.

Если ж Родины доверье
Хоть на миг к тебе погаснет,
Разорвись, чтоб искру высечь, —
Разорвись от боли насмерть!

САБИР АБДУЛЛА

ВОТ ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ!

Смысл любви сначала пойми, а подругу найдешь—люби,
Вешний сад, расцветший детьми, что красую пригож, люби!

Сад любви всегда сторожи, зорко стой у его межи,
Зорям, птицам, цветам служи, — всё, что сердцем поймешь, люби!

Если розы растить ты стал, не страшись их колючих жал,
Без шипов букет будет вял, — берегись их, но всё ж люби!

Полюби высокой мечтой всё, что дарит нас красотой,
На пути этом твердо стой, — всё, чем мир наш хорош, люби!

Сердце радостью вдохнови, по совету ума живи,
Всё, что встретишь в пути любви, всё, что в ней обретешь, люби!

С недостойными не дружи, добрых чувств порыв придержи,
Добротой друзей дорожи: правду чувств, а не ложь люби!

Помни: радости ремесла нам даны, чтобы жизнь цвела,
И семью, что тебе мила, для которой живешь, — люби!

Если любишь радость вина, виноград собери сполна,
Добрый труд свой, не зная сна, урожаями множь, люби!

И чуждайся пустых бесед, в них ни толку, ни проку нет, —
Ночь, когда волнением согрет, звучный стих создаешь, люби!

Верь, Сабир: долгой жизни шаг—трудолюбия верный знак,
Знай танбур, и тар, и гиджак, — струн их трепет и дрожь люби!

МУХАММАС ДРУЖБЫ

Ищи себе друзей, о сердце, любовью их к себе влечи,
И пусть дружить с тобою будут борцы за правду, смельчаки!
И, если спросят, я отвечу — вопросам в лад иль вопреки, —
Что жизнь стократ светла любовью, когда друзья душе близки,
Когда друзья добры, и рядом—поддержка дружеской руки!

Где безлюбовно соберутся, там и слова бесед — к чему?
Душа и тело если розно живут себе во вред, — к чему?
Когда не греет душу радость, жасмина вешний цвет — к чему?
Вся благодать садов весенних, когда друзей в них нет, — к чему?
Как будто всё есть для веселья, да /гудут дни мои горьки!

Когда простых бесед отрада открыта дружеским сердцам,
Когда в них всё, что сердцу надо, открыто дружеским сердцам,
И радость дружбы, как награда, открыта дружеским сердцам,
И добрых помыслов услада открыта дружеским сердцам,
Да будут все твои свершенья сияньем сердца велики!

Стремись быть чистым, чтобы в дружбе душа как зеркало была,
И не дружи с таким, кто в сердце скрывает хоть частицу ела,
Раскрой достойному объяття — да будет дружба с ним светла,
А не найдешь друзей достойных—один верши свои дела, —
Дружить с бесчестным и недобрым вовек себя не обреки!

Когда под вечер па прогулку хочу я выйти по весне,
Беседой теплой тешить душу в кругу друзей желанно мне,
И не зови меня, садовник, гулять в саду наедине, —
Без друга даже пир — не в радость: не будет радости в вине,
Пусть льется там вино Хаяма хоть водопадом из реки!

А я за верную подругу готов отдать — да кто возьмет?—

За бескорыстную услугу готов отдать—да кто возьмет?—
За верность дружескому кругу готов отдать — да кто возьмет? —
За друга, преданного другу, готов отдать — да кто возьмет? —
Весь хлам мечети и михраба, все их тенета и силки!

Один мираж — сердца пустые: коль ты умен, их не хвали,
От них, как от разбитой лютни, — одни трезвон, — их не хвали:
Когда в бесстрастных книгах главам хоть сто имен — их не хвали,
И если в сотнях книг хоть листик любви лишен, — их не хвали,
Им не равняться с добротой любовью дышащей строки!

Пусть позовут тебя к Джемшиду — к соблазнам пира не иди!
Где нет друзей, не будь там гостем: без друга — сиро, не иди!
Пускай тебе сулят в награду все блага мира — не иди!
Пусть подруг хоть барана режет, зовет Сабира — не иди:
Бесценный дар — беседа с другом, — пусть за похлебкой из муки!

ТАШКЕНТУ

Мусаддас

О, не отвергни песнь мою, когда ты будешь мной воспет,
Я в этой песне воспою твоих садов весенний цвет!
О город мой в родном краю, мой пылкий стих тобой согрет,
Здесь — розам цвести, и соловью среди садов встречать рассвет!
Из края в край пройди Восток — тебе красою равных нет,
Ты — честь и доблесть вольных лет, ты — слава ленинских
побед!

Ташкент, любимый город мой, тобой гордится мой народ,
Пройдусь по улицам твоим — толпа друзей со мной идет,
И сердце просится в полет, и гордо я смотрю вперед:
Никто среди твоих красот следов былого не найдет,

От прежней ветхости лачуг теперь не сыщешь и примет!
Ты — честь и доблесть вольных лет, ты — слава ленинских
побед!

За сорок лет Ташкент расцвел, шумит зеленый город-сад,
В нем сотни сотен клубов, школ и много в нем дворцов-палат,
День ото дня, за годом год всё красочней его наряд,
Достоин громкой славы он, хвалы достоин он стократ, —
Он весь — как лучезарный свет, в цветенье всех цветов одет!
Ты — честь и доблесть вольных лет, ты — слава ленинских
побед!

УЙГУН

ОТЧИЗНА

Весь жар моей любви — с тобой, мой вешний сад, моя Отчизна!
Тобой я жив, твоей судьбою, тобой богат, моя Отчизна.

Тебе я преданность сыновью несу и с верой, и с любовью,
Твоих побед великой новью дышать я рад, моя Отчизна!

Ты — мать мне, ты меня взрастила, ты — светоч мой, мое
светило,—
Тебе и честь моя и сила принадлежат, моя Отчизна.

Мне все твое: родник с водою, земля и камни — дорогое,
Тебе я все во мне живое отдам стократ, моя Отчизна!

Мне без тебя весь мир — темница, и солнце без тебя затмится,
Моя звезда, моя денница, твой образ свят, моя Отчизна!

Все светлое с тобою слито, моя душа тебе открыта,
Я—щит твой, я—твоя защита, я—твой солдат, моя Отчизна!

Уйгун — что соловей из сада, ему хвалить тебя — отрада,
Любовь к тебе — ему награда, мой вешний сад, моя Отчизна!

* * *

В час затишья, в окопном сне
Брежу дальнею Ферганой.
Лишь забудусь я — снится мне,
Будто рядом ты, тут со мной.

Но и в яви, в глухом снегу

За врагом слежу — ты со мной,
И заряд мой на смерть врагу
В черный ствол вложу — ты со мной.

Я в разведку — и ты со мной
Еле слышной тропой идешь.
Ты сама зовешь меня в бой,
И со мною ты в бой идешь.

Что ведет тебя, что зовет
В ощетиленный мой окоп?
Что ведет тебя в жар и в лед
В грохот битвы, в безмолвье троп?

Это — жизни и смысл и суть,
Смерть презревший призыв: «Живи!»-
Все живое ведущий в путь
Негасимый огонь любви.

* * *

Я за Родину в бой прошусь,
Жизнь и честь я ей отдаю.
Может враг убить меня, — пусть,
Не попать ему честь мою.

Враг не сможет меня сломать,
Он меня не собьет с пути.
Всей любовью, Отчизна-мать,
Я прошу тебя: в бой пусти!

Если ж я твой победный путь
До конца не пройду с тобой,
Вспомни, Родина, не забудь:

С твоим именем шел я в бой!

* * *

Не лги, дорогая, — о, как ты прекрасна!
Меня, отвергая, не мучь ежечасно.

Ты ладна, пригожа, красою богата,
Богатство свое же ты губишь напрасно!

Как я, будь влюбленной, не будь бессердечной,
Я, мукой спаленный, люблю тебя страстно.

Будь смелой в порывах, меня не чуждайся, —
Чуждайся красивых, будь к ним безучастна!

Со мной ты сурова, не держишь обета,
А лживое слово бесчестьем опасно!

А сам хоть немного тебя обману я —
Суди меня строго, карай меня властно!

До смерти, навечно Уйгун тебе верен, —
Не будь бессердечна, терзая всечасно.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Я юнцом, а ты девчонкой
В вешний вечер здесь сидели,
О любви нам пели звонко
Соловьев лихие трели.

У ручьев кустилась смело

Юная листва сквозная,
И в сердца стремглав летела
Песнь любви, преград не зная,

Прядей кос твоих порывом
Ветерок касался вешний,
Лунный свет в вине игривом
Тайною манил нездешней.

Пьян от счастья, хмель шипучий
Я не тронул,— что мне в хмеле:
На меня с улыбкой жгучей
Очи милые глядели!..

Был я юн — почти мальчонка,
Ты — едва лишь расцветала.
Как сердца стучали звонко,
Как нам лет-то было мало!..

Стали мощны здесь стволами
Все деревья — в два обхвата,
Здесь не те цветы, что с нами
Были в юности когда-то.

Я уж тронут сединою,
И морщины — не моложе,
Годы вскачь бегут за мною,
Но взгляни: ведь сердце — то же!

Сердце полно той любовью,
Той же песней, тем волненьем,
К той поре любовь сыновью
Я вверяю вдохновеньям...

И хоть ты теперь далече
Со своей судьбой иною,
Как тогда, при давней встрече,
Ты всегда вдвоем-со мною!

Все — со мной, с моей мечтою —
Те улыбки, юность, ласки,
И с твоею красотой —
Песня соловьиной сказки...

И пока со мной то диво,
Значит — старость не настала:
Я в саду любви счастливо
Поживу еще немало.

ЭТО - СЧАСТЬЕ МОЕ

Не пугай, что покинешь меня, —
Утешенье меня не покинет:
Ты уйдешь, а пыланье огня
В верпом сердце вовек не остынет.

Все напрасны старанья твои:
Разве можно отнять в одночасье
Неизбывное чувство любви,
Переплавленной в вечное счастье?

О ЛЮБВИ

(и в шутку и всерьез)

Стих о любви прочел я раз,
И вдруг неюная особа

Обидой вспенилась тотчас,
К гостям взывая твердолобо:

«Извольте! Пожилой поэт
Томится, страстью пламенея!
Ужели для почтенных лет
Сюжетов нет уже скромнее?

Другое бы в года свой
Ему писать», — она сказала.
Так выходило: о любви
Петь только юным и пристало!

Да что же гнев-то столь суров,
И скорый суд самоуверен?
В каком законе для стихов
Предел по возрасту отмерен?

Волшебной силой манит в сеть
Любовь и пожилых и юных:
Чем старше ты, тем звонче петь
Ей на твоих сердечных струнах.

Любовь не смотрит на года,
А любишь преданно и строго -
Тебе в цветник любви всегда
Открыта верная дорога.

Когда вы в плен любви сдались, —
Нет, не по возрасту и летам
Душа любого рвется ввысь,
А сердце рдеет самоцветом.

И пусть та женщина поймет, —

Готов поклясться верным словом:
В любви любому свой черед
Поддаться колдовским оковам.

Не согласится — не гневи,
Разубеди другим ответом:
«Всё, что писал я о любви,
Меня и сделало поэтом!

Тот не поэт, кто соловьем
Не пел любовь, ее тревоги:
Где счастье выше мы найдем,
К садам любви забыв дороги?

Я пел, в мой стих совет вложив
Для тех, кто возрастом моложе.
Вам похвалить бы мой порыв,
А вы — меня бранить! За что же?

Я девушкам перевожу,
Что в душах юношей таится,
А девушкам в стихах скажу,
Как юношам в любви открыться.

Взгляну на юную красу —
То — смотрит юноша смущенный,
Слова любви произнесу —
То — голос юности влюбленной.

И песнь любви во мне жива,
Подвластна правде, не обману:
Пока во мне поют слова,
Любовь я славить не устану!

И что бы ни сказали впредь,
В садах любви мне песнь желанна
Пока я жив, я буду петь,
Служа влюбленным неустанно!»

ЗУЛЬФИЯ

В ПУТИ

Пути, селения, моря п города, —
То по земле мой путь, то в небе, то водою.
Судеб людских и стран пестрящая череда
С их мыслями, борьбою и страдаю.

Со мной в дороге — песнь, любовь, порыв, —
Как солнце я в нуги и как планета.
И даже ночью сон, мне путы свив,
Плывет со мною в даль — к лучам рассвета.

А мне на время путы не накинуть,
Над смертью и над жизнью — путь-дорога.
Что ни пишу, всё — жизнь в ее глубинах,
Простого сердца трепет и тревога.

НЕСОТВОРИМОЕ

Снова в путь, сердцу нет угомона,
Радость плещется, к песне маня.
Всё мне хочется видеть бессонно,
Будто всем дело есть до меня.

В кишлаках что ни вижу, — всё — диво,
Каждый миг — очарованный сказ.
Земляки, я лишь вами счастлива,
Мне — ни жизни, ни песни без вас.

Я звала — где герой знаменитый?
Вдруг — колхозница, вид ее строг,
Облик весь ее, ветром омытый,

Вдохновенней несложённых строк.

Запыленная, в ярком наряде, —
Солнце с полем вдвоем — в пей одной!
Ширь души, само время — во взгляде, —
Красота всей заботы земной.

На руках огрубелых — сиянье,
А глаза — словно песню струят.
Не опишешь и в долгом сказанье
Рек, поющих в ней, искристый лад!

С чем сравнить ее вольную смелость?
Ее мудрость воспеть и не тщись!
В ее речи поэзия пелась,
Словно радостным зовом: «Учись!»

Вся она — воплощенное счастье,
Светлых крыльев полетная высь,
Всё в ней — с жизнью в надежном
И воспеть я должна саму жизнь!

Но в том образе всё неумно —
Радость хлеба, любви, бытия.
Всё в искусстве велико и скромно,
О страна моя, гордость моя!

ЛУКАВООКАЯ

Она беспечно нежилась в волнах,
И вдруг кольцо скользнуло в глубь потока.
Смятенье мыслей — вихрем, боль и страх:
Что за беда грозит лукавоокой?

И — рыбьим холодом сковало стан,
Взор ищет дна, глаза полны слезами.
Подарок мужа! Счастья талисман!
Берёг любовь, блестя на перстне, камень.

Вот баловню судьбы какой урок!
Удача — прочь причудою шальнойю.
Упустит ведь... Глядит — кто бы помог, —
Ужель любви погибнуть под волною?

А над кольцом потоки волн со дна
Песок вздымают выплеском игривым,
И женщина следит, пригвождена:
Блестящий камень... кольчатый извивом,

Улиткою — ползет, манит на дно.
И женщина — в поток но воле зова.
Пускай кольцо теченьем снесено,
Она за пим на полюс плыть готова!

А белый палец след кольца хранит,
Пронзает сердце болью отупелой.
Поток бушует, алчной злобой взмыт,
Ударами как будто крошит тело.

Взрезая цепи волн, она плывет,
Преследует, преследует потерю...
А дома — муж, — он дням теряет счет.
Он ждет лукавооую, он верит...

* * *

Жизнь проходит, но н не жалею,

Сердце рвется к труду и перу.
Беды могут быть счастья сильнее,
По победа дается добру.

Я вольна, никому не подвластна,
Не сломить меня, бурей круша.
Пусть не все безмятежно и ясно,
Живы чувства во мне и душа.

Чтоб напев мой был людям желанен,
Мне ни мига не жить без огня.
Среди всех, кто-в труде неустанен,
Вспомните хоть раз и меня!

ХАМИД ГУЛЯМ

ВЕЧНОСТЬ

Стихи, прочитанный 31 октября 1967 г. на митинге в честь открытия в Аккургане памятника 3500 его жителям, павшим в битвах Отечественной войны.

Это — памятник людям.
Творцу-человеку,
Победившему вечность,
Творящему жизнь.
Это — памятник вечный
Советскому веку,
В нем величье и гордость
В граните срослись.

Это — памятник
Светлому сердцу и силе,
Терпеливому горю,
Тоске матерей —
Здесь на бой
Сыновей они благословили
И не встретили их
У родимых дверей.

Вам — осилившим тьму
Этой бронзы святыня,
Аккурганской твердыни
Размах и покой.
Вечным солнцем сиять
Этой гордой вершине,
Чтобы знали все люди
О силе людской.

Знай, земля, шар земной,
Что Мамаев курган
На Свободном Востоке
Обрел себе брата.
Гордо в вечность вознесся он,
Прям его стан,
Миллионы людей
Будут чтить его свято.

Это — к детям, и потомкам
Призыв вдохновенный,
Сгусток времени,
Чести и совести крик.
Здесь об ужасе войн
Всей притихшей вселенной
Повествует безмолвие
Каменных книг.

Это — вечность,
Застывшая в камне победой,
Труд и подвиг
В себе воплотившая тишь...
Современник мой, здесь задержавшийся,
Ведай:
Ты с великою Вечностью
Рядом стоишь!

СОЛНЕЧНЫЙ ПУТЬ

Грузом тягот согбен, стариком я был,
Знал я лихо невзгод — с ним знаком я был,
И безмолвен и нем языком я был,

Цепи рабства влача, сжат силком я был,
Но таящим мечту тайником я был!

И настал день надежд, чтобы мне прозреть,
К грозным битвам себя я готовил впредь,
Сердцу были не в страх ни петля, ни плеть.
Мрак веков норовил нас с земли стереть,
Шах, и хан, и джадид — все плели нам сеть:
Мнилось им, что скотом, что телком я был...
Нет! Светящим во тьме огоньком я был!

Я Муканною был, был я Тараби,
Улугбеком я был, был я Фараби,
Мудрость книг их в душе я таил — вглуби,
А страданий — поток, — хоть весь мир сгуби...
Мощный зов, в бой зови, на весь мир труби!
Перед всеми людьми должником я был,
В пламя битв и борьбы — в бой влеком я был!

Хоть и беден я был, хоть и гол, и бос,
Но, душою широк, я мужал и рос,
Дом мой радость друзьям и веселье нес,
Искрометен в речах, я не ведал слез,
Звонкой песней искрясь, цвел я цветом роз, —
Льющим сладость стихов родником я был,
Добрым песням внимать мастаком я был!

Спину гнул на других я под гнетом бед,
Но Октябрь прогремел и сотряс весь свет,
Понял я гордый зов этих славных лет, —
Вам бы видеть, как я был душой согрет:
Мой народ в грозный бой звал Хамза-поэт!
В кумачовом строю ходоком я был,
Взял я в руки ружье, смельчаком я был!

Крепче мощных чинар мой родной народ, —
О родная земля — ширь полей и вод!
Вольной силой любви в ней весна цветет,
Сладок вольным трудом обретенный плод, —
Мир свободных людей — выше всех высот!
Без тебя был я слаб, бедняком я был,
Дар таящим в земле рудником я был.

Нас полвека ведет славный путь побед,
Всем народам пример — наших зорь рассвет.
Миллионам сердец вторит мой привет:
«Ленин солнце зажег — негасимый свет!» —
И вовеки другой мне дороги нет.
Нашим внукам наказ — этот мой завет,
Славен ленинский путь — счастье светлых лет!

ИЗ СБОРНИКА «МОРЕ»

МГНОВЕНИЯ

Мой отец был всегда спокоен:
Выпал снег — нет ему печали.
Знает он, не впервой такое:
Не под снегом ли вёсны спали!

Голова моя — словно поле:
Белый снег залег сединою.
Как отец, я не знаю боли:
Зимней стыни цвести весною!

Знаю: вешним моим тюльпанам
Будешь рада ты вольно, смело.

Выпей чашу с вином багряным, —
В ней души моей новь зардела!

Как у птиц в предрассветной рани,
Чуток сон природы весенней,
Нет движенью конца и грани,
Неизбывен полет мгновений.

Солнце ярко встает с востока,
Плавит крепкую толщу снега,
Сердце бьется светло, высоко,
И свежа весенняя нега.

Ты фиалкой в снегу подталом -
Среди первых ростков весенних —
В глубях сердца цветиком малым
Брежишь светом в моих мгновеньях,

Но не грустью воспоминанья
И не прошлою чахлой тенью,
А весной любви, ожиданья,
Миром юности и цветенья.

Если любишь, года и годы
Уместятся в мгновеньях малых:
В них — кремнистые переходы,
Перевалы в высокнх скалах.

МОРЕ

Если б человечесье сердце стало
Морем-океаном дерзновенным,
Чтобы в мощи волнового вала
Слилось небо с жизнью всей вселенной!

Чтобы сердце, будто ширь морская,
Нежило волной родную землю,
Светом солнца даль ее лаская
И с любовью зорями объемля.

А ночами чтобы лунным светом,
Высью обнимало его звездной,
Чтобы всем любовью душ согретым
Жить всегда согласно, а не розно.

Чтобы вдоль просторных побережий,
Где раздолья солнечно-багряны,
Зеленью, искрящейся и свежей,
Люди засадили бы поляны.

В этом море, светлом и просторном,
От сиянья радости лучистом,
Воздух веет ветром животворным,
Согревает жизнь дыханьем чистым.

Пусть же сердце вольным морем станет,
Беспредельно гордым в щедрой силе,
Пусть оно весь мир красою манит,
Чтоб его за щедрость похвалили.

Морю век не знать отдохновенья,
День и ночь оно клокочет домной.
Если ему стихнуть на мгновенье,
Смолкнет и замрет весь мир огромный.

Пламенное сердце человечье,
Ты горишь не домной ли бурлящей,
Не мартеном ли, не жаркой печью

Плавит сталь огонь, в груди кипящий?

Пусть мечи из этой доброй стали
Силу зла осияют гневом ярим, —
Искра сердца в битве, в бурном шквале
Станет всежигающим пожаром!

Это — море, океан огромный,
В берега валами бьющий где-то.
Будто пламя, силой неумемной,
Синевой он блещет в бликах света.

И повсюду — до земных пределов
Море гимн поет своим причалам.
Сколько кораблей, слепяще-белых,
На его просторах прокачало!

Друг, поведай мне, тебя прошу я,
Дружен ли ты с ширью окоемной,
Видишь ли ты моря даль большую,
Можешь ли объять весь мир огромный?

А на кораблях слепяще-белых —
Тысячи влюбленных и любимых.
Вдумайся: попять бы ты сумел их,
Смог бы внять ты песням непростым их?

Ведь у всех свои мечты, тревоги,
Судьбы, встречи, радости, дороги,
Расставанья, горести, печали,
Расстоянья, скорости, причалы,
Суэта, заботы, разговоры,
Иногда — просчеты и раздоры, —

Эту жизнь с ее поклажей трудной,
Всякой — и неладной и хорошей, —
Смог бы на свое принять ты судно,
Справился бы ты с нелегкой ношей?

Для того-то, о мой друг, и надо
Смелым быть, как море волновое.
Станешь морем — вот тебе награда:
Шествуй прямо с гордой головою!

ГРУСТЬ

Самолетом путь, в автомобиле...
Даль дорог... На новом перегоне я.
Сумерки крыла свои раскрыли.
Я пишу тебе.
Здесь — Македония.
Южный край.
От Скопле-городка
Двести верст.
Возвышенность крутая.
Темным руслом вьется
Дрин-река,
Озеро Охрид
в конце рождая.
А на берегу, среди стремнин —
Здание, в пучину вод вплывая,
Кораблем возносится, и «Дрин» —
Надпись на нем ярко-огневая.
Мне в каюте-келье не сиделось,
О тебе, далекой, мне грустилось,
Дум тревожных стайка разлетелась,
Радость, словно искра, загасилась.
Вышел я на берег одиноко.

Млеют звезды — всех небес небесней,
На воде синее поволока,
Тишина ложится в сердце песней.
Слышу голос я: «Поэт, услышь,
Ты от букв ослеп — не видишь света,
Сердце ты минувшим бредишь, —
Лишь к тебе мой зов и слово это.
Жизнь! Она течет рекою Дрин —
Детищем нагорного истока,
Крылья расправляет среди долин,
Простирает пастбища далёко...
Ей вершиться — значит свет озер
На земле оставить, ил сминая,
Лечь
цветами на откосах гор,
Течь
сквозной
голубизной Дуная...»
Я грущу, любимая, один, —
Мой ли то огонь иль отблеск звездный
Или песнь поет мне черный Дрин —
Душу мне стесняет песнью слезной?
Я смотрел на водяную гладь
И застыл, немея: как в зеркале —
Только рябь воды слегка разгладь —
Преодо мной черты твои мерцали.
А потом — ясны твой лунный лик,
Как в мгновенья радости, улыбкой...
Значит, не один я — в этот миг
Ты сияла мне на глади зыбкой.
Значит, нет разлук и расстояний,
Значит, скорой встрече быть воочью!
Где мечта, там радость осиянной,
Там заря надежд идет за ночью.

НА КОРАБЛЕ ПОЭЗИИ

Анте Поповски —
капитан отличный,
Команда поэтов —
матросы при нем.
Я тоже —
в команде той необычной, —
К пристани «Дружба»
мы дружно плывем.
Рафаэль Альберти
у нас властелином.
Венец вдохновенья
на нем золотой.
И мы с ним все —
отрядом единым, —
В семь палуб судно «Дрин» высотой!
Поем мы песнь
Македонским долам,
Дружна поэзия с этой страной.
Счастье и мир ее землям веселым,
Огням ее вечно сиять белизной.
Поэт поет
о братстве высоком, —
Что есть священнее
в этом мире!
Не нужен редактор
любовным строкам,
Любовь звездно светит
в небесной шири.
А звезды поэзии —
не в душе ли?
Корабль наш скользил по волнам

упруго,
В саду поэзии
строчки пели,
Любовно вслушиваясь
друг в друга.
Охрид — чудо-озеро
полно хмелем,
Сколько ни пьешь —
оно всё полней,
И Дрин-рекой
сердцу путь мы стелем,
И песня наша звучит над ней.

РОСОЙ МЕДОНОСНОЮ

Природа, и упрямстве несносная,
Тебя создала своенравною:
Вспоила росой медоносною,
Вскормила травую отравною.

Тебе от горящею зарева
Досталась лишь тень синева гая:
Природа, тебя одаривая,
Не щедрилась лишнею тратою!

В тебе — лишь прохлада льдистая
Да наледь в душе стеклянная,
В любви чужда тебе истовость,
И нет в тебе рвенья рьяного.

Опасно дышать прохладами, —
Что пользы от счастья стертого!
И разве покою рады мы?
Покой — участь мира мертвого!

Да будь ты хоть вся из мрамора,
Не верь равнодушью сонному.
Любовь — жар огня упрямого,
Гореть дано лишь влюбленному.

БЕЗ ТЕБЯ

Нет во мне ни сил, ни воли без тебя,
Вянет речь моя всё боле без тебя.
Жаль друзьям меня: легко ли без тебя?
Я грущу до слез, до боли без тебя:
Я — невольник горькой доли без тебя!

Подступила грозной силой рать разлук,
Человеку не стерпеть столь тяжких мук!
Старит даже молодого злой недуг,
Мне подмоги не найти нигде вокруг, —
Муки сердце побороли без тебя!

Не вкусны теперь ни чай мне, ни еда,
Как друзей я ни зову — нейдут сюда,
Даже свет огней стал темным, — вот беда.
Темен мир, — зажглась хотя б одна звезда,
Всё мне — мука злой недоли без тебя.

На рассвете я брожу в моем саду,
Тени сада бередят мою страду.
Голос твой в тиши ловлю — тебя я жду,
Дни с тобой я вспоминаю, как в бреду, —
Бред пройдет — и я в неволе, — без тебя!

Жизнь поспешна, тороплив ее разбег.
Каждый год — что перевал, где лед и снег

Только в радости — бурленье щедрых рек,
А любовь — союз влюбленных, счастье нег,
Я — как куст, засохший в поле, без тебя.

Как чудна вокруг природа и светла,
Звезды светят в небесах — им нет числа,
Вся земля лежит в снегах, белым-бела,
Только мне вся эта щедрость не мила:
Мне черно и в снежном доле без тебя.

Всем от века люб желанный Новый год,
Пусть и мир и счастье людям жизнь несет,
Пусть никто вовек не ведает невзгод,
Пусть и мне судьба желанное пошлет, —
Ждать мне радости доколе без тебя?

В ЭТОТ ВЕЧЕР...

В этот вечер
в бескрайнем поле
Мы с тобой
под метельной вьюгой.
Цель близка,
а не стихнуть боли:
Не под силу нам —
друг без друга.
Ты уйдешь за моря, за реки,
И останусь я сирой тенью.
Так на свете велось вовеки:
Радость встречи — путь к разлученью.
Весел мир,
если звезды светят,
А погаснут —
все скрыто тьмою.

Ты -
одна мне звезда на свете,
А уйдешь — только боль со мною.
Одинок я в метели вьюжной,
Заметает твой след пургою.
Только свет
— тусклый свет жемчужный
Тешит мыслью меня другою:
И орлу среди скал отвесных
Приучать орленка к паренью, —
Стерегу я твой путь безвестный,
Вдаль стремлюсь за твоей я тенью...

* * *

В любви только верным быть надо, считал я,
От милой и муки — услада, считал я.

Писал о тебе по утрам я, тоскуя, —
Тот миг чем-то вроде обряда считал я.

О, только б в мечтах моих ты улыбнулась,
Мечтанья — и то мне отрада, считал я.

Сердитость твоя сад любви иссушает,
Твой гнев для цветов — горше яда, считал я.

Хотя б и вдали, а в мечтах быть с тобою —
Мне добрая в этом награда, считал я.

О, если б не ведать мне вихрей разлуки, —
В них — гибель для вешнего сада, считал я.

Грустил я о Родине в странах далеких, —

Ждать встречи с тобой долго ль надо, считал я.

АСКАД МУХТАР

ПОЭЗИЯ

Этот мир очень прост,
так водилось всегда,
Алфавит — а да бе — вот его естество.
Вот река: берега и меж ними — вода,
Да, вода, это просто вода — H₂O.
День труда —
семь часов,
каждый день семь часов,
На ходу быстрый завтрак заглатывай стоя,
Вешай номер,
зовут — откликайся на зов:
И зимою и летом
тут дело простое.
Просто: девушки — девушки,
птицы — как птицы.
А любовь...
Нет, не буду судить я о том.
И гаков был весь мир —
и события, и лица
В те года, когда был я с тобой не знаком.
А узнал я тебя —
всё таинственным стало,
Каждый лист, будто книгу, читал я всерьез,
В сердце боль соловьиною трель расплескала,
На луну погляжу — и не выплакать слез.
И в реке — не вода,
а минувшие годы,
Вечера у реки — юной были мечта.
Вижу дальний тот берег и давние воды:
Поцелуй

и с косичками девочка та...
Каждый путь полон дум
и гудящей тревоги,
Где-то в узких, низинах —
тюльпанная даль,
И тропа моя вьется
в скалистом отроге,
Это — дума о матери, грусть и печаль. -
Сила рук,
Сердца стук —
труд привычный, обычный,
Путь домой — чудо-улица, полная чар.
В древке флага,
в станке,
в каждой кладке кирпичной
Тысяч рук ощущаю я дружеский жар.
Даже в звездах
я повесть о жизни читаю —
О волненьях ее, о былом и грядущем,
Очи их светят счастьем, над миром витая, —
Счастьем, сердцу и силу и ясность дающим.
Или жизнь я познал, лишь тебя повстречав,
Или мир изменился совсем в самом деле?
Нет,
с тобой человек стал вдвойне величав,
В е! о сердце и песня и сила запели!
Потому
ни свинцовые пули, ни яд,
Ни сибирская каторга,
ни Астрабад,
Ни камней Шахмардана убийственный град
Его гордую голову не покорят!
Я узнал тебя — клад мне открылся прекрасный:
Мой весь мир — и краса его и расстоянья.

Красота человека — мое достоянье!
О, как жалок п беден к тебе непричастный...

РАМЗ БАБАДЖАН

* * *

О, южное солнце, огонь колдовской,
О, нет, я не огнепоклонник, — не сетуй!
Я, атомным веком надежно прогретый,
Стерплю, как сумею, жар огненный твой, —
Так челн терпит бурю, взлетая ракетой.

Я просто на море приехал, усталый,
И нежусь, ласкаемый жаром и светом.
(Ты что-нибудь в жизни слыхало об этом?)
Потом тебя в сказке, вовек небывалой,
Потешу стихом, о тебе же пропетым!

* * *

Если ты к чувству доброй любви не влеком,
Если ты равнодушен к соцветьям цветущим,
Если смысла не видишь в стихе, душу жгущем, —
Не жилец в этом мире, ты — в мире ином!

Хочешь жить неизбывно — покоя не ведай,
Для врагов уготовь в сердце пламень драконий,
Другу душу дари из открытых ладоней,
Верным быть поклянись, зову верности следуй!

Ну а если ты с этим не справишься споро,
Без тебя этот мир проживет свои лета,
И бесследно пройдешь ты, но, может быть, где-то
Всё же рухнет, тобой не подперта, опора?

* * *

Иные критиканы смотрят львами,
По следу они гонятся за ланью —
Сразить, сожрать, настичь могучей дланью,
Упитья всласть горячими словами...

Иному что стихи! К ним — со смешком он.
Иных стихи до слез горючих тронут.—
Кто в саван, кто в пеленки запеленут...
Поэт упал — калам его не сломан!

ШАИСЛАМ ШАМУХАМЕДОВ

РУБАИ

К ХАЯМУ

Стихи Хаяма взявшись изучать,
Ты в них найдешь иных времен печать.
Просей их мудрость разумом своим —
Добро и зло сумеешь различать.

К СААДИ

«Я—прах, я—черная земля», — так скромно говорил поэт,
И в этих звуках и словах я разгадал такой секрет:
Людскую мудрость оп впитал, как капли светлого дождя,
И чистотою родника он возвратил ее на свет.

К МИРТЕМИРУ

«Что нужно, — я спросил, — чтоб в мире быть поэтом?»
«Два свойства, — был ответ, — даны его приметам:
Познаний целый мир, как у премудрых старцев,
И чистота души, как у детей, при этом!»

* * *

Нет, к юбилеям у меня душа не прилегла:
Подчас в речах бывает ложь, пустая похвала.
Ты жизнь прожить старайся так, чтоб в юбилейный день
Никто хвалою оценить не смог твои дела!

* * *

У каждого в сердце — заветное слово,
Дерзаний и смелости суть и основа.
О сердце людское! Его берегите:
Зажечь целый мир его искра готова.

УЧИТЕЛЯМ

Я без волнения не могу промолвить ваши имена:
Фиал Хаяма мне вручив, вы дали мне его вина,
Учили вы вбирать душой стихов Хафиза красоту
И вамп к свету п добру душа была устремлена.

СОСУДЫ

Есть два сосуда — разные на вид,
Но каждый чем-нибудь да знаменит:
Чернильница поможет умным стать,
Бутылка вовсе разума лишит!

* * *

Пет музыки прекрасней песни,
Для сердца нет лекарств чудесней,
А если в сердце нет любви,
То жизнь пуста — пуста, хоть тресни!

* * *

Пользы пет от белой тучи,
Что взвивается всё круче,
А от близкой, от летучей
Хлынет ливень — дождь могучий.

* * *

Не схожа ль с морем и душа людская:
То тихо дремлет, волнами плеская,
То, разъярясь, рождает ураган,
То солнцем засверкает гладь морская.

* * *

Сосульки, как хрусталь, чисты, ясны,
Перстами с крыши вниз устремлены,
Надменны, словно падают с небес,
И... тают все, не увидав весны!

* * *

Подсолнух сок земли вбирал упорно,
А венчик солнцу подставлял задорно, —
Вот почему он станом гордо прям,
И соками его налиты зерна!

ДЖАМИ

В его руках и старый черепок — как чаша, что из золота лита,
Его огнем горящая душа — не чаша драгоценная ли та?
Не из нее ль он страждущих поил, когда их жажда так была люта?
Он, мудрой жизни робкий ученик, — наставник всех людей во все лета!

ТУЮГИ

* * *

Дают зарок и — курят вновь, — что делать с молодыми?

Не держат слова, хоть добра в табачном мало дыме.
Ну что ж, кури, коль твой девиз — пустая отговорка:
Мол, неразумен, молод я, судить-де мал о дыме.

* * *

Хоть мало строчек в рубаи, даны и смысл и цель им,
И если каждую строкой мы в сердце метко целим,
Они пойдут из уст в уста и будут жить веками, —
Доволен может быть поэт: служил он добрым целям!

* * *

Мне чудится в твоих губах рубинов твердь литая, —
Как жить мне — в горе ли скорбя, от радости ли тая?
И если жар своих очей ты влагой уст не тушишь,
Пусть тот огонь мне душу жжет, в ней искрами летая.

* * *

Распались пряди кос твоих! Ах, я в своем уме ли:
Как люди отыскать красу такую не умели?
Твой ладный прямою стан всех тополей стройнее,
Но ты — как ива надо мной, что тень дает у мели!

* * *

Забудь про спесь: твоя душа ничтожна и скупа ли?
Под струи ветра грудь подставь, чтоб душу искупали.
И если даже дом твой — рай, на свежий ветер выйди:
Все грешники свои грехи не так ли искупали?

ТЫ - МАТЬ

Нет, ты — не жизнь, ты больше — мать, ты — жар любви
горящей,
Ты — светоч солнца, телу жизнь, а сердцу свет дарящий.

Младенцу малому сполна ты жертвуешь собою,
Ты по ночам не знаешь сна — ты не бываешь спящей.

Когда дитя едва пойдет и занозит ножонку,
Готова иглами ресниц ты вынуть шин язвящий.

Одно биенье сердца в нас, сердца не бьются розно:
Со мною радуясь, больна ты болью, мне грозящей.

Вся человеческая жизнь украшена тобою:
Ты — человечности цветник, ростки добра растящий.

Ты на груди земли родной меня растишь и холишь,
И ты же даришь мне порыв к красе небес слепящей.

Меня из родника любви ты Жизнью напоила,
И верен Шаислам тебе, любовь в душе таящий.

ЧЕРЕШНЯ

Как образ рдяных уст твоих ты принесла черешни,
И в каждой ягоде твой лик красой сияет вешней.

Черешен ярко-красный цвет—на зависть всем тюльпанам:
Девичьей прелести отсвет на их челе румяном.

И мчит меня мечта моя к далеким юным летам, —
В черешнях, верно, солнца жар горит багряным цветом.

И к блюду руку протянуть я гак и не осмелюсь,

Как будто молодость на нем, любви далекой прелесть.

Как образ рдяных уст твоих ты принесла черешни,
И в каждой ягоде твой лик красой сият вешней.

КАМЕНЬ-ТАЛИСМАН

Зардеет солнце поутру — и лики роз горят,
И соловей — во власти чар, волнением объят.

И страстный зов влечет пчелу к благоуханью роз, —
Покинув соты ради роз, она стремится в сад.

Не упрекай же, что любовь мне голову томит:
Художник, образ твой творя, тебе дал томный взгляд.

Чтоб от огня моей любви хоть искру раздобыть,
Ко мне бегут наперебой Вамык, Меджнун, Фархад,

Любовь — дар испытанья нам или плавильня чувств?
Она — и благо, и беда, и золото, и булат!

Спасись от пламени любви, о сердце, не стремись:
Огнем горящая душа не ведает преград.

Мне жаль тебя, о простодум: не ценишь перлы ты,
Стекляшек пестрых глупый вид тебе милей стократ.

Кто в похвалу красе других хоть слово произнес,
Узрев тебя, от тех похвал отречься будет рад.

Не сетуй, что душа моя лишь учится любви:
Себя готова принести она тебе в заклад.

«Таи, о сердце, — я сказал, — любовь, как талисман», —
Оно в ответ: «Огонь не скрыть: над жаром вьется чад!»

Тобя не зная, сердцем я от песен был далек, —
Лишь от любви поют сердца на соловьиный лад.

И разве диво, Шаислам, чго громок голос твой? —
Где нуть любимой, там и прах — что талисман-агат.

ЭРКИН ВАХИДОВ

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

За что человек землю любит и чтит,
За что ее все называют священной?
Она неказиста на цвет и на вид,
И чем славен прах этот — бурый и тленный?

Но вложены в землю терпенье и труд,
И щедро политы поля ее потом,
И землю родную, где всходы цветут,
За это и славят с великим почетом.

И если любимую землю свою
Хранит от врага человек неизменно,
И, землю обняв, умирает в бою,
Навеки земля его кровью священна.

Земля неказиста на цвет и на вид,
Ее вещество не священо, но свято,
Но прах этот потом священным полит,
И кровь — за него вековечная плата!

О СКРОМИОСТИ

Надут и важен чайник меж пиал,
А всё же перед ними он — в поклоне!
Тогда зачем же так спесив бахвал?
Что за гордыня в чванном фанфароне?

Свершай же скромно путь свой по земле,
В гордыне даже шага не шагни:
Не скромность ли ценя в ней, к пиале

Устами припадают искони?

КАРДИОГРАММА

Эта кардиограмма —
Что скрыто за нею?
Что за речи биение сердца ведет?
Почему сердце бьется сильнее, больнее,
Чем плененная птица, что рвется в полет?

Что же нужно ему,
И зачем ему биться,
Трепеща саламандрой в палящем огне?
Что за смысл в этих линиях-нитях таится? —
О целитель мой,
Вы рассказали бы мне!

Может быть, «нитью жизни» зовется вот это,
И к исходу ведет меня ломаный след?
Или это — путь жизни мой...
Та же примета
У изломов и выгибов прожитых лет.

Были взлеты, паденья, холмы и низины,
Были яркие цветы и колючи шипы.
Юным годам чужда
Гладь безбедной равнины,
И тернисты излучины каждой тропы.

Так устроено: сердцу не ведать покоя,
А душе есть покой от трудов и забот.
Что же с сердцем моим приключилось такое —
Почему оно против меня восстает?

Чем оно недовольно?
Обижено, что ли?
Что его тяготит, — я и в толк не возьму.
Доктор!
Вам не о тайной ли боли
Пишет сердце, прибегнув к такому письму?

Пусть расскажет,
Что сделал ему я плохого?
Преступил ли я волю его и наказ?
Разве сердцу в обиду строптивное слово
Сам себе
Или людям
Сказал я хоть раз?

Или белое черным назвал я притворно,
Этим вывертом радуя чей-либо слух,
Или, видя неправду, смолчал я покорно
И к заведомой кривде и слеп был и глух?

В чем повинен я? Чем перед ним виноват я?
Не сдержал ли я слово, сказал ли я ложь?
Предал друга ли я, внес ли в дружбу разлад я?
Был ли лжив я в любви? — Чем я был нехорош?

Нет! Был верен я сердцу, не знал я гордыни,
Не неволил его ни единого дня.
Слушай, сердце, ты преданным было донине, —
Что ж теперь взбунтовалось ты против меня?

Знаю я, что нелегок твой труд ежедневный,
И тяжел твой извечно бессонный разбег.
Спит земля,
Небо спит,

Сон и тишь во вселенной,
Только сердцу не ведать покоя вовек.

Знаю я,
Что напорист мой век неумемный,
Тяжко бремя налегших на плечи обуз,
Что кружащей в пространстве Землею огромной
На сердца давит весом немислимый груз.

С этой ношею, накрепко к сердцу притертой,
Тело всей своей плотью и кровью срослось, —
Разве диво, что рядом с сердечной аортой
Громыхает железом вселенская ось!

Человек избирать себе время не волен,
Мне ли выставить вехи к столетьям чужим?
Что ж, прости меня, сердце: тебя я не холил,
Не исчислил тебе я столетний режим!

Но мечтаю я:
Те, что придут вслед за нами,
Вспоминать станут с завистью наши сердца.
И за эту надежду весь пыл свой,
Всё пламя
Стоит, сердце, поверь мне, отдать
До конца!

* * *

Ехал поездом, на коне
И пешком я шел неустанно —
Путь нелегкий достался мне —
Подлиннее меридиана.

Я бывал на дальних привалах,
На немислимых перевалах.
За другими шел, обгонял их,
Мчался, сил не щадя усталых.

В пыльных тропах был путь далек,
Крут в горах был кремнистый дол.
Сколько я миновал дорог,
До того как тебя нашел!

ПРИСЛОВЬЕ ЕСТЬ...

Вот чудеса! Тебя я жду,
А вышла полная луна.
Что ж, есть присловье: рот — в еду,
А нос — об камень, — вот те на!

Смеялся я, в злословье лих,
Читая о Меджнуне стих, —
Присловье есть: боль мук твоих
Не стала бы другим смешна!

Петь о любви я был бедов,
А сам в плену ее оков!
Кто вырыл яму для врагов,
Тот сам в ней не отыщет дна!

О, гнет любимой так жесток,
Что я душою изнемог, —
Где шах несправедливо строг,
Там в разоренье вся страна!

Эркин, ты в плен любовью взят,
И всё теперь пойдет в разлад:

«Кто враг себе, — так говорят, —
Того вконец сгрызет вина!»

АБДУЛЛА АРИПОВ

УЗБЕКИСТАН

1

Мой край родной, я о тебе пою,
Ты для меня — вовеки несравненный!
Поэты славят родину свою,
И голос их звучит во всей вселенной.
Летят их песни в дальние края
На серебристых крыльях неустанно,
А мой прекрасный край — земля моя,
Вся она — быль неспетого дастана!
Но немошно перо мое, друзья, —
Узбекистан мой, Родина моя!

2

По райским не скучаю я садам
И не томлюсь по неземному чуду,
Я выдумкам увлечь себя не дам
И рассказы пером плести не буду.
Твоей весны алеющим полям
Была хвала пропета Алимджаном,
О славе твоей цел Гафур Гулям,
И в целом мире ей звучать дастаном!
Славна в веках история твоя,
Узбекистан мой, Родина моя!

3

Бывала правда попорана в былом,
И любо мне не всё твое былое.

Задумаюсь о давнем веке злом —
О нем не отзовусь я с похвалою.
И в прошлом было время тяжких бед:
Гремел тиран, и кровь лилась багрово,
Полмира сотрясала двести лет
Лихая злоба деспота хромого.
Тот век своим — нет, не признаю я,
Узбекистан мой, Родина моя!

4

Рассказ о предках — он совсем не прост,
Но в нем начало отдаю я слову
О том, кто высям неба, тайнам звезд
В таблицах дал научную основу.
Но поднял меч убийца-супостат,
И пал мудрец, но стал светилом вечным.
Друзья, не звезды на небе горят, —
То — слезы Улугбека в свете млечном!
Твоей земли велики сыновья,
Узбекистан мой, Родина моя!

5

Передо мной веков мелькает ряд,
И вижу их я в высях и провалах,
И вихрем поколения летят,
Как будто бег времен и не рождал их,
В Америке еще темны огни,
Колумба еще нежат в колыбели,
Но светоч ясной мысли Беруни
Его ведет по океану к цели.
И в них моя есть доля бытия,
Узбекистан мой, Родина моя!

6

Немало видел мир владык земных,
Им всем в могилу пролегла дорога,
Но меж поэтов, певших звучный стих,
Всесветных повелителей немного!
Могучий лев уже пять сотен лет
Пленяет мир поэзией прекрасной,
И страны, где Тимур не знал побед,
Каламу Алишера все подвластны.
Весь мир пленен напевом соловья,
Узбекистан мой, Родина моя!

7

Но есть над всеми предками глава,
Он всех других и выше и любимей,
В великих предках мощь его жива, —
Родной народ, твое я славлю имя!
Ты, голодая, свой последний хлеб
С любовью отдаешь родному сыну,
Ты славу сыновей, груз их судеб
Несешь в веках, не разгибая спину.
Я — твой, народ мой, ты — моя семья,
Узбекистан мой, Родина моя!

8

Чреда веков шумела над тобой,
Прошли зороастрийство, мусульманство,
И сколько темных сил наперебой
Тебя гнело жестокостью тиранства!
Гнев Чингисхана кровью и огнем

Тебя сметал с земли бесчеловечно,
Но ты помчался сказочным конем
И все преграды одолел навечно.
Тебя, мой конь летящий, славлю я,
Узбекистан мой, Родина моя!

9

Ты всякое видал в своей судьбе —
Мед счастья пил и жгучий яд печали,
Кто только гневом не грозил тебе,
Какие вражьи силы не терзали!
Подмоги просишь — стоны к небу взвей,
А бой жесток, и нет ответа зовам,
От крови твоих павших сыновей
Горели ночи заревом багровым.
Я с ними пал бы, кровь из ран струя,
Узбекистан мой, Родина моя!

10

Но светоч солнца мраку не задуть,
И лунный свет не пересият тени!
Всех угнетенных вывел в дальний путь
Заступник бедняков — великий Ленин.
И меч ты поднял в свой рассветный срок,
И сам себя узнал в луче багряном.
Набиев кровью алою истек,
Чтобы назвался ты Узбекистаном.
Да славятся цветущие края,
Узбекистан мой, Родина моя!

11

Но в мире не бывает тишины:
И мир и труд врагам земли не милы.
Ворвалась в твой покой под гром войны
Орда фашистов — дикие громилы.
Под Данцигом я, раненый, вставал
На тот рубеж, где пал Сабир Рахимов.
Мой край родной! Отпрянул вражий вал,
В далеких землях от тебя гонимый.
Ты — честь и слава вольного житья,
Узбекистан мой, Родина моя!

12

Однажды перед зимнею порой
Ко мне в окно украдкой кто-то глянул.
Ты это был, о край дехканский мой,
Пустынен, наг и сер во мгле сурьяной.
«Смотри, — сказал ты, — хмурятся дожди,
А хлопок еще виден на равнине,
Иди сюда, на помощь мне приди,
Убрать бы нам ею до зимней стыни!
Я жду тебя, грусть по тебе тая». —
Узбекистан мой, Родина моя!

13

И ты выходишь в дальний свой простор,
Сияешь солнцем ты над Ферганою,
И на белеющих вершинах гор
Палишь костер пастуший под скалою.
Когда лучи рассветные светлы,
Ты, как Айбек, стихи слагаешь щедро,
И волею Хабиба Абдуллы
В пустынях ты разведываешь недра.

Рудник сокровищ, золото жнивья,
Узбекистан мой, Родина моя!

14

Ты славою, мой край, весь мир пройдешь,
Но где ни ступишь ты землей иною,
Будь сам собою, будь с собою схож —
С любимую навеки стороною!
И, верный сын твой, я всегда с тобой —
Со всей твоею прошлою судьбою,
И счастлив твоей будущей судьбой:
Высоты коммунизма пред тобою!
Свободы, счастья бьющая струя,
Узбекистан мой, Родина моя!

15

Цвети, не зная осени, мой край,
Цвети, будь вечно молодой летами,
Трудись, расти, борись и побеждай
И дружен будь с братьями-друзьями.
В чреде веков неколебимо стой.
Как браг в семье народов многоликой,
Вовек да будет светел образ твой —
Ты — сын Советской Родины великой.
И песней светлый край мой славлю я,
Узбекистан мой, Родина моя!

* * *

Что ж, прощай...
В сердце горечь утраты,
Ты ушла, моя робкая серна.

Где теперь ты? Пропала куда ты?
Кто хранит, бережет тебя верно?

Поздно найдено — рано потеряно...
Что ж, брани — поделом мне урок.
Всех тому обучавший уверенно,
Сам тебя оценить я не смог.

Нераздельны с людского судьбиною
Потерявшие счет испытания.
Ну а я — с головою повинною, —
Мне и песня дана в наказание!

Что ж, прощай...
В сердце горечь утраты,
Ты ушла, моя робкая серна.
Где теперь ты? Пропала куда ты?
Твое сердце кому нынче верно?

Чье ты счастье? Тебе хорошо ли?
К светлым дням приоткрылась ли дверца?
Или любишь кого-то до боли
Ты,
Моя боль,
Боль верного сердца?

ПЕРВАЯ МОЯ ЛЮБОВЬ

Когда, пройдя весь небосвод, луна за облако зайдет,
И луч Венеры проблеснет, светя с тускнеющих высот,
И душу мне печаль сожмет, и в сердце тишина войдет,
Припоминаешься мне ты, о моя первая любовь,
И о тебе мои мечты, о моя первая любовь.

Минула юность — дни отрад и озорства веселый чад,
Бывал печален я и рад, и прав бывал и виноват,
И ведал с сердцем я разлад, и поступал я невпопад,
По я утратил юный пыл, о моя первая любовь,
И сердцем словно бы застыл, о моя первая любовь.

Кто этот мир понять бы смог? Как тайна, он суров и строг.
Он то просторен и широк, то — словно без дверей чертог!
И всех людей он подстерег, и всех к себе он в плен завлек.
Зачем я этого не знал, о моя первая любовь?
Был беззаботен я и мал, о моя первая любовь!

Кет, радостной мечты порыв во мне еще покуда жив,
Но я не искристо смешлив, не лунной уж красой красив!
Хоть вялой осени разлив во мне еще не так бурлив,
Но все ж, горюя по тебе, о моя первая любовь,
Печаль таю я по тебе, о моя первая любовь.

Путь потерявший человек в любви опору обретет,
В беду попавший человек в любви опору обретет,
Печаль познавший человек в любви опору обретет,
А в ком опору я найду, о моя первая любовь?
Ты вспомнишься — я как в чаду, о моя первая любовь!

О, весь я превратился в слух, — скажи, где отзвук твой затих?
Я ко всему на свете глух, — лишь ты в видениях моих!
Рассветный луч еще не тух, как написал я этот стих, —
Ты — сердца стон и свет в очах, о моя первая любовь,
Ты — мой единственный аллах, о моя первая любовь!

КАНАТОХОДЕЦ

Под небом, прямо возле облаков,
Идет, едва дыша, канатоходец,

Идет как бы по лезвию (каков!) —
Прищурясь, не спеша, канатоходец.

О, не жалейте, зрители, хлопков, —
Смотрите: ловок шаг его упорный.
А мы!.. Иной и зорок и толков,
А не пройдет и по дороге торной!

НАЙ

Он наливался соками земли,
Тугим ветрам раскрыв объятъя смело,
Но как-то раз чужие подошли,
Вонзили нож в трепещущее тело.

В живое око врезав щель глазка,
Ему долбили мякоть-сердцевину,
И в срезанное горло тростника
Губами дули — дай, мол, песню выну!

Такой беды не знал он и в мороз,
Когда его полосовала стужа,
И боли он не вытерпел, не снес,
И застонал, горя и недужа.

А люди шли на стоны тростника
И радовались горестному ладу:
От их же зла рыдавшая тоска
Была им в утешенье и в усладу.

МУХАММАД АЛИ

ЗОВ

Ты — поэт, в твоём сердце — нетленный огонь, —
Даже стынть потеплеет от этого пыла.
Лиру чутко настрой, струны трепетно тронь —
И в сердцах человеческих откликнется сила.

Ты всевластной мечтой создаешь ширь полян,
Украшаешь их пестрым цветочным нарядом,
Самый малый цветок ты излечишь от ран,
Если небо крутое обрушится градом.

Ты в стране, именуемой «Жизнь», — властелин,
Ты ступаешь — и пенится силою лава.
Есть ли кряж, что не пройден тобой, — хоть одни?
Есть ли в мире тебе неподвластная слава!

Где любовь, жар которой бы ты не познал,
Где созвучия песни, тобою не спетой,
Где тебе не открытые высь и провал,
Есть ли угол, пыланьем твоим не согретый?

Жизнь огромна, п счёта всем пишущим нет,
Как пылинкам, мелькающим в облаке света.
Человек должен жить не прошедшим, поэт, —
Быть живым и с живыми — вот должность поэта!

Может быть, ты в горах но отыщешь дорог,
Может быть, ты не выйдешь к широким просторам,
Может быть, тот огонь, что в себе ты зажег,
Не зардеет на лицах румяным задором.

А возможно, и слава тебя обойдет,
Не взбурлишь ты потоком, как пенные воды...
Ты во всем, друг мой, волен — высок твой полет,
Но в одном нет вовеки поэту свободы:

Если видишь ты истины солнечный свет,
Соль и хлеб твой — быть верным и стойко правдивым!
А не то... есть ветра, что стихам — горше бед,
Есть позор и презренье — возмездие лживым!

* * *

Ветер стих и в листве дремлет, тихо дыша,
И в арыках журчит еле слышно вода,
И мечты друг за другом теснятся, спеша,
И пронизуют навывлет всю грудь. И тогда
Светлый луч, ясноокая, входит в твой дом
И сияньем ложится на спящий твой лик,
И уютится в кудрях твоих — в мраке густом.
Этот луч — мои думы, — к тебе он проник!

Занавеску откинет шальной ветерок,
Бьется в стенку, безглазый, — преграда тверда!
Ты смеешься над ним — мол, не видит дорог,
Глянешь в сад — а откуда, мол, он? И тогда...
Нет, не надо смотреть, ты глаза призакрой, —
Всё осветится золотом и серебром,
Луг увидишь ты, солнцем насквозь залитой, —
Всею мечтою моей воплотился я в нем!

И везде отраженье твое предо мной:
Даже спящая ты, словно солнце, горда,
Косы плещутся, падая темной волной,
Их в дремоте тебе не унять... И тогда

Ты ночных голосов полусонный наплыв
Отгони от себя, лучше вслушайся в тишь:
И дойдет к тебе звук, всё собою покрыв,
То стучит мое сердце, — его ты услышь!

Но вскипает рассвет, белизной просветлен,
Зорь Отчизны волшебная всходит звезда.
Что за прихоть пришла мне — тревожить твой сон,
Я тихонько покину тебя... И тогда
Всё, что есть на земле, обоймет тишина,
И затихнет журчанье арыков и рек,
И в тиши лишь безмолвия поступь слышна.
И в тиши — боль прощанья и времени бег...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я к тебе возвратился — к глухому истоку,
Здесь мечта, как и прежде, — за чадным туманом,
И сыпучей пурги не прорвешь поволоку,
Не проглянешь пути к отошедшим полянам.

Белокрыло сплетаются снежные пряди...
Не печалься же! Их непрозрачные строчки —
Всего-навсего сказка про боль одиночки,
Ну а быть будет дальше — в весеннем наряде.

Ты придешь, будто сон, что не в силах понять я,
Прежней грустью красива и всё же иная, —
Я навстречу тебе раскрываю объятия,
Каждый шаг твой заклятьем стократ заклиная.

И не раз еще здесь зачарован я буду —
На земле, мою нежность навеки впитавшей,
Одинокой надежде дивясь, словно чуду,

И зовя издалека мой стих запропавший.

Сколько есть безответных, забытых пристанищ,
Сколько есть беззаботных, забывших красавиц!
Только прежнее звать понапрасну ты станешь:
Сердце болью зайдется, а боль не поправить!

Я к тебе возвратился — к глухому истоку,
Здесь мечта, как и прежде, — за чадным туманом,
И сыпучей пурги не прорвешь поволоку,
Не проглянешь пути к отошедшим полянам... ты...

* * *

Ты — цветок, дыханье лепестков
Дуновеньям ветра не даривший,
Не открывший трепетный покров
Их прохладе, о тепле молившей.

Ты искришься влагою хмельной
И не знаешь, в чьи уста пролиться.
Кем ты будешь выпита? Не мной, —
Даже каплю мне испить не мнится.

Ты — сиянье хлынувшей зари,
Что была полночною звездюю.
Мне ли на тебя смотреть? Гори, —
Я палящих чар твоих не стою.

Песня ты, велевшая звучать
Всей тревоге, что от века пелась.
Мне бы спеть тебя, да где же взять
Голосу — полег, а сердцу — смелость?

Ты — мечта, звенящая вдали,
А мои ли гам пути сбегутся?
Сколько сердцем чуда ни моли,
А рукам к тебе не дотянуться!

Ты мне — жизнь, моей мечты порыв,
Твоего я счастья не порушу, —
Вечно будь, живи, меня забыв, —
Не в мою ты воплотишься душу.

* * *

Сердитый ветер набежит,
Листву срывает, словно режет,
А миг пройдет — и, не сердит,
Он с тихой лаской листья нежит.

И если я порой сержусь
И не сдержу обиды колкой, —
Ты знай: за гневной размолвкой
Приходит ласковая грусть...

* * *

Из дней, тобой прожитых, не в любом
Готов признать я друга и собрата.
И ни к чему листать мне твой альбом
И снова мучить то, что сердцу свято.

И лучше мне не знать, что над красой,
Во всем тысячекратно несравненной,
Проходит тень ненужной полосой
И оставляет отпечаток тленный.

СВЕТЛЫЙ МИГ

Не просите стихов у поэта,
Клад поэзии спрятан глубоко,
Строчки — в сердце, на дне его где-то,
Молча перлами зреют до срока.

Не просите стихов, а спросите:
«О поэт, Расскажи людям — кто ты,
Пищу кто тебе дал для «наитий»,
Кто дал крылья тебе и полеты?»

Чем ты жив — разве только любовью
К красоте, отнимающей разум?
Даже птица привычна к гнездовью, —
Нужен дом тебе с углем и с газом!»

Не просите стихов. Расскажите,
Как горюют в тревоге о сыне,
Как пекутся о хлопке, о жите
В обводненной Каршинской пустыне.

Если БАМ — это бой бездорожью,
Если в небе — «Союз» златокрылый,
Разве сердце с ликующей дрожью
Не наполнится жизненной силой?

Но, поверьте, и сердце поэта
Тоже всходы, как сеятель, холит,
Кровью полито все, что им спето,
Потом каждый посев его полит.

Любит все он душой безустанной,
Ему любо с ветрами бороться,

А придет светлый миг долгожданный
Речь поэта и в вас отзовется!..

* * *

На горах снега лежат,
А в садах цветет гранат.
Мое сердце — что гора, —
Как ему найти твой сад?

Эй ты, сокол, чудо-птица,
Спать на камне не годится!
Погляди: пуста подушка
Там, где спит краса-девица!

Среди скал стоит утес,
Одинок, и крив, и кос.
Даже и дождем забыт,
Льет он реки горьких слез.

Роза, если и грустна,
Все равно красой красна:
Влагой слез омыв свой лик,
Ста нот лишь красней она!

Ты грустна, и мне — немилость,
Нам блаженство и не снилось.
Видно, где-то между нами
Вся любовь позаблудилась!

На горах снега лежат,
А в садах цветет гранат.
Мое сердце — что гора:
Стерпит все, найдет твой сад!

ПРИЗНАНИЕ

Я открыто скажу, не таясь ничуть:
Вас всем сердцем люблю я, лишь я один.
Меж узбеков лишь я, а не кто-нибудь,
Только вас и хвалю — я, лишь я один.

Сколько дней отошло, сколько лет прошло,
Меня тучей влекло, словно вихрь несло,
Вас я славил-хвалил всем другим назло, —
Всех хвалой своей злю я, лишь я один.

Захочу вас найти, а найти нельзя,
Захочу прочь уйти, а уйти нельзя.
Вас достойно воспеть — как ни льсти — нельзя,
Сердце мукой томлю я, лишь я один.

Лишь вздохну — все вокруг опалит тоской,
Пламя стонов моих жжет весь мир мирской.
Только сплетен боясь да молвы людской,
Молча все я терплю — я, лишь я один.

Черноокая! Мне моя страсть петля,
И свидетели в том — небо и земля.
Зря я мучусь-томлюсь, о любви моля, —
Сам себя я гублю — я, лишь я один!

ПРЯТКИ

Вечерами на улицах светлых
Резвы детские игрища в прятки.
Притаившись в углах неприметных,
Притихают на время ребятки.

Каждый раз мне водить доставалось,
Я любил тихо красться сторонкой:
В карагачах девчонка скрывалась,
Боль души моей детской — девчонка.

Я ее находил неизменно.
Пусть не нравилось это ребятам,
До небес я взносился мгновенно,
Если с ней мне случалось быть рядом.

А теперь где друзья моих пряток —
Где та девочка, где все ребята?
Нынче игры иные манят их,
Далеко друг от друга попрятав.

И когда я забот моих кряжи
Поутру поднимаю на плечи,
Я мечтаю без этой поклажи
Возвратить детских игр моих вечер.

Где, друзья, вы? Какими делами,
Чем — какую отрадой живете?
Бестревожно ли небо над вамп
В вашей нынешней взрослой заботе?

Обернулось ли явно живую
То, о чем вам когда-то мечталось, —
Расцвело ли зеленой листвою?
Или мысль о былом — только жалость?

Где ты, девочка славная, где же
От меня ты укрылась украдкой?
В мгlistом небе звездою ты брезжишь —

Неразгаданною загадкой.

Ты была весела и смешлива,
А сыскала ли доброго друга?
Всё ли в жизни сложилось счастливо?
Над тобою — весна или вьюга?

Неужели над ней — озаренной
И красой и душою чудесной
Дурень тешится самовлюбленный,
А она терпит всё бессловесно?

Нет, наверно, па хлопковом ноле
Конь стальной ею взнуздан умело,
Или строить пути в торном доле
Иль колхоз возглавлять — ее дело?

Вот и «спрятались» мы друг от друга,
Жизнь нас «прячет», сама же и «водит»,
И норою бывает нам туго
В беспокойном ее хороводе.

Скрылись вёсны под стужей осенней,
И огонь затянуло золою.
Прятки — бег невозвратных мгновений
С их весной и любовью былою...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТЫ-КЛАССИКИ

Амири

Атаи

Саккаки

Лутфи

Гадаи

Навои

Тюги неизвестных авторов, ранее приписывавшиеся Навои

Хусайни

Бабур

Машраб

Надира

Камиль Хорезми

Мукими

Фуркат

Анбар Атын

СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ

Хамза Хаким-заде Ниязи

Эргаш Джуманбульбуль-оглы

Гафур Гулям

Айбек

Хамид Алимджан

Усман Насыр

Сабир Абдулла

Уйгун

Зульфия

Хамид Гулям

Аскад Мухтар

Рамз Бабаджан

Шаислам Шамухамедов

Эркин Вахидов

Абдулла Арипов
Мухаммад Али

Сергей Николаевич Иванов

КРОВНОЕ СЛОВО

Переводы из узбекской поэзии

Редактор Р. Москалева
Художественный редактор А. Бобров
Технический редактор Т. Смирнова
Корректор Л. Лебедева

ИБ № 1945

Сдано в набор 26. 03. 80. Подписано в печать 27. 11). Й0. Формат 70X108' /». Бумага типографская № 1. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Уел. п. л. 26,6. Уч-изд. л. 17,6 Тираж 10 000. Заказ № 414. Цена 2 р. 20 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано в типографии изд-ва "Таврида" Крымского обкома КП Украины, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

Типография № 1 Ташкентского полиграфического производственного объединения „Матбуот" Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Хамзы, 21.